

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

СУБЪЕКТИВНЫЙ МИР

В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ
СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ НАУК

ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ И СОСТАВЛЕНИЕ
В.А. ЛЕКТОРСКОГО, Е.О. ТРУФАНОВОЙ
А.Ф. ЯКОВЛЕВОЙ

А К В И Л О Н

ББК 87
УДК 1 / 140.8
С 89

*Издание выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (РНФ), проект № 16–18–10229
«Проблема субъективности в современном междисциплинарном контексте
взаимодействия философии и когнитивных наук»*

Рецензенты

Доктор философских наук В.М. Розин
Доктор философских наук В.П. ФИЛАТОВ

Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук / Общ. ред. и сост. В.А. Лекторского (Отв. редактор), Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой. — М.: Аквилон, 2017. — 234 с.

В представленных текстах докладов и выступлений конференции «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук» (5-6 октября 2016 г., Институт философии РАН) обсуждаются вопросы трансформаций понятия субъекта в современной культуре под влиянием новых достижений когнитивных наук и развития компьютерных технологий, дается анализ новейшим исследованиям в области нейронаук относительно проблемы соотношения сознания и мозга, рассматриваются различные взгляды на понятия субъекта и Я в разных философских и психологических традициях, ставится вопрос о главных вызовах, которые несет индивиду современная социокультурная среда, изменяющаяся под воздействием различных технологий, и о способах реагирования на эти вызовы.

Книга рассчитана на специалистов по философии, психологии и когнитивным наукам.

Научное издание

ISBN 978–5–906578–22–8

© В.А. Лекторский (Отв. редактор), Е.О. Труфанова,
А.Ф. Яковлева, общая редакция, составление, 2017
© Институт философии РАН, 2017
© Издательство «Аквилон», 2017

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В.А. ЛЕКТОРСКИЙ</i> . ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
---	---

СУБЪЕКТИВНЫЙ МИР И СОВРЕМЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ НАУКИ

<i>В.А. ЛЕКТОРСКИЙ</i> Являются ли иллюзией представления о субъективном мире?	7
<i>Д.И. ДУБРОВСКИЙ</i> Возможно ли чтение мыслей другого человека на основе исследований мозга?.....	22
<i>Б.М. ВЕЛИЧКОВСКИЙ</i> От исследований сознания к разработке когнитивных технологий.....	37
<i>Н.М. СМЕРНОВА</i> Эвристический потенциал феноменологии для современных когнитивных наук.....	58
<i>В.Ф. ПЕТРЕНКО</i> Сознание и бессознательное в контексте психосемантики.....	71
<i>Е.А. НИКИТИНА</i> Субъект: сумма технологий или проект самого себя?.....	89
<i>Е.О. ТРУФАНОВА</i> К вопросу об исчезновении Я.....	99
<i>Е.Л. ЧЕРТКОВА</i> Парадоксальная субъективность или субъективность без субъекта.....	113
<i>А.Ф. ЯКОВЛЕВА</i> Научная деятельность: кризис субъекта в мире знания.....	125
<i>В.В. ВАСИЛЬЕВ</i> Как показать, что свобода воли не является иллюзией.....	138

В.Г. ЛЫСЕНКО

Субъект и субъективность в перспективе буддийской философии абхидхармы..... 145

И.Ф. МИХАЙЛОВ

Сознание и осознание: концептуальный анализ..... 157

М.А. СУЩИН

Субъект: воплощенный, встроенный в среду, но не расширенный..... 170

Ж.К. ЗАГИДУЛЛИН

О месте философии в познании человеческой субъективности..... 181

Г.Д. ЛЕВИН

Декартово методологическое сомнение..... 192

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

И.О. ЩЕДРИНА

Самосознание и автобиографический нарратив..... 199

А.В. КАТУНИН

ИмPLICITное научение и имPLICITная память, как одна из форм проявления «когнитивного бессознательного»..... 207

Р.Ю. САБАНЧЕЕВ

Коллективная память как проблема субъективности..... 215

К.Н. БОХВАЛОВА

Дискуссия о «Великой иллюзии»: восприятие в современной когнитивной науке..... 224

ОБ АВТОРАХ..... 230

CONTENTS..... 232

ПРЕДИСЛОВИЕ

Развитие современного информационного общества, новые нано-, био-, информационные и когнитивные науки и технологии, изменившаяся роль науки в «обществе знания» и возникновение феномена технонауки создают новую ситуацию в понимании человеческой субъективности и автономии и ставят под вопрос важнейшие традиции европейской культуры и философии. Речь идёт о признании роли сознания в осуществлении человеческих действий, представлении о *Я* как о центре сознания, идее свободы воли, признании автономности человека. Между тем, сложившееся в европейской традиции понимание субъекта и субъективного мира определило толкование таких базовых европейских культурных и социальных ценностей, как личность, достоинство, взаимное признание, толерантность, рациональность, политическая демократия. Поэтому изменение этих представлений означает не только новое понимание человека, но ставит вопрос о его судьбе и о судьбе культуры. Сегодня в мире среди философов и специалистов в области когнитивных наук идут острейшие дискуссии по этим проблемам. Это одна из главных проблем современной философии и важнейшая проблема науки в целом.

Данная книга посвящена обсуждению именно этой тематики. Книга родилась как итог конференции «Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук», проведенной 5-6 октября 2016 г. в рамках работы по проекту при поддержке гранта Российского научного фонда. Конференция вызвала огромный интерес. Среди её участников были специалисты в области эпистемологии и философии сознания, социальной философии, философии когнитивных наук, философии искусственного интеллекта, когнитивной психологии, историки западной и восточной философии, а также начинающие ученые, совсем недавно заинтересовавшиеся данными темами. Мы публикуем основные доклады и некоторые выступления. К сожалению, не все доклады удалось

подготовить к публикации в этой книге. Это, в частности, относится к весьма интересным докладам академика РАН А.В. Смирнова о новом понимании некоторых идей Ибн-Сины в контексте развития современных когнитивных исследований и доктора философских наук А.Ю. Алексеева о возможностях и границах философского функционализма в истолковании результатов компьютерных наук.

Все участники конференции разделяют мнение о том, что попав в новый мир информационных, нано- и биотехнологий, человек обязан сохранить свой субъективный мир и свою автономию. Иначе он исчезнет. Но само понимание человеческой субъективности серьёзно меняется. Многие традиции исследования познания и сознания приходится перестраивать. Без философии здесь не обойтись. Надеюсь, что читатели этой книги смогут в этом убедиться.

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

В.А. ЛЕКТОРСКИЙ

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ИЛЛЮЗИЕЙ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУБЪЕКТИВНОМ МИРЕ?*

В статье анализируются факты, связанные с развитием современных коммуникационных и информационных технологий и когнитивных наук, которые ставят под сомнение традиции европейской культуры и философии в понимании субъективности: признание роли сознания в осуществлении человеческих действий, представление о Я как центре сознания и инстанции принятия решений, наличие свободы воли, идея автономности человека и существования приватного мира. Обосновывается тезис о необходимости нового осмысления феномена сознания, Я и человеческой автономии в свете современных научных данных. Вместе с тем показано, что без существования автономного субъективного мира человек невозможен.

Ключевые слова: субъективный мир, Я, интроспекция, сознание, свобода воли, чтение мыслей, человеческая автономия, философия, когнитивные науки.

Понимание субъекта как автономного существа, принимающего решения, исходя из собственных мотивов, целей, разделяемой системы ценностей и определённого понимания мира, и отвечающего за последствия своих действий, глубоко укоренено в европейской культуре. Такой субъект, конечно, обладает свободой воли — в противном случае он не отвечал бы за свои поступки. У него имеется сознание и самосознание — без них невозможно

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

отдавать отчёт в собственных мотивах и целях, иметь свободу воли (как известно, человек не отвечает за действия, совершённые в бессознательном состоянии: под влиянием гипноза, в случае сомнамбулизма и т.д.). У него есть *Я* как центр познания и сознания и как инстанция, принимающая решения. Подобное понимание субъекта и субъективного мира определило толкование таких базовых европейских культурных и социальных ценностей, как личность, достоинство, взаимное признание, толерантность, рациональность, политическая демократия.

С конца XVII века проблема субъективности и *Я* как её центра стала одной из главных в европейской философии. Ю. Хабермас считает, что в течение последних 300 лет эта философия была в сущности «философией самосознания», «философией субъективности».

Декарту приписывается своего рода «открытие сознания». Можно сомневаться во всём, считал Декарт: в существовании внешнего мира, других людей, даже собственного тела. Нельзя сомневаться только в том, что существуют само моё сомнение и *Я* — тот, кто сомневается. Неоспоримо существуют и связанные с моим *Я* состояния сознания. Если даже внешний мир существует, то при познании его отдельных состояний (вещей, свойств, отношений, процессов, событий) всегда возможны ошибки. Но невозможно ошибиться в том, что я испытываю такое-то переживание, то-то хочу, принял такое-то решение, о том-то вспомнил, что мне пришла в голову такая-то мысль. В субъективном мире невозможно разделение на иллюзию и реальность: то, что в нём случается, всегда происходит в самом этом мире, т.е. «на самом деле». Если я обдумываю некоторую проблему, то я, в самом деле, размышляю о ней, если я решил написать статью, то я действительно принял это решение. Дж. Локк выделил два источника познания: восприятие внешнего мира и восприятие сознанием собственных состояний — рефлексия.

Представление об особом характере субъективного мира и о специфике его познания (осознания) стало одной из главных тем европейской философии. Классики немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв., прежде всего, обсуждали именно эту проблему. Для Фихте отношение Трансцендентального Субъекта к самому себе (самопознание) лежит в основе всех остальных отношений. Для Гегеля мир возникает из разворачивающегося само-

сознания Абсолютного Духа. Уже в XX веке Гуссерль исходил из того, что единственно бесспорными могут быть только феномены сознания, и поэтому считал свою трансцендентальную феноменологию «эгологией», т.е. учением о *Я*.

Итак, получилось, что существование сознания, его состояний и лежащего в основе его *Я* является бесспорным, а в отношении реальности всего остального могут быть сомнения. Появилась даже необходимость в «доказательстве существования внешнего мира» — Кант назвал это «скандалом в философии».

Возникшая в конце XIX века экспериментальная психология исходила из того, что испытуемый отдаёт себе отчёт в состояниях собственного сознания, о чём сообщает экспериментатору. Психология соединяла изучение внешних воздействий на органы чувств, исследование процессов, происходящих в нервной системе человека (в частности, в его головном мозге) с учётом данных интроспекции, т.е. самонаблюдения. Считалось, что искусству интроспекции нужно учиться, так как неподготовленный человек может не распознать некоторых состояний своего сознания, хотя ошибки в самовосприятии невозможны. В рамках интроспективной психологии были получены определённые результаты, хотя в 20-е гг. XX века её методы стали подвергаться критике. Дильтей считал, что особенность наук о человеке — это использование процедуры понимания: непосредственного вчувствования в состояния сознания другого человека. Понимание невозможно в науках о природе и природоподобных образованиях (например, экономических механизмах), там применимо только описание и объяснение. А для интерпретации действий другого человека нужно понимание его мотивов, целей, переживаний, т.е. проникновение в его субъективный мир.

Можно было спорить с различными философскими концепциями человеческой субъективности, тем более с теми, которые вели к солипсистским выводам и вступали в противоречие со здравым смыслом. Такой спор всегда шёл. Но нельзя было отрицать те факты, которые эти концепции использовали: существование сознания, самоотчет о его состояниях, переживание *Я* как его центра и инстанции принятия решений, существование свободы воли.

Между тем, сегодня человек оказывается в принципиально новой ситуации, заставляющей усомниться не только в тех или иных философских или психологических концепциях субъективности, но в самом факте существования последней, что представляется уже вызовом здравому смыслу.

Это результат современного научного и технологического развития, прежде всего развития информационно-коммуникационных технологий, а также группы т.н. НБИК–технологий (нано-, био-, информационных и когнитивных), разрабатываемых на базе соответствующих научных исследований в области информатики, биологии (генетики), когнитивной науки. Сегодня наука вступила в сильнейшее взаимодействие с технологией и техникой, и в результате возник новый комплекс, который часто называют техно-наукой. Последняя меняет и даже взрывает исторически сложившийся жизненный мир человека.

Прежде всего, это выражается в том, что человек получил невиданные возможности для развития. Бросается в глаза, что степень свободы его действий многократно увеличилась.

Сегодня можно с помощью Интернета выйти за пределы тех объединений (социальных и культурных), в которых человек оказался в силу обстоятельств своего рождения и жизни, и создавать сетевые сообщества, включающие самых разных людей, живущих в различных уголках Земли, но вступивших в контакт (обычно временный) в результате некоторых общих интересов. Если традиционные культуры привязаны к определённому пространству и разворачиваются в историческом времени, то сетевые сообщества преодолевают пространство и не претендуют на длительное существование. В социальных сетях можно создавать себе виртуальную личность, которая не обязана быть похожа на личность того реального человека, который пишет тексты под псевдонимом («ником»). В обычной жизни любая деятельность предполагает определённые нормы её осуществления и критерии оценки того, насколько хорошо она выполнена. Это необходимое условие существования профессиональной деятельности в любой сфере жизни, в частности, в науке и литературе. В Интернете можно размещать любой текст, каждый может быть не только читателем, но и автором. Интернет даёт ощущение невиданной свободы.

Генетика и геномная инженерия позволяет «редактировать» геномную систему человека. В недалёком будущем можно будет «заказывать» ребёнка по собственному вкусу: более умного, более эмоционального, более сильного, чем другие дети, с большими музыкальными способностями и т.д. Возникло целое движение (в него входят многие учёные), ставящее цель «улучшения человека» (“human enhancement”). Некоторые идут ещё дальше и считают,

что нужно начать проектирование «пост-человеческого» существа, которое должно прийти на смену ныне живущему человеку. Этот «пост-человек» не только будет лишён ряда человеческих недостатков, но в принципе может стать бессмертным. Ведь избавление от смерти — тысячелетняя мечта человека. Вариантов достижения бессмертия, которые сегодня обсуждаются, в основном два. Первый: вживление в организм большой группы нано-роботов, которые будут контролировать состояние разных физиологических систем, производить ремонт в случае их плохой работы или сигнализировать о необходимости их замены. Это можно делать в принципе бесконечно. В таком случае и «пост-человек» будет жить вечно. Второй вариант: осуществление электронного копирования той информации, которая записана в мозгу и которая относится к личным особенностям и событиям жизни того или иного человека — тем самым будет создана «электронная копия» определённой личности. Затем такая копия пересаживается на цифровой носитель, который может существовать бесконечно долго. Идеи «пост-человека» и «иммортализма» (бессмертия) исходят из того, что человек обретает сегодня возможность свободного экспериментирования со своим телом, мозгом и психикой, может пересоздавать и создавать себя и даже продлить свою жизнь до бесконечности.

В связи с идеей проектирования человека высказывается и идея сознательного управления эволюцией. До сих пор эволюционный процесс шёл стихийно. При этом речь идёт не только о биологической и социальной эволюции, но об эволюции всей природы, начиная с появления атомов, а затем первых молекул (т.н. концепция «глобального эволюционизма», которую разрабатывали многие учёные, в частности, академик Н.Н. Моисеев). Сегодня в некоторых кругах популярна идея о том, что человек может с помощью современных технологий, опирающихся на научные разработки, создавать такие образования, которые природа в силу определённых причин до сих пор создать не могла. Это называется «выходом за пределы природных ограничений». Речь не идёт о выходе за пределы законов природы (это невозможно), а о том, чтобы, опираясь на эти законы, человек стал выступать как некая космическая сила, как своеобразный космический demiург. Это возврат к знаменитому лозунгу И.В. Мичурина (который был созвучен с пафосом социалистического преобразования в нашей стране): «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у

неё — вот наша задача». Считается, что искусственное может пересоздать или даже заменить всё естественно данное.

Между тем, эта казалось бы невиданная свобода оборачивается своей противоположностью.

Человеком, живущим в виртуальной реальности Интернета, можно легко манипулировать с помощью создания массивной дезинформации — ранее такое было невозможно. В т.н. «электронном обществе» (т.е. обществе информационных технологий) начинает применяться регулирование поведения с помощью сигналов, поступающих на его гаджет от некой контролирующей инстанции. Поскольку современное общество — общество риска (речь идёт и о природных или технологических опасностях, и об опасностях социальных, сегодня это, в частности, международный терроризм), то большинство людей согласится на такой контроль и управление извне. А в чьих интересах будет такое управление — это особый вопрос. Это может быть и сила, преследующая собственные интересы.

Но это значит, что фундаментальная для европейской культуры ценность личной автономии, принятия человеком собственных решений оказывается под вопросом. Разделение «личного» и публичного пространства начинает всё более размываться. Сотовый телефон, который сегодня стал уже частью человека, не даёт возможности уединения: будут постоянно идти звонки и электронные письма, на которые нужно отвечать. Даже если отключить на время мобильник, запросы будут продолжаться, и рано или поздно нужно будет на них реагировать.

А вот другая идея: «умный дом» или «Интернет вещей». В таком предполагаемом в недалёком будущем доме сами вещи будут информировать о том, что вы должны сделать: купить такие-то продукты и положить их в холодильник, вызвать врача, так как ваш организм нуждается в лечении. А ещё лучше, если эти «умные вещи» сами закажут необходимые для холодильника продукты и вызовут врача, не поставив вас в известность об этом, так как они лучше знают, что именно вам необходимо. Вы будете не хозяином, а исполнителем команд «умных» вещей. О какой вашей автономии можно в таком случае говорить¹?

¹ См.: *Лекторский В.А.* Социальные технологии и человек // *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М., 2012. С.177-188.

Главное же состоит в том, что исследование психической жизни в рамках современной когнитивной науки приводит ряд исследователей к выводу о том, что представления здравого смысла и европейской философской традиции о существовании особого субъективного мира, предполагающего специфические способы его познания, на самом деле вроде бы лишены смысла.

Начну с того важнейшего обстоятельства, выявленного наукой, что большая часть познавательных процессов осуществляется бессознательно. Когда в своё время Г. Гельмгольц предложил понимание восприятия как бессознательного умозаключения, он был подвергнут жесточайшей критике: как это умозаключение может быть бессознательным, ведь процесс мышления не может не осознаваться? Между тем, сегодня тезис о существовании «когнитивного бессознательного» является общепринятым среди специалистов — когнитологов, считающих, что на бессознательном (субличностном) уровне происходит анализ, синтез, интерпретация информации, решение задач, выдвижение гипотез и т.д. — т.е. большинство тех процессов, которые ранее описывались и изучались как исключительно сознательные акты. Выявлен феномен т.н. «слепого зрения» (*blind sight*), когда человек распознает окружающие предметы, не сознавая этого, т.е. будучи уверен, что ничего не видит.

Я уже не говорю о том, что сегодня общепризнано представление о том, что бессознательными могут быть наши переживания, эмоции, мотивы и даже желания. Это значит, что если я испытываю какое-то переживание, из этого не следует, что у меня нет других переживаний, которые я не осознаю и которые могут даже противоречить тому, что находится в сознании. Сознаемые и неосознаваемые желания также могут быть в конфликте друг с другом. Сегодня много исследований посвящено феномену самообмана. Получается, что осознаваемое *Я* не столь автономно и может управляться неосознаваемыми импульсами.

Если раньше для европейской философской и психологической традиции факт сознания был несомненной очевидностью, а существование внешнего сознанию мира нуждалось в доказательстве, то сегодня ситуация перевернулась. Наука о когнитивных процессах исходит из факта включения человека в информационный контакт с миром, из того, что мозг перерабатывает получаемую извне информацию, но эта наука не может до конца понять

роль сознания в этом процессе и даже нередко ставит под вопрос необходимость его существования. Если раньше философы пытались ответить на вопрос: «Как возможен внешний сознанию мир», то сегодня философы и специалисты — когнитологи пытаются ответить на другой вопрос: «Как возможно сознание, в чём его роль?». Некоторые считают, что без сознания когнитивная система человека вполне может обойтись, что сознание — это некая иллюзия, которая превратно представляет человеку те процессы, которые в нём на самом деле происходят. Другие предлагают считать грань между сознательными и бессознательными когнитивными процессами условной и размытой². Есть и попытки понять необходимую роль сознания, в том числе интересные, но ни одна из них пока не завоевала общего признания³.

В рамках развития когнитивной науки обнаружились факты, которые, как считают многие исследователи, опровергают разделяемую многими философами (и соответствующую здравому смыслу) идею существования свободы воли.

Речь идёт, в частности, об известных опытах американского нейробиолога Либета⁴. Испытуемым предлагалось осуществить элементарное свободное действие: поднять руку по собственному желанию, и, как только это желание появляется, немедленно сообщить о нём экспериментатору. Между тем, последний с помощью определённой аппаратуры фиксировал в это время процессы, происходящие в мозгу испытуемого. Целая серия таких опытов как будто бы неопровержимо показала, что за несколько миллисекунд до того, как испытуемый осознавал своё решение поднять руку (и сообщал об этом экспериментатору), в его мозгу уже начинались процессы, которые приводили к поднятию руки. Получается, таким образом, что рука поднимается не потому, что испытуемый решил это сде-

² *Dennett D. Consciousness Explained. L., N.-Y., 1991.*

³ *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002; *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб, 2003; *Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М., 1992; *Chalmers D.* Conscious Mind. Oxford, 2006; *Baars B.* In the Theater of Consciousness. N.-Y. 1997; *Carruthers P.* Consciousness: Essays from a Higher-Order Perspective. Oxford, 2005.

⁴ *Libet B.* Can conscious experience affect brain activity? // *Journal of Consciousness Studies.* 2003. 10; 12. P. 24-28.

лать: наоборот, его решение предопределено уже начавшимися и не сознаваемым им процессами в головном мозгу. Это, как кажется, неопровержимо говорит о том, что никакой свободы воли нет, что это просто иллюзия нашего сознания. А это значит с этой точки зрения, что нет и «Я»: ведь именно сознательное и свободное «Я» считается ответственным за принимаемое решение.

Как известно, информация о мире записывается в нейродинамических структурах. Можно эти структуры уподобить коду, с помощью которого шифруется определённое содержание. Поэтому кажется представимой такая задача: если мы расшифруем нейродинамический код, мы будем в состоянии выявить то содержание, которое записано в головном мозгу. Иными словами, если бы мы решили эту задачу, мы могли бы, наблюдая с помощью определённых приспособлений работу головного мозга другого человека, узнавать его мысли. Эта задача, получившая название «чтения мыслей» (mind reading) или «чтения мозга» (brain reading) как будто бы начинает решаться в современной когнитивной науке. Во всяком случае, есть впечатляющие примеры того, как можно «прочитать» тот или иной визуальный образ, существующий в голове другого человека: образ восприятия некоей настоящей ситуации или представление ситуации прошлой, или же картину, нарисованную воображением⁵. Некоторые современные исследователи считают, что открывающиеся перспективы «чтения мыслей» других людей сделают возможным полный контроль за поведением и исключат возможность обмана. Конечно, человек утратит свою автономию, представления о приватном субъективном мире потеряют смысл, зато отношения между людьми с этой точки зрения станут «прозрачными».

Таким образом, под вопросом оказываются не только традиции европейской философии и наук о человеке в понимании субъективности, под вопросом оказывается и сам человек, ибо без самостоятельности, возможности принимать собственные решения, отдавать отчёт в своих действиях он невозможен. Кажется, что в мире информационных технологий, когнитивной науки и «умных» вещей человек просто не нужен.

⁵ См.: Nishimoto S., Vu A.T., Naselaris T., Benjamini V., Yu B., Gallant J.I. Reconstructing visual experience from brain activity using natural movies. *Current Biology*. 21 (19) / 2011. P. 1641-1646.

Попробую показать, что это не так.

Конечно, в наши дни представления о человеческой субъективности претерпевают большие изменения. Сегодня ясно, что субъективный мир не сводится к сознанию: нужно принимать в расчёт ту важнейшую роль, которую играют когнитивные бессознательные процессы, неосознаваемые эмоции, желания, побуждения. Сознательный и бессознательный уровни субъективности переплетаются и взаимодействуют друг с другом. Не сознавая некоторых процессов и явлений собственной субъективности, человек может заблуждаться в отношении самого себя: скрытых побуждений, подлинных мотивов некоторых действий, определенных черт личности. Важно, однако, отметить вот какой принципиальный факт. Действие возможно только в том случае, если сознаются намерение его совершить и его цели. Человек может ошибаться в отношении скрытых мотивов своего действия, но он не может заблуждаться в том, что он собирается нечто совершить и что именно он является творцом этого действия (последнее включает и мысленные действия — предположения, суждения, размышления, воспоминания, оперирование представлениями, а также интерсубъективные действия: коммуникация с другими). Декарт был неправ, когда он отождествил субъективный мир с миром сознания и считал, что невозможно заблуждаться в отношении явлений этого мира. Но он был прав в другом: я не могу ошибиться в отношении автора моих действий. Когда я делаю себя предметом собственного познания и сознания (*Я* как объект), я могу ошибиться. Но я не могу заблуждаться в отношении того, кто именно является автором моих действий (*Я* как субъект)⁶. Вообще многие явления человеческой субъективности возможны только на сознательном уровне. Если человек не сознаёт глубинных мотивов своих действий, они будут обречены на неудачу. Нельзя слишком

⁶ Некоторые психически больные утверждают, что их поведением и даже мыслями управляют внешние силы и что поэтому их *Я* не существует. Но ведь в этом случае они относятся к своему *Я* как к предмету осознания, т.е. объекту. Однако сами их утверждения как особого рода действия предполагают наличие автора этих действий, т.е. существование *Я*. Однажды студент, наслушавшись лекций по философии, сказал преподавателю: «Мне иногда кажется, что меня не существует». «Кому кажется?», — спросил преподаватель. Студент задумался и смущенно отошёл. См. также: Metzinger T. Being No One. Cambridge, 2003.

долго ошибаться в особенностях своей личности — это может привести к непоправимым последствиям во взаимоотношениях с другими. Конфликт между сознаваемыми мотивами и бессознательными побуждениями может привести к неврозам, т.е. затруднить нормальную жизнь. Успешно практикуемый способ излечения в этом случае, как известно, связан с осознанием причин неврозов, т.е. с переводением процессов с бессознательного уровня на уровень сознания. Неосознаваемое получение той информации, которая обычно осознаётся, например, в случаях т.н. «слепого видения» (blind sight) серьёзно уступает сознательному восприятию. Иными словами, сознание и сознание самого себя играют исключительную, незаменимую роль в человеческой жизни.

Важно понять сознание иначе, чем это имело место в философской и психологической традиции. Сознание — не замкнутый в себе особый мир, а интроспекция, самосознание, рефлексия — не фиксация состояний такого мира. Сознание в действительности выходит за собственные рамки и указывает на внешнюю реальность. Это способ осмысления действия в мире вещей, отношений, процессов, событий, других людей. Самосознание, самореференция связаны с этими действиями в реальном мире. Именно из такого понимания исходят приобретающие сегодня всё большую популярность в когнитивной науке идеи энактивизма, идущие от Ф. Варелы и Дж. Гибсона⁷. Субъект, Я — не центр отъединенной от мира субъективной реальности, а телесно воплощенное существо (embodied self), включенное в активное взаимодействие с миром и в коммуникационные связи с людьми. Самосознание — это осознание прежде всего состояний собственного тела, а затем и состояний сознания (важно, что эти состояния связаны с осмыслением внешнего мира) и своей личности. При этом, как уже говорилось, в этом процессе возможны ошибки.

Субъективный мир — это осознание мира и себя с «позиций первого лица». Особенность этой позиции в том, что она определяется уникальностью положения каждого человека в пространстве и времени и неповторимости его биографии. Это делает невозможным сведение этой позиции к «позиции третьего лица».

⁷ Varela F., Thomson E., Rosh E. The Embodied Mind. Boston, 1992. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.

Свобода воли в действительности есть. Её местонахождение не в структурах мозга (работа которого детерминирована физическими, химическими и информационными процессами), и не в сознании, если его понимать как замкнутую в себе реальность, а в культуре. Свобода вовсе не есть отсутствие всякой детерминации, как это нередко считается, а лишь отсутствие детерминации, внешней для личности. Решение всегда опирается на определённые рациональные основания: мотивы, предпочтения, цели и в конечном счёте принимаемые ценности. Эксперименты Либета вовсе не доказывают отсутствие свободы воли. Дело в том, что в естественных условиях любое действие определяется своим мотивом, а не просто желанием продемонстрировать свободу. Поэтому сами условия эксперимента Либета весьма искусственны. Мотив был задан испытуемым извне — правда, они сделали этот мотив своим собственным. Но важно, что мотив существовал уже до начала эксперимента. Поэтому неосознаваемое желание (основанное на мотиве) выполнить задание экспериментатора и поднять руку имелось ещё до того, как испытуемым было принято сознательное решение. Этот несознаваемый импульс и мог запустить цепь нейронных процессов, приведших к поднятию руки.

Невозможно и «чтение мыслей» другого человека на основе исследования активизации определённых участков коры его головного мозга. Ведь расшифровка содержания любого текста («чтение») предполагает сопоставление определенных знаков и их совокупностей с неким содержанием. Значит, для того, чтобы понять, о чём думает человек, мозг которого мы наблюдаем, нужно знать это содержание. Но обычно оно нам недоступно. Либо потому, что связано с уникальной биографией этого человека, либо потому, что понимание его мыслей предполагает знание весьма специального содержания. Например, если я сейчас размышляю о трансцендентальной апперцепции в философии Канта, то исследователь моего мозга, не знающий философии Канта, никогда не сможет понять, о чём я думаю. Но дело не только в том, о чём я сейчас думаю, но и в том, что именно я думаю об этом. Поэтому первый и второй моменты (уникальная биография и особая область размышлений) вместе определяют содержание моих мыслей, недоступных другому.

Невозможность «чтения мыслей» другого — одно из фундаментальных условий человеческого существования. Каждый имеет

свой внутренний мир и образ своего Я. Каждый имеет свои проблемы, которые он сам и пытается решить, а не переложить их решение на других. У человека есть такие переживания, о которых он не желает рассказывать другим. В этом и состоит его достоинство и самоуважение — основа автономии. Если бы он был абсолютно открыт всем, он стал бы чем-то вроде пластичной глины в руках других людей и объектом манипуляций со стороны разных социальных инстанций, иными словами, утратил бы свободу. А это значит, что он перестал бы быть человеком⁸.

Если бы человек обрёл бессмертие и превратился в «пост-человека», потеряли бы смысл такие фундаментальные ценности, как мужество, самоотверженность, любовь, ибо они связаны с такими поступками, которые предполагают возможность гибели. Если теряет смысл смерть, то теряет смысл и жизнь.

Человек не может превратиться в сумму технологий. Сегодня ясно, что даже в случае природных явлений мы не всегда можем предсказывать ход некоторых процессов и результаты нашего воздействия на них — например, когда мы имеем дело со сложноорганизованными системами. Тем более это относится к социальным процессам. Самое интересное в том, что появление и развитие тех явлений нашей жизни, которые мы ценим особенно высоко, так как они связаны с высшими человеческими смыслами и ценностями, незапрограммировано. Поэтому эти явления нельзя контролировать извне и управлять ими. Это такие явления, как любовь, коммуникация, диалог, творчество, нравственный поступок. Нет и не может быть «технологии любви». Можно и важно прилагать усилия для её сохранения, но сама любовь — это не действия по правилам и заданной программе. Тем более таковыми не являются поступки, совершаемые во имя любви — они могут быть совершенно безрассудными. Можно создавать условия для плодотворного диалога. Но его ценность в том и состоит, что результат его заранее неизвестен и может оказаться неожиданным для каждого из его участников. Невозможно управлять процессом творчества. Можно создавать для него благоприятные условия — социальные и межличностные (ряд этих условий выявлен в исследованиях по социологии знания и психологии творчества). Но само творчест-

⁸ См.: Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.

во — это открытие того, что заранее неизвестно. Мечта многих философов об открытии «логики творчества» оказалась в принципе неосуществимой (использование т.н. «эвристик» не предопределяет творческий процесс). Не существует и не может быть технологии совершения нравственного поступка.

Попав в новый мир информационных, нано- и биотехнологий, человек обязан сохранить свой субъективный мир и свою автономию. Иначе он исчезнет. Но само понимание человеческой субъективности серьёзно меняется. Многие традиции исследования познания и сознания приходится перестраивать. Без философии здесь не обойтись. Проблема субъективности — одна из главных проблем современной науки. И это проблема для самого человека: сохранится ли он, а если сохранится, то кем станет. Это вызов для философии.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003. 368 с.
- Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
- Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
- Лекторский В.А.* Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.
- Лекторский В.А.* Социальные технологии и человек // *Лекторский В.А.* Философия, познание, культура. М., 2012. С. 177-188.
- Сёрл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 1992. 256 с.
- Baars B.* In the Theater of Consciousness. N.-Y.: Oxford University Press, 1997. 201 p.
- Carruthers P.* Consciousness: Essays from a Higher-Order Perspective. Oxford: Oxford University Press, 2005. 264 p.
- Chalmers D.* Conscious Mind. Oxford: Oxford University Press, 2006. 432 p.
- Dennett D.* Consciousness Explained. L., N.-Y.: Little, Brown and Co., 1991. 511 p.
- Metzinger T.* Being No One. Cambridge: MIT Press, 2003. 699 p.

Nishimoto S., Vu A.T., Naselaris T., Benjamini V., Yu B., Gallant J.I. Reconstructing visual experience from brain activity using natural movies. *Current Biology*. 2011. 21 (19). P. 1641-1646.

Varela F., Thomson E., Rosh E. *The Embodied Mind*. Boston: MIT Press, 1992. 328 p.

IS THE IDEA OF THE SUBJECTIVE WORLD AN ILLUSION?

The article analyses facts, connected with the development of contemporary communicative and informational technologies, which call into question the traditions of European culture and philosophy in understanding the subjective world: acknowledgement of the role of consciousness in fulfilling actions, the idea of Self as the centre of consciousness and the instance of decision-making, a fact of the existence of the free will, the idea of human autonomy and individual privacy. The author argues that it is necessary to give new interpretation of the phenomena of consciousness, Self, free will and human autonomy in the light of contemporary scientific achievements. The author also stresses that the human being is impossible without the existence of autonomous subjective world.

Keywords: subjective world, Self, introspection, consciousness, freedom of will, mind reading, human autonomy, philosophy, cognitive sciences.

Vladislav Alexandrovich Lektorsky — DSc in Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Science, Main Research Fellow. RAS Institute of Philosophy; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Д.И. ДУБРОВСКИЙ

ВОЗМОЖНО ЛИ ЧТЕНИЕ МЫСЛЕЙ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЗГА?*

В статье, с опорой на информационный подход, обоснован положительный ответ на вопрос, станет ли возможным чтение мыслей (brain-reading, чтение мозга) человека при условии прогресса когнитивных исследований и связанных с ними технологий: если познание представляет собой процесс кодирования и декодирования информации, то расшифровка нейродинамических кодов откроет перспективу описания содержания сознания. Также представлены как оптимистичные перспективы решения сложной проблемы «сознание и мозг» — проблемы связи сознательных состояний с деятельностью мозга, т.к. наука занимается поиском подходящих инвариантов, которые могут лежать в основе всех этих неповторимых явлений и объяснять их.

Ключевые слова: сознание, мозг, информационный подход, чтение мозга, нейровизуализация, нейродинамический код.

Положительный ответ на этот вопрос был дан мной более пятидесяти лет тому назад в ряде небольших публикаций начала 60-х годов прошлого века¹ и несколько позднее в статьях, опубликован-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (Project No. 16–18–10229).

¹ См., например, наиболее значительную из них: *Дубровский Д.И.* Методологические вопросы исследования психо-соматических корреляций // Вопросы гигиены и эпидемиологии Донбасса. Издание Донецкого мединститута, Донецк. 1964.

ных в журнале «Вопросы философии» и в других изданиях², а затем в автореферате докторской диссертации³, основные материалы которой были изданы в виде монографии⁴. В этих работах утвердительный ответ на поставленный выше вопрос выводился из предложенного мной информационного подхода к проблеме «Сознание и мозг» и постановки на этой основе задачи расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений. Подробный анализ задачи расшифровки мозговых нейродинамических кодов и способов ее решения представлен в указанной монографии.

Вскоре информационный подход и терминологию расшифровки мозговых кодов в исследовании психических явлений стала также использовать Н.П. Бехтерева, с которой я начал тесно сотрудничать⁵. Особенно плодотворными для меня были обсуждения этих вопросов с такими крупными специалистами, работавшими с Н.П. Бехтеревой, как П.В. Бундзен и В.М. Смирнов⁶.

Однако в 1980 г. это сотрудничество было резко прервано вышедшей в органе ЦК КПСС журнале «Коммунист» статьёй, в которой разработка проблемы расшифровки мозговых кодов психических явлений уничтожалась на корню, объявлялась идеологи-

² Дубровский Д.И. Физиологическое и логическое // Вопросы философии. 1966. № 8; Он же. Некоторые философские аспекты психофизиологической проблемы // Философские проблемы современного естествознания. Киев.: Изд-во Киевского гос. Ун-та. Вып. 8, 1967; Он же. Мозг и психика // Вопросы философии. 1968. № 8; и др.

³ Дубровский Д.И. Философский анализ психо-физиологической проблемы. Автореф. дис. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 1968.

⁴ Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными вопросами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971.

⁵ См. ее ранние работы: Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л., 1971.; Бехтерева Н.П. Нейрофизиологический код простейших психических процессов человека // Вестник АН СССР. 1975. № 11. С. 84-91.

⁶ См. их публикации, имевшие важное значение для разработки проблематики расшифровки мозговых кодов: Бундзен П.В. Дальнейший анализ кодового обеспечения информационно-управляющих функций головного мозга // Физиология человека. 1976. Т. 2. С. 39-49; Смирнов В.М. Стереотаксическая неврология. Л., 1976; см. также: Бехтерева Н.П., Бундзен П.В. Принципы организации нервного кода вербальной мнестической функции // Память и следовые процессы. Пушино, 1974. С. 253-255.

чески чуждой советской науке. В качестве главного виновника объявляли меня. В этой статье (автором, которой, как ни странно на первый взгляд, был академик Н.П. Дубинин) рассматривались пять моих публикаций, особенно остро книга и статья, в которой обсуждались социальные аспекты расшифровки мозговых кодов⁷. После двух больших цитат, приведенных из этой статьи, в которых шла речь о «закрытости» субъективного мира личности и возможных социальных последствиях расшифровки мозговых кодов субъективной реальности, было сказано: «Так, фраза за фразой автор в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественнонаучный, но общественно-политический аспект, через расшифровку нейродинамического кода предлагается проникать в душевный мир человека... Тут уже не просто досужие умозрения... тут претензии на рекомендации с совершенно чуждых нам научных и идеологических позиций»⁸. Академик Дубинин, умевший быстро подлаживаться под партийные установки, опираясь на «доклад товарища Л.И. Брежнева на XXV съезде КПСС» и, кстати, на положения Э.В. Ильенкова⁹, орудуя идеологической дубиной, громил в этой статье своих противников — выдающихся генетиков академика Б.Л. Астаурова и проф. В.П. Эфроимсона за отход от марксизма, «биологизацию» социальных факторов. Что касается меня, то я мало интересовал Дубинина, ему в редакции «Коммуниста» помогли с критикой в мой адрес. «Да есть ли предмет для последних, — продолжает он, — когда речь идет об азбучных истинах исторического материализма? — Нет»¹⁰. «Тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания природы сознания»¹¹. И далее подвергается уничтожающей критике предлагаемый мной информационный подход для объяснения связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами¹².

⁷ Дубровский Д.И. Проблема нейродинамического кода психических явлений (некоторые философские аспекты и социальные перспективы) // Вопросы философии. 1975. № 6.

⁸ Дубинин Н.П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 72-73.

⁹ См.: Там же. С. 62, 64, 69 и др.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же.

Людям старшего поколения хорошо понятно, что означала тогда такая аттестация в главном печатном органе ЦК КПСС и какая судьба предназначалась для исследований мозговых кодов психических явлений. Н.П. Бехтерева в статье не упоминалась. Но она сразу порвала со мной все отношения, даже запретила общаться со мной своим сотрудникам и перестала использовать в своих публикациях понятия кода и декодирования нервных процессов. Правда, года через полтора-два, когда все как будто успокоилось и я, на удивление, продолжал оставаться профессором МГУ, она пыталась восстановить со мной отношения, но мне уже этого не хотелось. Вскоре у нее в институте изменилась ситуация, и исследования нейродинамических кодов постепенно сошли на нет. Однако она успела выпустить солидную книгу, в которой обобщались проведенные ее группой многолетние исследования в этой области, несомненно, представляющие большой научный интерес¹³.

Я позволил себе этот небольшой исторический экскурс, чтобы, во-первых, отметить проводившуюся у нас уже в те давние годы серьезную разработку проблемы расшифровки мозговых кодов психических явлений, которая имела прямое отношение к вопросам, составляющим предмет данной статьи, и была, по меньшей мере, сильно заторможена по идеологическим соображениям партийных функционеров, подобравших для своих целей такую высокопоставленную фигуру, как академик Дубинин, и, во-вторых, желая подчеркнуть то важное обстоятельство, что с 60-х годов прошлого века нейронаучные исследования психических явлений в основном шли в русле информационно-эволюционной парадигмы (с использованием понятий кодирования и декодирования информации в нервной системе)¹⁴.

В том же парадигмальном русле нейронаука развивается и в наше время, используя все более эффективные методы исследования бессознательно-психических процессов и явлений субъективной реальности. В последние два десятилетия успешно развивается

¹³ Бехтерева Н.П., Гоголицын Ю.Л., Кропотов Ю.Д., Медведев С.В. Нейрофизиологические механизмы мышления: отражение мыслительной деятельности в импульсной активности нейронов. Л.: Наука, 1985.

¹⁴ См. для примера монографию того времени, которая до сих пор сохраняет свое значение: Сомьен Дж. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих. М., 1975.

направление, именуемое «Чтением мозга» («Brain Reading»); его можно назвать также «Нейрокриптологией», ибо оно имеет своей целью расшифровку нейродинамических кодов различных психических явлений, в том числе явлений субъективной реальности. Еще десять лет тому назад японские исследователи Ё. Мияваки, Ю. Камитани и их коллеги расшифровали нейродинамические эквиваленты зрительного восприятия статичных черно-белых объектов (отводя сигналы от мозга испытуемых, воспроизводили на экране компьютера переживаемые ими в данный момент зрительные образы). Спустя несколько лет нейрофизиологи из Института Беркли в Калифорнии (Ш. Нишимото, Э. Гэлбрейт и др.) получили такой же результат с цветными движущимися образами (воспроизводя на экране компьютера фрагменты воспринимаемого цветного фильма). В моих работах эти достижения неоднократно рассматривались под углом перспективы расшифровки мозговых кодов более сложных психических явлений¹⁵.

За последние годы на основе методов визуализации нервных процессов, отведения сигналов от отдельных нейронов и картирования мозга, а также ряда других методов (но главным образом благодаря ПЭТ, МЭГ, ФМРТ) установлено большое число достаточно четких корреляций между определенными психическими явлениями и соответствующими нервными процессами. Они широко используются для создания новых нейротехнологий и в медицинских целях, применяются в робототехнике, различных интерфейсах «мозг-компьютер-машина». На их основе созданы средства, позволяющие парализованному человеку мысленно (!) управлять курсором компьютера и инвалидной коляской и даже экзоскелетом, благодаря которому парализованный человек может самостоятельно ходить. Созданы также протезы конечностей, управляемые мысленно, так, как мы управляем мысленно своей рукой. Эти нейрокорреляты касаются не только действий, но и довольно сложных явлений субъективной реальности, имеющих прямое отношение процессам мышления, например отдельных слов, которые мысленно про себя произносит испытуемый, определения феномена внимания, намерений человека, выяснения ложных ответов на задаваемые ему вопросы (своего рода детектор

¹⁵ См.: *Дубровский Д.И.* Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М., 2015.

лжи на основе ФМР-томографа)¹⁶. Крупным достижением, относящимся к возможности чтения мыслей другого человека, являются исследования английского нейрофизиолога Э. Оуэна и его коллектива, которые позволили установить коммуникацию с больной, пребывавшей после травмы мозга пять месяцев в вегетативном состоянии. На основе ФМР-томограмм ее мозга было установлено наличие у нее сознания и способности отвечать на вопросы (точность ее ответов определялась на основе «чтения» соответствующих томограмм ее мозга)¹⁷.

Особо следует сказать о таком выдающемся вкладе в нейронаучные исследования психических явлений, как открытие зеркальных нейронов и зеркальных систем мозга. Оно было сделано итальянским нейрофизиологом Джакомо Риццолатти и его исследовательской группой еще в 80-х годах прошлого века, но многоплановые исследования в этом направлении широко развернулись в последние два десятилетия¹⁸. Они раскрыли новые аспекты проблемы кодирования и декодирования различных видов информации, связанной с явлениями субъективной реальности. Было показано, что зеркальный механизм одновременно осуществляет «кодирование сенсорной информации в моторных терминах»¹⁹, «фиксирует интенциональный аспект действия, общий для наблюдателя и исполнителя»²⁰, обеспечивая тем самым понимание действий другого. Зеркальные системы позволяют «сформировать базовое моторное знание о значениях действий», кодируемых различными

¹⁶ См. одну из ранних работ такого рода, вслед за которыми в этом направлении последовали многочисленные и многообразные исследования: *Formisano E. and oth. "Who" Is Saying "What"? Brain-Based Decoding of Human Voice and Speech* // *Science*. 2008. Nov. 07. Vol. 322. Issue 5903. P. 970-973. — doi: [10.1126/science.1164318](https://doi.org/10.1126/science.1164318).

¹⁷ Результаты этих исследований были подробно проанализированы мной в связи с разработкой проблемы «Другого сознания» (См.: Дубровский Д.И. К вопросу о «Другом сознании». Есть ли проявления сознания у людей, пребывающих в «вегетативном состоянии»? // *Философия науки*. 2015. Т. 20. № 1. С. 191-208).

¹⁸ Они представлены в книге: *Риццолатти Дж., Синигалья К.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и переживания. М., 2012.

¹⁹ Там же. С. 122.

²⁰ Там же. С. 118.

нейронами. Это «моторное знание играет решающую роль при построении значений объектов»²¹.

Вместе с тем «это знание фундаментально значимо для построения базового понимания целенаправленности»²². «Тесная связь между зрительными и моторными ответами зеркальных нейронов свидетельствует о том, что в то время как индивид наблюдает за выполнением действий другим, в его мозге выполняется потенциальный моторный акт, по всем своим характеристикам сходный с тем, который спонтанно активируется при подготовке и выполнении реального действия. Различие лишь в том, что в одном случае это действие остается потенциальным, а в другом переводится в последовательность конкретных движений»²³. Благодаря нашим зеркальным системам, мы способны «незамедлительно распознавать определенные типы действий», производимых другими. Такое понимание возникает мгновенно, оно «полностью лишено каких-либо рефлексивных, концептуальных или лингвистических опосредований»²⁴.

Наряду с исследованием зеркальных механизмов сенсорно-моторных преобразований в последние годы открыты и изучены те мозговые структуры, которые ответственны за эмоциональные состояния и их восприятие и понимание другим человеком. Показано, например, что главная роль при реакции отвращения на вкусовые и обонятельные стимулы принадлежит той области коры, которую называют островком Рейля (он расположен в глубине Сильвиевой борозды). Островок является первичной корковой зоной как для химической экстероцепции (восприятия запаха и вкуса), так и для интероцепции (рецепции сигналов о состоянии внутренних органов).

Недавно сделано открытие, что передняя часть островка Рейля активируется и при восприятии мимического выражения гнева на лице другого человека. Многочисленные клинические и экспериментальные данные свидетельствуют о том, что «испытывание чувства отвращения и восприятие его у других основаны на едином нейронном субстрате, и что в обоих случаях он включает в себя островок»²⁵. Это верно не только для отвращения, но для всех

²¹ Там же. С. 58.

²² Там же. С. 103.

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Там же. С. 115.

²⁵ Там же. С. 156-157.

так называемых первичных эмоций (страх, гнев, боль, удивление, радость и т.д.), выработанных в ходе эволюции и сохраняющих свою адаптивную функцию. Акт мгновенного понимания эмоций другого обусловлен тем, что в зеркальной системе островка у наблюдающего возникают «потенциальные висцеромоторные акты», которые в актуальной своей форме как раз и вызывают переживание соответствующих эмоций. Таким образом, зеркальные системы образуют *фундаментальный механизм коммуникации, социальных взаимодействий между индивидами*.

Здесь нужно подробнее рассмотреть связь между «чтением мозга» и тем, что называют «чтением мысли», уточнить, что имеется в виду под «мыслью». Одно дело, когда мы берём целостный интервал субъективной реальности, как «текущего настоящего», переживаемой данной личностью, скажем, в течение одной минуты. Пусть это будет фрагментом размышления о чем-нибудь незначительном. Уже в нем мы обнаружим разнообразное и сложное «содержание», которое пребывает «в движении», находится под влиянием мелких «скачков» внимания, включает не только чувственные образы (например, зрительные представления), слабо вербализованные суждения, умозаключения и оценки, но и эмоциональный фон, состояния нерешительности, сомнения или вдруг возникшего как бы ниоткуда чувства убежденности. При попытках описания такого минутного или несколько более длительного интервала можно обнаружить множество других психических состояний, с трудом поддающихся описанию. А иногда этот минутный интервал представляет некое аморфное состояние, о котором уже в следующий момент нельзя вспомнить и сказать, что там было. Таких пустот в «текущем настоящем», взятом в более широком интервале, измеряемом часами или целым днём, очень много. Интересно было бы провести эксперимент, если бы это стало возможным, — записать состояние субъективной реальности индивида за весь день — от утреннего пробуждения до засыпания без сновидений. Сейчас такой возможности, конечно, нет. Но даже если мысленно представить это, то нетрудно убедиться в наличии довольно ничтожного содержания осознаваемых состояний, занимающих большую часть нашей жизни. Разумеется, мы часто переживаем значительные для нас состояния субъективной реальности, в которых чётко выражены наши желания, определённые намерения, планы действий, наше отношение к другому человеку, к важ-

ному событию, к какой-то организации и т.п., включая размышления по этим поводам, которые мы скрываем и которые крайне интересно, а иногда очень нужно узнать другому. Именно в таких случаях обычно ставится вопрос о «чтении мыслей». Причём подразумевается, что оно должно совершаться помимо воли человека на основе использования нейротехнологий, декодирования его мозговых процессов. Выше уже шла речь, что даже на нынешнем уровне развития методов нейронауки такое чтение мыслей, правда, в сравнительно простых случаях оказывается вполне возможным. Примером служат установление ложных ответов испытуемого с помощью применения ФМР-томографии. Если таким путём удастся установить, что человек думает одно, а говорит неправду, то почему это нельзя назвать «прочтением» его мысли?

Гораздо более широкие возможности открываются, когда испытуемый согласен сотрудничать с экспериментатором. Я уже отмечал замечательный факт установления коммуникации с больной, находящейся в вегетативном состоянии. Ее просили ярко представить, что она играет в теннис и в это время записывали изменения в ее мозге с помощью ФМРТ, а затем просили представить, что она проходит у себя дома по комнате, и делали то же самое. Это позволило в дальнейшем по томограммам довольно точно определять, думает она об игре в теннис или о прохождении по комнате. После этого сказали, что ей будут задавать вопросы, и при ответе «да» она должна представлять игру в теннис, а при ответе «нет» — прохождение по комнате. Как оказалось при проверке, она правильно отвечала на задаваемые ей вопросы. Эти ответы были ее мыслями, которые «прочитывались» на основе наблюдения определённых изменений в ее мозге. О более простых случаях «чтения мозга», установления нейродинамических коррелятов психических явлений (переживаемого отдельного зрительного образа или намерения совершить определённое действие) тоже говорилось выше.

Разумеется, пока мы находимся лишь в начале долгого пути расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений, и этот путь сулит нам не только решение многих медицинских и социальных проблем, но также многочисленные риски и угрозы (особая тема, требующая специального основательного анализа!).

Но подойдём к проблеме с другой стороны. Ведь «чтение» мыслей — обычная процедура повседневных коммуникаций. Мы

узнаем о мыслях другого по его речи, интонациям, выражению глаз, мимике, а, главное, по его действиям. Часто перед нами возникает сложная задача определения степени искренности нашего собеседника, доверия к нему, иногда же — разоблачения его лжи (этот весьма актуальный аспект проблемы коммуникации я оставляю здесь в стороне, поскольку он широко освещался и анализировался мной в отдельной книге)²⁶.

Во всяком случае, детекция и понимание мыслей другого есть всегда результат расшифровки кодов психических явлений. В обыденной жизни это — внешние коды (речевые, письменные, «двигательные», соматические). В большинстве случаев они являются для нас «естественными» кодами, т.е. такими, информационное содержание которых для нас «открыто», дано нам как бы непосредственно (в отличие от «чуждых» кодов, требующих анализа структуры носителя информации, специальной, иногда весьма трудной, операции декодирования, которая, тем не менее, означает лишь одно: преобразование «чуждого» кода в «естественный» [в простейшем примере перевод незнакомого английского слова на русский с помощью словаря]). Однако мы знаем, что всякое явление субъективной реальности, содержание которого передано нам в форме «естественного» кода, первоначально существует в форме мозгового нейродинамического кода в головном мозгу и, как свидетельствует нейронаука, проходит в течение нескольких десятков миллисекунд цепь кодовых преобразований в мозговых структурах, прежде чем получит внешний выход в виде слов (или в различных других привычных, понятных для нас внешних объективаций — письменных, изобразительных, электронных, предметных и т.д.). Именно этот первичный код является предметом расшифровки, когда речь идёт о «чтении мозга». Но здесь мы сталкиваемся с интересным парадоксом: когда я, например, вижу сейчас дерево перед моим окном, то оно, как и всякое явление субъективной реальности, дано мне в форме «естественного» кода, непосредственно: я переживаю образ дерева и ничего не знаю о его мозговом носителе, даже не чувствую его. Для всех других мой образ существует в форме «чуждого» кода, и в этом проявляется относительная закрытость субъективного мира личности. В то же время и для

²⁶ См.: Дубровский Д.И. Обман: Философско-психологический анализ. Изд. 2-е, доп. М., 2010.

меня устройство моего «естественного» кода наглухо закрыто, точно так же, как и для другого. Парадокс состоит в том, что мозговой нейродинамической носитель переживаемого мной сейчас зрительного образа в одно и то же время представлен для меня и «естественным» и «чуждым» кодом. Я могу передать содержание переживаемой мной мысли другому посредством речи. Но что при этом происходит? Моя речь — естественный декодер моих мыслей; происходит мгновенное перекодирование моего исходного мозгового кода в моторные программы речевого аппарата и последующую его работу, производящую поток звуков, который воздействует на слуховой аппарат моего собеседника, кодируется его слуховыми рецепторами, затем неоднократно перекодировается на пути к высшим интегративным структурам мозга, на которых формируется во многом аналогичная моей кодовая структура, выступающая для него в форме «естественного» кода, открывающая ему непосредственно содержание моей мысли. Нечто похожее происходит и тогда, когда исследователь с помощью специальных технологических устройств, подсоединенных к моему мозгу, хочет определить переживаемое мной зрительное представление. Записанные им с помощью томограмм нейродинамические корреляты этого представления синтезируются в соответствующий образ на экране компьютера, который воспринимается исследователем таким же образом, как я воспринимаю дерево, растущее за окном, и на этот раз уже у него в мозгу формируется «естественный» код, аналогичный моему, и он «понимает» его содержание. Теоретически допустимо, что и я сам могу с помощью аутоцереброскопа формировать у себя достаточно определённые образы или мысли и затем наблюдать в своём мозге их нейродинамические корреляты, фиксировать их с помощью различных методов визуализации, выводить на экран соответствующие образы; более того использовать полученные интерфейсы «мозг-компьютер» в целях самосовершенствования (или в медицинском плане), в том числе для себя лично.

При таком «чтении мозга» остаётся, конечно, проблема контекста, фона и мотивации: выделяется большей частью лишь незначительная часть «содержания» данного «текущего настоящего», то, что попало в поле внимания в данный момент, как бы его центральное когнитивные «содержание» («дерево» в его главных чертах, другой предмет, какое-либо отдельное психическое состоя-

ние); но при этом размываются многие детали предмета, отсекается многообразие его фона, в тени остаются мотивы, поводы восприятия именно этого предмета и, главное, сложный смысловой, личностный контекст данного восприятия. Все это существенно обедняет «чтение мысли». Тем не менее, оно происходит и во многих случаях позволяет получить существенную информацию. Для расширения содержательного диапазона «чтения мысли» необходимы более эффективные методы по сравнению с теми, которыми располагает современная нейронаука. Об этом речь пойдет далее.

Я подобно остановился на рассмотрении нынешней ситуации в области «чтения мысли» при помощи «чтения мозга» для того, чтобы проявить критическое отношение к пессимистическим оценкам перспектив развития этого направления нейронауки и смежных с ней областей знания. Признавая большое значение этого направления исследований и его успехи, некоторые авторы все же высказывают сомнение, что подлинное чтение мыслей другого на основе показателей его мозга все же невозможно в силу уникальности личности, ее внутреннего мира, неповторимого биографического прошлого и, соответственно, субъективного опыта; ведь даже у одного и того же человека размышления в разное время об одном и том же предмете не совпадают друг с другом по смыслу, мотивации, направленности внимания²⁷. Эти контраргументы заслуживают внимания, но не могут опровергнуть принципиальную возможность все более основательного «чтения мыслей» другого на основании развития «чтения мозга». Опыт показывает, что уникальность каждого из нас не препятствует тому, что в ряде случаев и отношений мы можем «читать» и понимать мысли друг друга, так как в мире нет ничего абсолютно уникального. Единичное и уникальное познается нами путем формирования подходящих их инвариантов, и они дают возможность постигнуть его смысл. Так поступает всякий исследователь, сталкиваясь с чрезвычайным эмпирическим разнообразием определенного класса явлений. Тот, кто изучает психические явления в их связи с деятельностью мозга, делает то же самое, формирует личностные и межличностные инварианты единичных явлений и экспериментирует с ними. Главное для него наличие эффективных методов. От них зависит

²⁷ См., напр.: *Лекторский В.А.* Возможны ли науки о человеке // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 13-14.

прогресс в расшифровке мозговых кодов. Я уже отмечал в начале, что новый этап в нейронаучном исследовании психики и сознания был достигнут в последние десятилетия благодаря созданию методов картирования и визуализации мозговых процессов (это в основном методы ПЭТ, МЭГ, ФМРТ); главным образом, с их помощью были достигнуты важнейшие результаты в области «чтения мозга».

Сейчас нейронаука вступает в новый этап, созданы (во многом благодаря результатам НБИКС-конвергенции) новейшие, гораздо более эффективные способы нейровизуализации, основанные на методах оптогенетики, оптохимии, радиологии. Они позволяют исследователю проникать в глубокие структуры мозга неинвазивным путем, сквозь кости черепа, используя эффект прохождения света сквозь твердые тела. Их разрешающая способность намного превосходит прежние методы. С их помощью можно делать запись и фотоснимки специально выделяемых звеньев нейронной активности, охватывающих большие популяции нейронов (насчитывающих десятки, сотни тысяч и даже миллионы нейронов). Это качественно новый уровень исследования мозга и психических явлений, который уже в ближайшем будущем принесет новые крупные результаты в «чтении мозга», в расшифровке мозговых кодов явлений субъективной реальности. И мы должны быть готовы к тому, что это не только откроет принципиально новые перспективы в развитии медицины и преобразовании человека, но и поставит перед нами трудные, чрезвычайно значимые этические и социальные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерева Н.П.* Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л., 1971. 119 с.
- Бехтерева Н.П.* Нейрофизиологический код простейших психических процессов человека // Вестник АН СССР. 1975. № 11. С. 84-91.
- Бехтерева Н.П., Бундзен П.В.* Принципы организации нервного кода вербальной мнестической функции // Память и следовые процессы. Пути, 1974. С. 253-255.
- Бехтерева Н.П., Гоголицын Ю.Л., Кропотов Ю.Д., Медведев С.В.* Нейрофизиологические механизмы мышления: отражение мыслительной

- деятельности в импульсной активности нейронов. Л.: Наука, 1985. 272 с.
- Бундзен П.В. Дальнейший анализ кодового обеспечения информационно-управляющих функций головного мозга // Физиология человека. 1976. Т. 2. С. 39-49.
- Дубинин Н.П. Наследование биологическое и социальное // Коммунист. 1980. № 11. С. 62-74.
- Дубровский Д.И. К вопросу о «Другом сознании». Есть ли проявления сознания у людей, пребывающих в «вегетативном состоянии»? // Философия науки. 2015. Т. 20. № 1. С. 191-208.
- Дубровский Д.И. Методологические вопросы исследования психосоматических корреляций // Вопросы гигиены и эпидемиологии Донбасса. Издание Донецкого мединститута, Донецк. 1964.
- Дубровский Д.И. Мозг и психика // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125-135.
- Дубровский Д.И. Некоторые философские аспекты психофизиологической проблемы // Философские проблемы современного естествознания. Киев.: Изд-во Киевского гос. Ун-та. Вып. 8, 1967.
- Дубровский Д.И. Обман: Философско-психологический анализ. Изд. 2-е, доп. М.: Канон+, 2010. 336 с.
- Дубровский Д.И. Проблема нейродинамического кода психических явлений (некоторые философские аспекты и социальные перспективы) // Вопросы философии. 1975. № 6. С. 85-99.
- Дубровский Д.И. Проблема «Сознание и мозг»: Теоретическое решение. М.: Канон+, 2015. 208 с.
- Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными вопросами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. М.: Наука, 1971. 386 с.
- Дубровский Д.И. Физиологическое и логическое // Вопросы философии. 1966. № 8.
- Дубровский Д.И. Философский анализ психо-физиологической проблемы. Автореф. дис. доктора филос. наук. Ростов-на-Дону, 1968. 55 с.
- Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.
- Риццолатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и переживания. М.: Языки славянских культур, 2012. 205 с.
- Смирнов В.М. Стереотаксическая неврология. Л.: Медицина, 1976. 264 с.

Сомьен Дж. Кодирование сенсорной информации в нервной системе млекопитающих. М., 1975. 415 с.

Formisano E. and oth. “Who” is Saying “What”? Brain-Based Decoding of Human Voice and Speech // *Science*. 2008. Nov. 07. Vol. 322. Issue 5903. P. 970-973. — doi: [10.1126/science.1164318](https://doi.org/10.1126/science.1164318).

IS IT POSSIBLE TO READ OTHER ONE’S THOUGHTS ACCORDING TO THE BRAIN RESEARCH?

The article that follows information approach gives positive answer to the question if thought-reading (brain-reading, mind-reading) of human is possible on condition of progress of cognitive research and accompanying technologies: if cognition is a process of coding and decoding of information, then the deciphering of neurodynamic codes will open the perspective of the description of the contents of consciousness. The article gives an optimistic view on the perspectives of the solution of the hard problem of “mind and brain” — the problem of the connection between conscious states and the brain activity, because science is involved in the search of the suitable invariants that can lie in the foundation of all these unique phenomena and explain them.

Keywords: consciousness, brain, information approach, brain-reading, neurovisualization, neurodynamic code.

David Izrailevich Dubrovsky — DSc in Philosophy, Professor, Main Research Fellow. RAS Institute of Philosophy; e-mail: ddi29@mail.ru

Б.М. ВЕЛИЧКОВСКИЙ

ОТ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЗНАНИЯ К РАЗРАБОТКЕ КОГНИТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье рассматриваются проблемы и достижения современных междисциплинарных исследований сознания. Наряду с академическими экспериментальными работами чрезвычайную роль при этом играют прикладные разработки, ведущие к созданию когнитивных технологий, значительно увеличивающих биологический потенциал познавательных процессов и эффективность деятельности человека. Особое внимание уделено нейрокогнитивным исследованиям. В последнее время здесь наметились радикальные изменения, связанные с лучшим пониманием глобальной эволюционной архитектуры и уровней когнитивной организации головного мозга человека, а также с открытием лежащих в их основе молекулярных механизмов.

Ключевые слова: сознание, намерение, иллюзия, технологии, когнитивная наука, нейрофизиология, нейропсихология, мозг, монадология.

В области экспериментального изучения сознания и на Западе, и у нас, особенно в физиологических работах, как и во времена небезызвестных сессий Академии наук периода «позднего репрессанса», многое продолжает делаться предельно упрощенно. Это относится и к межвидовой экстраполяции выводов и к самим философским основаниям, где главную роль играет классическая дихотомия Декарта. Волею судеб, часть его архива оказалась в Саксонской государственной библиотеке, которая одновременно является и библиотекой Дрезденского университета. В результате эпизодических соприкосновений с наследием Декарта я, как мне кажется, стал лучше понимать ход мыслей этого великого фило-

софа и естествоиспытателя, но все же считаю, что нельзя абсолютизировать разделение материи и духа. Оно не было новым и в XVII-м веке — за двенадцать веков до Декарта Блаженный Августин говорил о самоочевидности индивидуального знания, предвосхищая “*cogito ergo sum*”. Сегодняшнему этапу развития науки вообще-то ближе монадология Лейбница, его концепция множественности миров. Массивная междисциплинарность, или конвергенция, которая ярко представлена у нас в Курчатовском институте благодаря энергии и харизме руководства института, связана как раз с тем, что мир многолик и множественен. В том числе, в рамках одного и того же мозга у человека сосуществуют разные репрезентации мира и самого себя.

Это можно видеть в наших исследованиях. Центральной их особенностью является направленность на решение практических задач. Дело в том, что хотя я и имел отношение к когнитивным исследованиям в этой стране, был основателем и первым президентом Ассоциации когнитивных исследований, но сам всегда с определенной долей скептицизма относился к этому направлению. Это можно видеть и по моей книге 1982 года, последняя глава которой критическая, и по двухтомнику «Когнитивная наука» 2006 года. Характерная для когнитивной психологии параметрическая «игра в бисер» совсем не в духе той школы, к которой я принадлежу — школы Лурия и Леонтьева. А.Р. Лурия был клиническим нейропсихологом и нейролингвистом, специалистом по диагностике и, отчасти, реабилитации. А.Н. Леонтьев внес большой вклад в развитие инженерной психологии. Всё, с чем мы сталкиваемся сегодня в исследованиях сознания и познания — это, прежде всего, серьёзные прикладные проблемы. Нет сомнений, что именно от результатов практической проверки «когнитивного пудинга» зависит то, что будут думать об этом подходе к изучению познания наши потомки.

Итак, поговорим о прикладных проблемах. Сфера образования слишком сложна для короткого выступления, поэтому скажу о медицине. Здесь фундаментальная проблема состоит в том, что при появлении все более совершенных физических средств визуализации и соответствующем росте стоимости медицинского обслуживания (на 17% в мире в год), качество диагностики существенно не улучшается. Так, в США в радиологии делается до 20% ошибочных диагнозов. Не лучше ситуация обстоит и в ведущих

европейских странах. Это происходит потому, что в конце сложной цепочки преобразования данных перед картинкой на дисплее сидит человек, который принимает решения на основе своего субъективного опыта. Для экспертов при этом характерен даже свой специфический профиль диагностических ошибок. Кроме того, эксперт в медицине обычно имеет высокий социальный статус (профессор, доктор, доктор мед и т.д.), так что не всякий ассистент осмелится ему сказать, что он, возможно, не прав. Это значит, что нужно субъективное восприятие и личный опыт эксперта объективировать, например, сделать видимыми для других. Вот одна из больших прикладных проблем современных исследований сознания.

Целый ряд проблем связан с иллюзиями, т.е. примерами разительного несоответствия продуктов работы восприятия, памяти, интеллектуальных и моральных оценок человека реальному положению дел в мире. Многие иллюзии давно и хорошо документированы, начиная с Аристотеля, который писал о зрительных и тактильных иллюзиях. Столетиями их описания коллекционировались, казалось бы, неизвестно зачем, а сейчас оказалось, что это основа многомиллиардной технологии виртуальной реальности. Вы не можете сегодня продать ни одну систему вооружения, если вместе с ней не поставляете тренажёр на базе виртуальной реальности. Нельзя вести групповой воздушный бой, если пилот не налетал 2-2,5 тысячи часов. Как это сделать на практике? Только в тренажере виртуальной реальности. За изучение когнитивных иллюзий, учет которых крайне важен для выработки оптимальных стратегий инвестирования капитала, присуждаются Нобелевские премии.

За ее чрезвычайную наглядность я особенно люблю иллюзию дракона¹. Статичная телесная фигурка, изображающая голову и торс дракона, при любых относительных движениях наблюдателя неожиданно с большой точностью и без всякой задержки начинает отслеживать эти движения не только в горизонтальной, но и в вертикальной плоскости. На самом деле фигурка представляет собой *вогнутую* модель головы и торса. Гельмгольц в 1856 году в замечательной «Физиологической оптике» (а позднее и в «Физиологической акустике») ввел понятие «бессознательных уmozаключе-

¹ См.: <https://www.moillusions.com/dragon-illusion/> (июнь, 2017).

ний» для объяснения иллюзий, подобных этой. Заметьте, что случилось это задолго до «открытия бессознательного» Фрейдом, который в 1856 году родился. Идея объяснения в духе бессознательных умозаключений Гельмгольца состоит в том, что когда вы сталкиваетесь с каким-то телесным, т.е. по умолчанию, выпуклым объектом и, поворачиваясь, осматриваете его со стороны, то вы начинаете видеть более обширную часть поверхности с этой же стороны. Если этого не происходит, значит, объект сам повернулся в вашу сторону. Возникновение иллюзии можно описать силлогистикой Аристотеля. Вы видите что-то необычное, но объяснение лежит в работе некоторых скрытых от сознания механизмов, которые создают наиболее вероятную модель того, что могло бы быть в действительности.

Самыми известными являются оптико-геометрические иллюзии, такие как иллюзии Эббингауза и Мюллера-Люейра («иллюзия стрелы»). В последнем случае речь идет о воспринимаемых искажениях длины одинаковых линий, которые ограничены по краям расходящимися или сходящимися стрелками. Искажение полностью сохраняется и тогда, когда наблюдатель знает о равенстве отрезков. Один мой коллега решил сам сделать такую конструкцию из металлических балок — долго отмерял, пилил, потом сваривал отрезки между собой, но отойдя, увидел иллюзорное искажение в том же объеме порядка 15%, что и на плоских рисунках. Мы знаем о ситуации одно, а видим совсем другое. Так эти иллюзии описывались в течение почти двухсот лет. Но в самом конце прошлого века стали выясняться новые подробности. Оказалось, что если, отчетливо видя это различие, мы должны схватить центральные элементы, то пальцы одинаково отстоят друг от друга. Зрение как бы «говорит сознанию», что отрезки разные, одновременно информируя систему моторного действия, что они одинаковые. Можно предположить, конечно, что сенсомоторная регуляция не столь точна, как процессы восприятия, и поэтому не отражает различия в 15%. Для проверки этого предположения проводится контрольный эксперимент. Центральные элементы изменяются таким образом, чтобы они казались одинаковыми. В этом случае, судя по апертуре пальцев, сенсомоторная система, под тем же зрительным контролем, чувствует различие размеров. Это одновременное порождение двух различных описаний ситуации — расщепление на множество миров — весьма характерно. На самом деле

всё ещё интереснее. Если продолжить экспериментировать, например, с исходной иллюзией, когда одинаковые отрезки кажутся неравными и, выключив свет, предложить испытуемому через несколько секунд схватить центральные отрезки по памяти, то тогда пальцы начинают демонстрировать иллюзию. Одна из этих систем — сознательного зрительного восприятия — имеет доступ к памяти, а другая — сенсомоторного действия под зрительным контролем — не имеет и работает, так сказать, в режиме вечного настоящего времени.

Можно долго рассказывать о филогенезе и мозговых механизмах этих двух систем восприятия. Более древняя из них, так называемый «дорсальный поток», быстро и автоматически локализует некоторый объект в окружающем трёхмерном пространстве, другая — «вентральный поток» — позволяет описывать индивидуальность объектов, отвечая на вопрос «Что это такое?». Различение дорсальных и вентральных структур важно для понимания функций задних отделов коры, вовлеченных в процессы обработки зрительной, слуховой и соматосенсорной информации. Это, казалось бы, довольно далекое от жизни нейрофизиологическое различие имеет огромное практическое значение и интенсивно исследуется в прикладном аспекте. Когда мы ведем в сумерках автомобиль, то система локализации прекрасно справляется с центральной задачей сохранения положения автомобиля на дороге, создавая иллюзорное впечатление владения ситуацией. Однако, система идентификации при низкой освещенности уже не способна отличить тень на дороге от припаркованного автомобиля или группы людей. В результате основная доля аварий со смертельным исходом происходит именно в сумерках. Мы все хорошо знаем также, что можно смотреть и при этом ничего сознательно не видеть. При самых идеальных условиях освещения при чтении книги или же при управлении автомобилем, можно, оказывается, зрительно фиксировать дорожные знаки и даже перебегающего дорогу ребенка, но не видеть их в смысле сознательного восприятия и адекватного поведения. Причиной этого является то, что в данном микроинтервале времени зрительная фиксация контролировалась слепой к семантике дорсальной системой мозга.

Интересно, что сегодня мы можем легко реконструировать то, как каждая часть мозга — дорсальная и вентральная — видят одну и ту же картину. Это не просто еще одно доказательство философ-

ского тезиса о сосуществовании множества разноуровневых репрезентаций («миров»), но и прямой путь к радиальному улучшению безопасности дорожного движения и, кстати, повышению надежности диагностических оценок в радиологии, а равно во всех других областях, где многое зависит именно от субъективной оценки сложных образов².

В когнитивной психологии сознание часто идентифицируется с вниманием и рабочей памятью, структура которой включает, однако, ряд служебных механизмов, к сознанию заведомо не относящихся. Не совпадает сознание и с вниманием, так как последнее обеспечивает направленность психических процессов на решение некоторой задачи. Сознание охватывает более широкий круг феноменов: мы можем интроспективно наблюдать типичный поток сменяющих друг друга впечатлений и мыслей в состоянии покоя, при отсутствии какой-либо явной задачи. «Поток» мыслей, элементов диалога с самим собой и значимыми другими, разнообразных переживаний, спонтанно сменяющих друг друга в отсутствии явной задачи, поддерживается обширной сетью кортикальных структур, называемой «дефолтной нейросетью»³ (англ. default neural network). Важным компонентом этой сети являются наиболее новые в эволюционном отношении префронтальные зоны коры и, что очень существенно, структуры гиппокампа, локализованные в глубине древних отделов мозга, палеокортексе (Рис. 1). На изучение причинно-следственных взаимодействий внутри дефолтной нейросети, а также между дефолтной нейросетью и ее окружением направлена значительная часть наших экспериментальных усилий последнего времени⁴.

² Величковский Б.М. Исследование когнитивных функций и современные технологии // Вестник РАН. 2010. № 80 (5-6). С. 440-446.

³ Raichle, M.E. The restless brain: How intrinsic activity organizes brain function // Phil. Trans. R. Soc. 2015. В 370: 20140172. — <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2014.0172>.

⁴ Ushakov, V.L., Sharaev, M.G., Kartashov, S.I., Zavyalova, V.V., Verkhlyutov, V.M., & Velichkovsky, B.M. Dynamic Causal Modeling of hippocampal links within the human Default Mode Network: Lateralization and computational stability of effective connections // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2016. 10, Art. No. 528. (e64466). — doi: [10.3389/fnhum.2016.00528](https://doi.org/10.3389/fnhum.2016.00528); Velichkovsky, B.M., Krotkova, O.A., Sharaev, M.G. & Ushakov, V.L. In search of the “I”: Neuropsychology of lateralized thinking meets Dynamic Causal Modeling // *Psychology in Russia: State of the art*. 2017 (In press).

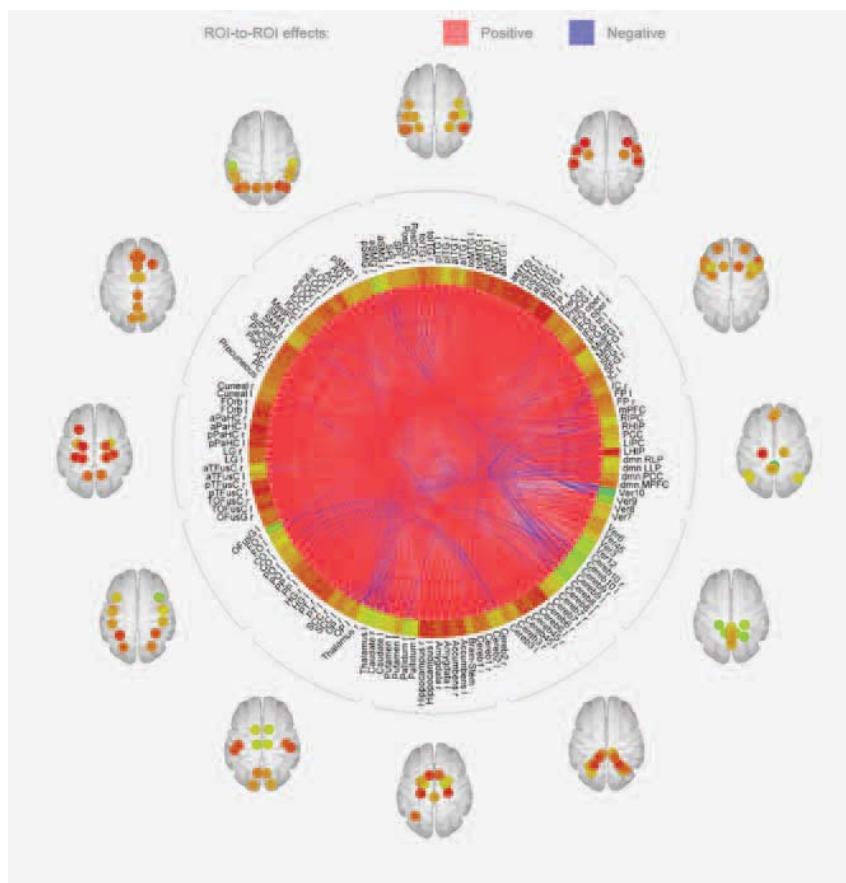

Рис. 1.

Это не сердцевина ядерного реактора на пике нагрузки, а картина взаимодействия различных областей мозга человека в состоянии полного покоя (Величковский, Ковальчук, Шараев и Ушаков. 2016).

К важнейшим аспектам сознания относится, наряду с феноменальной ясностью содержаний, о которой мы до сих пор говорили, также чувство свободы выбора и возможности произвольно определять характер хотя бы простейших из совершаемых действий.

вий. С этим аспектом сознания связаны начатые Б. Либетом⁵ попытки сопоставить время субъективного принятия решения об инициации действия с наиболее ранними признаками решения в активности мозга. Объективное предсказание действия при этом на несколько сотен миллисекунд опережает момент осознания решения и, следовательно, последнее не может быть причиной, казалось бы, произвольного действия. Примерно такие же задержки момента рефлексивного осознания принятого решения по отношению к фактическому началу действия можно наблюдать и в глазодвигательном поведении⁶. Использование новых методов нейровизуализации, по мнению многих авторов, демонстрирует еще более значительное рассогласование двух событий, предсказание характера действия оказывается возможным за несколько секунд до принятия сознательного решения об инициации действия. Решение философских и этических проблем, которые ставят эти эксперименты, требует понимания бессознательного как интегральной части индивидуального Я, ответственного за свои поступки.

У этой фундаментальной проблемы есть и прикладной аспект. Если бы нам удалось найти объективные признаки возникновения интенции, можно было бы создать исключительно эффективные средства коммуникации между человеком и техническими устройствами, даже если человек полностью парализован и не может говорить и действовать. Это бурно развивающаяся область когнитивных технологий, где уже существуют разные подходы⁷. Чаще всего для реконструкции намерения используются данные электроэнцефалограммы (ЭЭГ), однако существующие интерфейсы мозг компьютер (Brain Computer Interfaces, BCI, или ИМК) работают очень медленно и неточно. Интерфейсы другой группы используют данные о микроповедении глаза человека, опираясь на методы айтрекинга (регистрации движений глаз), распространенные в психологии и эргономике. Фактически решаемая здесь зада-

⁵ Libet B. Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // *Behavioral and Brain Sciences*. 1985. 8. P. 529-566.

⁶ Velichkovsky B.M. Communicating attention: Gaze position transfer in cooperative problem solving // *Pragmatics and Cognition*. 1995. 3 (2), 199-222.

⁷ Величковский Б.М., Ковальчук М.В., Ушаков В.Л. и Шараев М.Г. (2016). Исследование сознания естественнонаучными методами: возможная роль волновой интеграции // *Вестник РФФИ*. 91 (3). 61-71.

ча состоит в использовании управления на основе сдвигов внимания и локализации фокуса такого «внимательного взгляда». Замечательной особенностью внимания и связанных с ним движений глаз является их включенность в процессы социального взаимодействия и коммуникации. Характерно, что наиболее мощным аттрактором для нашего внимания являются не физические контрасты в зрительном поле и даже не семантические связи между объектами, а лицо другого человека, прежде всего, глаза⁸. Подобная стратегия (она отсутствует только у аутистов, причем с первых месяцев жизни) решает задачу формирования зон совместного внимания (англ. *joint attention*). Значение совместного внимания, впервые отмеченное в отечественной психологии Л.С. Выготским, продолжает исследоваться в современной науке. Кроме того, важную роль в общении играет и сам факт контактов глаза-в-глаза с другим человеком. Такие контакты мобилизуют ресурсы эволюционно новых лобных структур мозга, причем мобилизация сохраняется и в том случае, если этот «другой» очевидным образом является лишь виртуальным агентом — аватаром⁹.

В процессе создания гибридного интерфейса глаз-мозг-компьютер (ИГМК) мы воспользовались этим обстоятельством, чтобы улучшить эргономические и функциональные характеристики управления роботизированным устройством¹⁰. Как показано на Рис. 2, эпизод взаимодействия автономно работающих человека и робота начинается с перемещения взгляда на робота (1). Немедленно вслед за этим робот поворачивает условную маску «лица» в направлении пользователя, как бы пытаясь «заглянуть» ему в глаза

⁸ *Velichkovsky B.M., Cornelissen F., Geusebroek J.-M., Graupner S.-Th., Hari R., Marsman J.B., & Shevchik S.A.* Measurement-related issues in investigation of active vision // In: *B. Berglund, G.B. Rossi, J., Townsend and L. Pendrill* (Eds.) / *Measurement with persons: Theory and methods*. London – New York: Taylor and Francis, 2012. P. 281-300.

⁹ *Schrammel F., Pannasch S., Graupner S.-T., Mojzisch A. & Velichkovsky B.M.* Virtual friend or threat? The effects of facial expression and gaze interaction on physiological responses and emotional experience // *Psychophysiology*. 2009. 46 (5). P. 922-931.

¹⁰ *Fedorova A.A., Shishkin S.L., Nuzhdin Y.O., Velichkovsky B.M.* Gaze based robot control: the communicative approach // *Proceedings of the 7th International IEEE / EMBS Conference on Neural Engineering* (April 22-24, 2015, Montpellier, France). 2015. P. 751-754.

(2). Если контакт глаза-в-глаза подтверждается взглядом пользователя, то робот начинает вычислять параметры следующего саккадического движения (3) и перемещает манипулятор в точку фиксации (4). Практически безошибочная работа такого интерфейса сопровождается высокой скоростью выполнения операций, продолжительность всех фаз которых находится в субсекундном диапазоне. Кроме того, снимается обычное для других ИГК напряжение из-за постоянных попыток контролировать движения глаз сознательно, а интуитивность разработанного нами интерфейса позволяет начать работу сразу, без какого-либо обучения. Этот пример наглядно показывает, что все более совершенные методы айтрекинга и нейровизуализации работы мозга человека не позволят выйти на новые технологические решения, если не будут решены фундаментальные проблемы психологии и когнитивной науки. Следует, конечно, признать, что большинство таких проблем первоначально были сформулированы именно в философии.

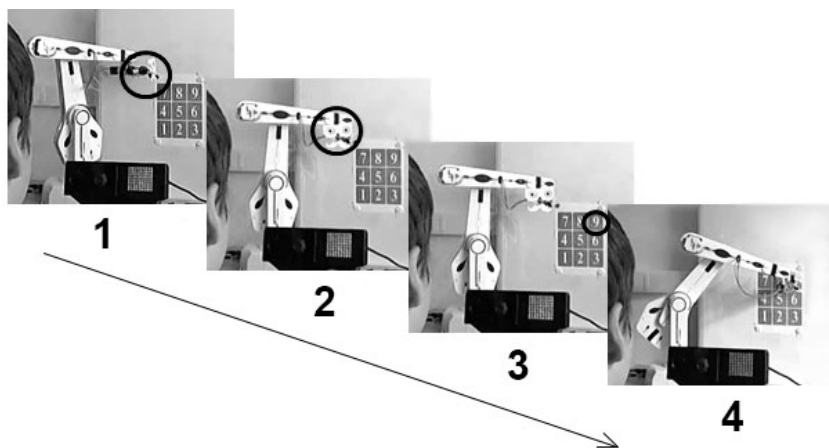

Рис. 2.

Использование контактов «глаза-в-глаза» в процессе взаимодействия человека и робота (объяснение в тексте).

Одной из наиболее сложных является проблема объективного выявления намерений пользователя по характеристикам движений глаз и мозговой активности. Все способы управления с помощью

взгляда, так или иначе, зависят от решения так называемой «проблемы прикосновения Мидаса». Подобно дару царя Мидаса из греческого мифа, который с фатальными для себя последствиями превращал в золото все, к чему прикасался, возможность осуществлять изменения во внешнем мире с помощью взгляда слишком хороша, чтобы быть практически полезной: взгляд нередко активирует управление даже тогда, когда пользователь интерфейса не собирается отдавать какие-либо команды. Это связано с тем, что взгляд в естественных условиях используется, главным образом, для спонтанного обследования окружения. Его перемещения (около 200 000 раз в течение одного дня) и соответствующие фиксации почти всегда произвольны и редко осознаются. Пользователю системы, регистрирующей зрительные фиксации на виртуальных «кнопках», демонстрируемых в составе графического интерфейса, сложно или даже невозможно удержаться от спонтанных фиксаций на этих кнопках, когда он переключается от управления на рассматривание окружения или начинает что-то обдумывать. Для практического применения надо найти такой показатель произвольно контролируемых фиксаций, который бы оценивал возможность их использования для управления как можно раньше после начала фиксации, задолго до следующей саккады.

Результаты экспериментов коллектива одной из лабораторий Курчатовского комплекса НБИКС-технологий свидетельствуют, что такой независимый и чрезвычайно быстрый показатель действительно существует¹¹. Графики на Рис. 3. представляют собой усредненные по группе испытуемых потенциалы мозга, связанные со спонтанными произвольными («управляющими») зрительными фиксациями. Как легко видеть, в случае произвольных фиксаций задолго, как минимум, за 200 мс до достижения значения порога наблюдается отчетливый негативный сдвиг потенциалов. Это сдвиг хорошо выражен при регистрации ЭЭГ в затылочно-теменных областях у всех испытуемых.

¹¹ Shishkin S.L., Nuzhdin Y.O., Svirin E.P., & Velichkovsky B.M. EEG Negativity in fixations used for gaze-based control: Toward converting intentions into actions with an Eye-Brain-Computer Interface // *Frontiers in Neuroscience*. 2016. 10. Art. No. 528. — doi.org/10.3389/fnins.2016.00528.

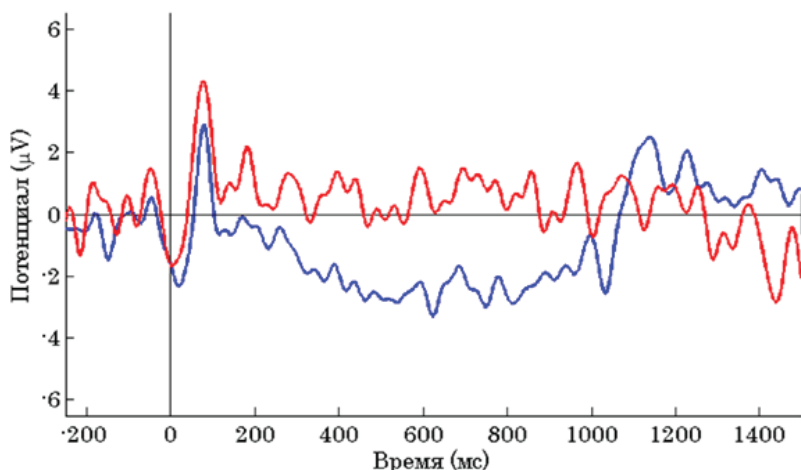

Рис. 3.

Медленные изменения потенциалов мозга при спонтанных (пунктир вверх) и произвольных («управляющих») зрительных фиксациях (сплошная линия вниз).

Следует отметить, что похожие, медленные сдвиги электрических потенциалов в негативную область были описаны, правда в существенно иных условиях, еще классиком электрофизиологии Греем Уолтером¹². Им и последующими авторами было показано, что такие сдвиги связаны с ожиданием стимула (отсюда и название «волна ожидания» — англ. *Expectancy wave*, *E-wave*). Если эту интерпретацию распространить на специальный случай зрительных фиксаций и ИГК, то можно получить новый (но одновременно в чем-то ожидаемый, особенно для философской аудитории) критерий произвольности. Произвольное действие отличается от непроизвольного тем, что оно предполагает предвосхищение целевого результата и ожидание соответствующей обратной связи. Это ожидание обратной связи и приводит, судя по всему, к обнаруженному нами в записях ЭЭГ эффекту. Вместе с тем, в более общем плане, полученные результаты подтверждают исключительную полезность объединения двух разделенных до сих пор между пси-

¹² *Walter W.G.* Slow potential waves in the human brain associated with expectancy, attention and decision // *Archiv fuer Psychiatrie und Zeitschrift fuer die gesamte Neurologie*. 1964. 206, 309-322.

хологическими и биологическими дисциплинами подходов и методов исследования). Поведенческие методы регистрации движений глаз позволяют существенно улучшить работу ИМК, а регистрация ЭЭГ (и, по-видимому, МЭГ) дает возможность различать произвольные и спонтанные зрительные фиксации задолго до достижения принятого в поведенческих работах по когнитивной эргономике условного порога 500 мс. Подобные высокоскоростные гибридные интерфейсы пригодны не только для обеспечения коммуникации лиц с тяжелыми нарушениями речи и моторики. Они могут повысить эффективность работы здоровых пользователей операторских профессий, обеспечивая их фактически «третьей рукой». Это уже реальный прогресс, прежде всего потому, что наши системы срабатывают не раз в 20 секунд, а в субсекундном диапазоне. Одновременно выявление объективных маркеров интенций — это продвижение в понимании природы воли, т.е. той проблемы, которую учитель И.М. Сеченова Эмиль Дюбуа Реймон объявил в конце XIX-го века относящейся к категории «не знаем и не узнаем никогда».

Вернемся, однако, к центральной теме этого доклада — множественности репрезентаций и значению этого факта для практических приложений когнитивных исследований. Я уже упоминал роль филогенетически наиболее новых префронтальных областей коры и контактов глаза-в-глаза для процессов коммуникации. Все крупные транснациональные компании, а у нас, я думаю, специализированные промышленные концерны, распределенные по всей стране, заинтересованы в том, чтобы заменить полёты и поездки сеансами видеоконференций. Это очень дорогие технологии, поскольку приходится обеспечивать многократную защиту каналов связи от промышленного и прочего шпионажа. Результат же часто оказывается отрицательным — вероятность того, что люди летят друг к другу после сеанса видеоконференции выше, чем без видеоконференции. Львиная доля общения состоит совсем не в обсуждении проблемы, а в метакоммуникации, в вопросах типа «А кому ты это говоришь?». Почему это происходит? Прежде всего, потому что при обычно используемой стандартной технологии — окна, Windows, и «говорящие головы» в них — нельзя посмотреть в глаза другого человека. В рамках прикладного проекта по увеличению эффективности взаимодействия инженеров, находящихся на разных континентах, мы провели какое-то время назад экспери-

менты с регистрацией функциональной магниторезонансной томографии (фМРТ). В поле зрения испытуемых появлялись аватары, которые либо обращались к ним, посмотрев в глаза, либо такого контакта глаза-в-глаза не было, а аватар приветствовал кого-то в 30 градусах слева или справа от испытуемого¹³. Стимулы с точки зрения физики, вроде бы, очень похожи, а вот реакция мозга на эти похожие ситуации была совершенно различна. Если нет контакта глаза-в-глаза, то активируются задние отделы теменной коры, структуры уже упоминавшегося выше дорзального потока. Можно предположить попытку локализовать *vis-à-vis* аватара в окружающем пространстве. Если же контакт глаза-в-глаза имеет место, то активируются префронтальные области мозга, включающие, прежде всего, правые медианные области фронтополярной коры.

Надо сказать, что это, пожалуй, самая загадочная область новой коры головного мозга человека. Несмотря на то, что она особенно быстро развивается в антропогенезе и занимает у человека рекордно большой объем мозга, ее роль в когнитивной организации не совсем понятна. Дело в том, что поражения этой области не приводят к нарушениям каких-то определенных когнитивных функций, например, памяти и даже интеллекта в целом. Известны, однако, трудности, которые возникли, когда пациентка после успешной операции и на фоне полной сохранности когнитивных процессов попыталась приготовить обед на трех персон (реальный случай, описанный нейрохирургом Пенфилдом, когда тот через несколько месяцев после удаления опухоли в лобных долях своей сестры был приглашен ею в гости, чтобы отпраздновать выздоровление¹⁴ — Penfield, & Evans, 1935). Речь идет не просто о переключении с решения одной задачи на решение другой, а об одновременном решении нескольких задач с быстрым переводом локуса активности из внешнего мира во внутренний и обратно. Такой «мульти-tasking» с многократным преодолением «трансцендентального барьера» между внутренним и внешним и является, воз-

¹³ Kohler P., Pannasch S. & Velichkovsky B.M. Enhancing mutual awareness, productivity and feeling: Cognitive science approach to design of groupware systems // In: P. Saariluoma and H. Isomäki (Eds.) / Future interaction design. Vol. 2. London: Springer-Verlag, 2009. P. 31-54.

¹⁴ Penfield W. & Evans J. The frontal lobe in man: A clinical study of maximum removals // Brain. 1935. 58. P. 115-133.

можно, венцом эволюции с чисто функциональной точки зрения. Что касается видеоконференций, то результаты, описанные мною выше, ведут к созданию новых технологий коммуникации, не на базе Windows, а на основе общего виртуального пространства, позволяющего отслеживать взгляд и жесты всех участников, а также видеть, при решении технических задач сами предметы виртуального обсуждения¹⁵.

Занимаясь исследованиям мозга мы также не должны забывать иногда возвращаться во внешний мир, который, по замечанию Джеймса Гибсона, является лучшей ререпрезентацией самого себя. Ему же принадлежит мудрый совет перед тем, как задавать вопрос «Что находится внутри моей головы», задать вопрос «Внутри чего находится моя голова». Александр Романович Лурия говорил в близком контексте об «экстрацеребральных» органах психики. Многие участники событий и популяризаторы нейронаук, рассказывая сегодня о будущих когнитивных технологиях, полагают, что их развитие предполагает какие-то физические или физико-химические воздействия на нейроны головного мозга человека, или, и в силу временной необходимости, модельных животных. Но самая важная и самая древняя когнитивная технология человечества — это письменность. По степени влияния на нашу жизнь она вполне конкурирует с биологическими изменениями и любыми физическими воздействиями. Похожим образом дело обстоит и с медицинскими приложениями нейрокогнитивных исследований. Все существующие нейрофармакологические разработки, призванные остановить развитие нейродегенеративных заболеваний, менее эффективны, чем простое владение вторым языком, которое сдвигает момент первых клинических проявлений болезни Альцгеймера примерно на пять лет.

Я никак не хочу умалять значение нейрофизиологических исследований. Но есть много оснований для корректировки их развития именно в контексте конвергентных наук, например, биоэнергетики и нейропсихологии. Это позволило бы увеличить результативность существующих мегапроектов изучения мозга и

¹⁵ Kohler P., Pannasc, S., & Velichkovsky B.M. Enhancing mutual awareness, productivity and feeling: Cognitive science approach to design of groupware systems // In: P. Saariluoma and H. Isomäki (Eds.) / Future interaction design. Vol. 2. London: Springer-Verlag, 2009. P. 31-54.

создания нейротехнологий. Сегодня результаты таких проектов оставляют желать лучшего. Менее года назад руководство европейского Human Brain Project было заменено в результате общественного возмущения тем фактом, что для мегаваттного энергетического обеспечения сильно упрощенной физической модели мозга руководителям проекта потребовалась, чуть ли, ни новая атомная электростанция. В действительности, человеческий мозг потребляет примерно 30 Вт, что соответствует мощности слабой электрической лампочки. Любопытно, что когнитивная нагрузка не меняет сколько-нибудь существенно энергетическое потребление мозга ($\pm 5\%$), изменяется распределение активности в пространстве мозга и ее спектральный состав. Спектральные характеристики позволяют выделить дефолтную сеть мозга, о которой я уже говорил выше. Соотношение дефолтной и отрицательно коррелирующей с ней, антидефолтной сети, по-видимому, является клинически важным признаком сохранности сознания при заболеваниях и травмах головного мозга¹⁶. Спектральный анализ подобных сетей позволяет надеяться также на выявление основных блоков макромасштабной эволюции головного мозга человека — уровней когнитивной организации¹⁷.

Что касается нейропсихологии, то она находится на пороге очередных революционных трансформаций. Длительное время она представляла собой скорее искусство — искусство диагностики нарушений мозговых механизмов по их фрагментарным психологическим и поведенческим проявлениям. С развитием физических методов нейровизуализации искусство превратилось в профессиональное ремесло. Судя по всему, в скором времени произойдет

¹⁶ Di Perri C., Ali Bahri M., Amico E., Thibaut A., Heine L., Antonopoulos G., Charland V., Wannez S., Gomez F., Hustinx R., Tshibanda L., Demertzi A., Soddu A., & Laurey, S. Neural correlates of consciousness in patients who have emerged from a minimally conscious state: A cross-sectional multimodal imaging study // *Lancet Neurol.* 2016. 15 (8). 830-842. — doi: 10.1016/S1474-4422(16)00111-3.

¹⁷ Velichkovsky B.M., Klemm T., Dettmar P., & Volke H.-J. Evozierte Kohärenz des EEG: II. Kommunikation der Hirnareale und Verarbeitungstiefe // *Zeitschrift fuer Elektroenzephalographie, Elektromyographie und verwandte Gebiete.* 1996. 27. 111-119. Verkhlyutov V.M., Sokolov P.A., Ushakov V.L. & Velichkovsky B.M. Identification and a possible role of the antiDefault Mode Network in the human brain. 2017 (submitted).

существенное углубление исследований на стыке психологии, генетики и нейрофизиологии, которое позволит включить анализ молекулярных механизмов в нейropsychологические модели и эксперименты. Это будет переход от ремесла к науке, к созданию молекулярной нейropsychологии XXI-го века. В каждом нейроне есть все 23-24 тысячи генов, но какие из них экспрессируются в том или ином окружении до сих пор неизвестно. Нейropsychологические наблюдения показали, что есть специализация областей. В чём такая специализация выражается на молекулярном уровне? Я упоминал эволюционно новые, фронтально-полярные области мозга, с их пока еще несколько загадочными функциями. В частности, похоже, что левые и правые области фронтально-полярной коры различаются отношением к Я своего обладателя: при попытках извлечения безличной информации активируются левые области, а при извлечении похожих автобиографических содержаний — скорее правые. Проведенный нами в рамках одного из проектов¹⁸ анализ дифференциальной экспрессии генов в левой и правой частях фронтально-полярной коры головного мозга человека позволил впервые обнаружить десятки замечательных различий молекулярных механизмов, причем подавляющее количество новых белок-кодирующих генов было обнаружено именно в правом полушарии¹⁹.

Еще в одном цикле экспериментов по изучению молекулярных механизмов различных слоев префронтальной коры человека, проведенном нами совместно с обществом Макса Планка и Китайской академией наук (статья только что была принята для публикации редакцией журнала *Nature Neuroscience*), было обнаружено, что часть специфически человеческих изменений имеет отношения не к нейронам, а к астроцитам. Последние представляют собой одну из разновидностей клеток глии. До этой работы длительное время считалось, что астроциты и глия в целом выполняют в работе мозга сугубо подсобные функции опорной ткани. Возникающая

¹⁸ Это исследование проводилось при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-28-00234 «В поисках Я: Междисциплинарное исследование порождения произвольного действия».

¹⁹ *Nedoluzhko A.V., Efimova O.I., Dolina I.A., Sokolov A.S., Ushakov V.L., Kildyushov E.M., Khaitovich P.E., & Velichkovsky B.M. Sequencing frontopolar cortex: New insights into the molecular base of human brain asymmetry // Psychology in Russia: State of the art. 2017 (in press).*

теперь необходимость учитывать еще и работу астроцитов резко усложняет задачу моделирования человеческого мозга: если нейронов насчитывается примерно 100 млрд, то астроцитов в разы больше. Одной атомной электростанцией тут явно не обойдешься!

Каким может быть резюме по сути сказанного в связи с центральной проблемой — проблемой сознания? Согласно уровневому подходу Н.А. Бернштейна (1947), всякое новое действие сначала выполняется на некотором ведущем уровне и целиком осознается. Затем оно расщепляется на ряд операций, которые в процессе автоматизации перестают осознаваться, переходя на более низкие, фоновые уровни. Этот подход описывает построение движений, но он может быть применен и для объяснения процессов построения субъективного образа. Сознание может быть понято тогда как интегральная модель мира и самого себя, отвечающая требованию максимальной вероятности для заданных условий и позволяющую действовать на эти условия. Эта модель включает вклады множества специализированных механизмов, возникших на разных уровнях эволюции. Таких уровней эволюционного Grand Design мозга, поведения и сознания человека, как представляется, можно насчитать не менее шести²⁰. Ради общей правдоподобности модели в нее, в режиме бессознательных умозаключений, вносятся разнообразные пространственно-временные и смысловые искажения. В этом причина всего известного сегодня многообразия иллюзий — от сенсорных до когнитивных и моральных. Не имея прямого доступа к другим системам координат, мы не замечаем в этом многомерном коллаже репрезентаций ни иллюзорных искажений, ни швов, ни слепых пятен. Значение сознания для нашей жизнедеятельности состоит в том, что оно создает впечатление свободы выбора, поддерживая, таким образом, готовность действовать в соответствии с собственными знаниями и убеждениями — по совести, а не по внешнему принуждению. Со-

²⁰ Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2-х тт. М.: Академия, 2006. (2-е изд-е, М.: Юрайт, 2017); *Velichkovsky B.M. The vertical dimension of mental functioning // Psychological Research. 1990. 52. 282-289; Velichkovsky B.M., Krotkova O.A., Sharaev M.G. & Ushakov V.L. / In search of the “T”: Neuropsychology of lateralized thinking meets Dynamic Causal Modeling // Psychology in Russia: State of the art. 2017 (In press).*

всем не случайно в большом количестве языков оба слова — совесть и сознание — длительное время были синонимами²¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн Н.А.* О построении движений. М.: Медгиз, 1947.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. В 2-х тт. М.: Академия, 2006. (2-е изд-е, М.: Юрайт, 2017).
- Величковский Б.М.* Исследование когнитивных функций и современные технологии // Вестник РАН. 2010. 80 (5-6). С. 440-446.
- Величковский Б.М.* Сознание // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. 2015. С. 623-626.
- Величковский Б.М., Ковальчук М.В., Ушаков В.Л., & Шараев М.Г.* Исследование сознания естественнонаучными методами: возможная роль волновой интеграции // Вестник РФФИ. 2016. 91 (3). 61-71.
- Величковский Б.М., Нуждин Ю.О., Свириг Е.П., Строганова Т.А., Федорова А.А., Шишкин С.Л.* Управление «силой мысли»: На пути к новым формам взаимодействия человека с техническими устройствами // Вопросы психологии. 2016. 62 (1). С. 79-88.
- Di Perri C., Ali Bahri M., Amico E., Thibaut A., Heine L., Antonopoulos G., Charland V., Wannez S., Gomez F., Hustinx R., Tshibanda L., Demertzi A., Soddu A., & Laureys S.* Neural correlates of consciousness in patients who have emerged from a minimally conscious state: A cross-sectional multimodal imaging study // *Lancet Neurol.* 2016. 15 (8). P. 830-842. — doi: 10.1016/S1474-4422(16)00111-3.
- Fedorova A.A., Shishkin S.L., Nuzhdin Y.O., Velichkovsky B.M.* Gaze based robot control: the communicative approach // Proceedings of the 7th International IEEE / EMBS Conference on Neural Engineering (April 22-24 2015, Montpellier, France). 2015. P. 751-754.
- Kohler P., Pannasch S. & Velichkovsky B.M.* Enhancing mutual awareness, productivity and feeling: Cognitive science approach to design of groupware systems // In: *P. Saariluoma and H. Isomäki* (Eds.) / Future interaction design. Vol. 2. London: Springer-Verlag. 2009. P. 31-54.
- Libet B.* Unconscious cerebral initiative and the role of conscious will in voluntary action // *Behavioral and Brain Sciences.* 1985. 8. P. 529-566.

²¹ *Величковский Б.М.* Сознание // Большая Российская энциклопедия. Т. 30. 2015. С. 623-626.

- Nedoluzhko A.V., Efimova O.I., Dolina I.A., Sokolov A.S., Ushakov V.L., Kildyushov E.M., Khaitovich P.E., & Velichkovsky B.M.* Sequencing frontopolar cortex: New insights into the molecular base of human brain asymmetry // *Psychology in Russia: State of the art*. 2017 (In press).
- Penfield W., & Evans J.* The frontal lobe in man: A clinical study of maximum removals // *Brain*. 1935. 58. P. 115-133.
- Raichle M.E.* The restless brain: How intrinsic activity organizes brain function // *Phil. Trans. R. Soc. B*. 2015. 370. — 20140172. <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2014.0172>.
- Schrammel F., Pannasch S., Graupner S.-T., Mojzisch, A., & Velichkovsky, B.M.* Virtual friend or threat? The effects of facial expression and gaze interaction on physiological responses and emotional experience // *Psychophysiology*. 2009. 46 (5). 922-931.
- Shishkin S.L., Nuzhdin Y.O., Svirin E.P., & Velichkovsky, B.M.* EEG Negativity in fixations used for gaze-based control: Toward converting intentions into actions with an Eye-Brain-Computer Interface // *Frontiers in Neuroscience*. 2016. 10. Art. No. 528. — doi.org/10.3389/fnins.2016.00528.
- Ushakov V.L., Sharaev M.G., Kartashov S.I., Zavyalova V.V., Verkhlyutov V.M., & Velichkovsky B.M.* Dynamic Causal Modeling of hippocampal links within the human Default Mode Network: Lateralization and computational stability of effective connections // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2016. 10. Art. No. 528. (e64466). — [doi: 10.3389/fnhum.2016.00528](http://doi.org/10.3389/fnhum.2016.00528).
- Velichkovsky B.M.* The vertical dimension of mental functioning // *Psychological Research*. 1990. 52. P. 282-289.
- Velichkovsky B.M.* Communicating attention: Gaze position transfer in cooperative problem solving // *Pragmatics and Cognition*. 1995. 3 (2). P. 199-222.
- Velichkovsky B.M., Cornelissen F., Geusebroek J.-M., Graupner S.-Th., Hari R., Marsman, J.B., & Shevchik, S.A.* Measurement-related issues in investigation of active vision // In: *B. Berglund, G.B. Rossi J., Townsend and L. Pendrill* (Eds.) // *Measurement with persons: Theory and methods*. London-New York: Taylor and Francis, 2012. P. 281-300.
- Velichkovsky B.M., Joos, M., Helmert, J.R., & Pannasch, S.* Two visual systems and their eye movements: Evidence from static and dynamic scene perception // In: *B.G. Bara, L. Barsalou & M. Bucciarelli* (Eds.) / *Proceedings of the XXVII Conference of the Cognitive Science Society*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 2005. P. 2283-2288.
- Velichkovsky, B.M., Klemm, T., Dettmar, P., & Volke, H.-J.* Evozierte Kohärenz des EEG: II. Kommunikation der Hirnareale und Verarbeitungstiefe //

- Zeitschrift fuer Elektroenzephalographie, Elektromyographie und verwandte Gebiete. 1996. No. 27. P. 111-119.
- Velichkovsky, B.M., Krotkova, O.A., Sharaev, M.G. & Ushakov, V.L.* / In search of the “I”: Neuropsychology of lateralized thinking meets Dynamic Causal Modeling // Psychology in Russia: State of the art. 2017 (In press).
- Verkhlyutov, V.M., Sokolov, P.A., Ushakov, V.L., & Velichkovsky, B.M.* Identification and a possible role of the antiDefault Mode Network in the human brain. 2017 (Submitted).
- Walter, W.G.* Slow potential waves in the human brain associated with expectancy, attention and decision // Archiv fuer Psychiatrie und Zeitschrift fuer die gesamte Neurologie. 1964. 206. P. 309-322.

FROM STUDYING CONSCIOUSNESS TO DEVELOPING COGNITIVE TECHNOLOGIES

In this paper we consider problems and results of contemporary interdisciplinary consciousness studies. Along with more traditional academic experimental work, issues of practical application play an outstanding role in the whole endeavour. They lead to development of a number of cognitive technologies enhancing biological potential and efficiency of human activity. A particular attention is devoted to neurocognitive research of mind and brain. In the last time, substantial changes took place in this area of research. On the one hand, they illuminated the global evolutionary architecture of human brain's cognitive organization. On the other, they opened the way for understanding of underlying molecular mechanisms.

Keywords: consciousness, intention, illusion, technologies, cognitive science, neurophysiology, neuropsychology, brain, monadology.

Boris Mitrofanovich Velichkovsky — DSc in Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director. NRC «Kurchatov Institute»; Professor. Technische Universitaet Dresden.

Н.М. Смирнова

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ НАУК

В статье рассмотрено взаимоотношение философии и когнитивных наук на примере трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля. Обоснована актуальность обращения к феноменологии как «местоблюстителю» высших форм идеальной предметности в условиях «натуралистического поворота» в современной эпистемологии. Показано, что трансцендентальная смыслообразующая субъективность нацелена на поиск философски всеобщего как неизменного во всех отношениях, что аналогично (на иных методологических основаниях) поиску сущности в когнитивных науках. Существенное различие методологических устремлений феноменологии и когнитивных наук «не отменяет» взаимодополнительности их исследовательских программ. Показано, что идеи Э. Гуссерля эффективно воздействовали на когнитивные социальные науки на уровне *их философских оснований*, лишь частично преломляясь в их исследовательской «технике». Обосновано, что использование эвристического потенциала «позднефеноменологического» понятия «жизненный мир человека» (Lebenswelt) кардинально сдвигает привычную оптику наивного онтологизма «природа — культура». Фундаментализм понятия жизненного мира способен внести весомый вклад как в решение вопроса о соотношении физической причинности и ментальной каузальности, так и проблемы онтологического статуса артефактов.

Ключевые слова: феноменология, трансцендентально-феноменологическая редукция, когнитивные науки, жизненный мир человека.

В настоящей статье я пытаюсь ответить на один из вопросов нашей конференции: совместимы ли представления феноменологии о сознании с современными когнитивно-научными исследованиями? Первое, на что я в связи с этим хотела бы обратить внимание, — это акцентировать важность тезиса, оказавшегося на периферии философского сознания в парадигме натуралистического поворота в современной философии. А именно: радикальная («сильная») версия натурализма в эпистемологии, заряженная стремлением подменить философию вообще, и эпистемологию, в частности, наиболее общими теоретическими разделами современных когнитивных наук, например, психологии, на практике означает не только девальвацию роли философии в универсуме культуры. Это и фактическая элиминация вопросов, которые, по мысли Э. Гуссерля, «претендуют на высшее человеческое достоинство». И в этой связи аргументы Э. Гуссерля, высказанные им в ходе критики гносеологического психологизма и наивного идеализма в логике и философии арифметики, в целом сохраняют свое значение и для критики радикальных версий натурализма в современной теории познания.

Философия исторически складывалась и продолжает оставаться местоблюстителем высших форм когнитивных абстракций в самосознании культуры. По выражению В.С. Степина, философия является «рефлексией над предельными основаниями культуры»¹. И это, в первую очередь, относится к феноменологии, о которой далее пойдет речь, — *местоблюстителе и хранителе культурной ценности высших форм идеальной предметности в науке и современной философии*. В этом — одна из важнейших функций феноменологии не только в философии и когнитивных науках, но и в культуре в целом.

Подчеркну еще раз, что именно в свете интенций натуралистического поворота в современной эпистемологии необходимо заново переосмыслить роль философии в современной культуре². Ибо переход от одной культурной формации к другой неизбежно

¹ Степин В.С. Философия как рефлексия над основаниями культуры // Субъект, познание, деятельность. М., 2002. С. 141.

² Подр. см.: Смирнова Н.М. Философия, специализированное социальное знание и жизненный мир человека // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. Лекторский В.А. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 167-201.

чреват переосмыслением этой роли. В философии как рефлексии над предельными основаниями культуры кристаллизуется исторически подвижная матрица, очерчивающая конфигурацию различных предметных сфер человеческого духа.

Сохраняет ли философии свою роль в контексте вызовов современных когнитивных наук? Рассмотрим этот вопрос на примере отношения феноменологии к когнитивным наукам.

Почему феноменологическая философия принципиально не сводима к наиболее общим, абстрактным разделам современных когнитивных наук? Если следовать определению М. Хайдеггера, что «мышление есть вопрошание бытия», то *феноменология и когнитивные науки ставят по отношению к бытию существенно разные вопросы*. Как вариант когнитивного трансцендентализма феноменология обращает к бытию не традиционный вопрос «Что такое?» («какова его сущность? и т.п.), но — «Как возможно?».

Нетрудно видеть, что это существенно разные типы философского вопрошания, обращенные к бытию, и ориентируют они на отличные друг от друга исследовательские стратегии. В отличие от когнитивных наук, ориентированных на познание сущности явления в его становлении и развитии, феноменологический анализ разворачивает исследование в противоположном направлении. Феноменология устремлена к выявлению и элиминации скрытых (а потому и далеко не очевидных) предпосылок (особенно метафизического характера), обусловивших саму возможность того или иного явления в его чистых логических формаобразованиях. Не слишком огрубляя когнитивные интенции обеих стратегий, их можно было бы соотнести следующим образом: им присущи разнонаправленные (но взаимодополнительные) векторы когнитивного интереса.

В когнитивных науках исследовательская мысль движется от явления к его сущности, в феноменологии — от формообразующей сущности к «чистому» явлению. Абстрагируясь от онтологических и иных предпосылок естественной установки сознания, трансцендентально-феноменологическая редукция, по мнению Э. Гуссерля, выводит исследователя на уровень чистой беспредпосылочности и эксплицирует условия образования идеальных предметностей как принципиальную возможность для Разума.

Известно, что еще в XVIII в., т.е. в период «классического» развития естествознания (используя периодизацию науки В.С. Степина) в естествознание проникает идея эволюции. Пожалуй, самый красноречивый пример — теория происхождения видов путем естественного отбора Ч. Дарвина. Философы также воздают дань этим переменам в науке — вспомним «докритический» (до 1770 г.) период научной деятельности Канта, воплощенный в его труде «Всеобщая естественная история неба». С тех пор когнитивные науки нацелены на познание своего предмета в его становлении и развитии. И не в последнюю очередь потому, что свойственная классической науке *эссенциалистская установка* ориентирует исследователя на поиск неизменного, инвариантов различных стадий развития предмета, что позволяет выявить его *сущность* как неизменное при всех изменениях.

Когнитивные науки изучают изменение бытийных характеристик предмета как результат его развития во времени, прибегая к сбору эмпирических данных путем наблюдения, сравнения, экспериментов. Феноменологии, которая, как и философия в целом, является, по Э. Гуссерлю, «строгой наукой», также присущи интенции «усмотрения сущности как неизменного во всех отношениях». Однако для этой цели она не прибегает к исследованию процессов развития предмета в реальной истории его становления. Ей присущ особый метод поиска сущности — феноменологический метод «интуитивного усмотрения» (*Wesensschau*). Феноменологический метод выявления сущности состоит в мысленном варьировании предмета с целью выявления его инвариантных свойств. Например, сущность «кубичности» мы можем уяснить, мысленно «вращая» рассматриваемый предмет и «вычитая» (в терминологии Э. Гуссерля — «заклячая в скобки», «выводя из игры») его неатрибутивные свойства. В случае поиска сущности «кубичности» мы можем феноменологически «заклячить в скобки» его размер, цвет, плотность, материал, из которого он сделан, текстуру поверхности и т.п. Но мы, очевидно, не сможем посягнуть на равенство его ребер или прямых углов наклона его боковых поверхностей к основанию, если хотим, чтобы предмет оставался кубом. Эти характеристики предмета и будут в данном случае сущностными характеристиками куба как идеального объекта. Таким образом, хотя методы поиска сущностных характеристик у феноменологии и когнитивных наук различны,

как различны и исследовательские поля обеих дисциплин, тем не менее, как когнитивные науки, так и феноменология устремлены к одной цели: поиску сущности как неизменного во всех отношениях.

Абстрагируясь от бытийных («посюсторонних») характеристик феномена, данных в «естественной установке сознания», феноменолог осуществляет операцию трансцендентально-феноменологической редукции и выходит на уровень чистых феноменов сознания — чистого сознания трансцендентального Эго. Это когнитивный аналог «парящего человека» Ибн-Сины, о котором упомянул в своем докладе А.В. Смирнов. Феноменология отвлекается от онтологического статуса идеальных предметностей — ее интересует лишь его логическая возможность как в принципе доступная для Разума. Можно было бы сказать, что феноменологически «существовать — значит быть возможным», если бы в трансцендентально-феноменологической сфере различие между возможным и действительным сохраняло свое привычное для естественной установки сознания значение. Трансцендентально-феноменологическая онтология — это онтология чистой возможности, тождественной действительности, отвлеченной от вопросов посюсторонней бытийности — абсолютное сознание, неотличимое от его содержания. Так какое же отношение она имеет к реальности, изучаемой когнитивными науками?

Самый поразительный факт, по Э. Гуссерлю, состоит в том, что в процессе трансцендентально-феноменологической редукции к трансцендентальному полю опыта ни один из предикатов, приписываемых предмету, не был упущен. Напротив, в трансцендентально-феноменологической сфере опыта они предстали в предельно отчетливом виде. Иными словами, в трансцендентально-редуцированной сфере все базовые значения естественной установки сознания сохраняются, но предстают в трансцендентально-чистом виде — как центры мировых отношений. Поэтому наработки феноменологов, работающих в сфере онтологии чистой возможности при отвлечении от бытийных вопросов существования, обладают мощным эвристическим потенциалом для компьютерного моделирования функций сознания, т.е. для такой сравнительно молодой области когнитивных исследований, как компьютерный инженеринг, и — шире — философия искусственного интеллекта. Именно поэтому мы вправе говорить не

только о видимом различии, но и взаимодополнительности методов философии (в данном случае — феноменологии) и когнитивных наук.

И еще один важный момент в плане методологии. На примере феноменологии мы можем видеть, что задачей философии является вовсе не поставка готовых методов когнитивным наукам. Ее задача, скорее, — методологическое сопровождение и выявление скрытых трудностей в процессе когнитивно-научного исследования, обусловленных традиционным «невниманием к скрытым предпосылкам» и привычкой изучать теоретические вопросы в отрыве от методологических. Но с другой стороны, основатель феноменологии Э. Гуссерль полагал, что когнитивная наука не является и не может быть окончательной познавательной критикой разума: механизмов внутринаучной саморефлексии, по его мнению, недостаточно для отыскания подлинных оснований научной достоверности — «твердой породы» научного, философского, да и любого рационального суждения вообще. Напротив, сама наука нуждается в феноменологическом прояснении ее глубинных когнитивных оснований посредством феноменологической критики.

В условиях господства позитивизма в европейской философии начале XX в., укоренившегося в методологическом самосознании науки, Э. Гуссерлю пришлось отстаивать подобные взгляды в острой полемике не только с представителями когнитивных наук, но и с коллегами-философами позитивистской ориентации. И дальнейшее развертывание его феноменологической эпистемологии призвано обосновать общекультурную роль феноменологии в поддержании рационального тона европейской культуры в условиях грядущего «кризиса европейских наук».

Однако «хитрость мирового разума» состояла в том, что когнитивными науками, прежде всего, социальными, оказались востребованы не совсем те идеи, которые сам Э. Гуссерль считал наиболее эвристичными, во всяком случае, в ранний период своего философского творчества, сфокусированного на проблемах общей эпистемологии.

Исторически сложилось так, что первая когорта последователей Э. Гуссерля, близко знакомых с ним лично (Эдит Штайн, Герда Уолтер, отчасти А. Шюц) поначалу полагали, что конкретные проблемы социальных наук можно разрешить с помощью

непосредственного приложения к ним феноменологических методов, в частности, метода трансцендентально-феноменологической редукции. Они полагали, что именно с помощью этого метода возможно феноменологическое прояснение базовых понятий социальных наук, которые, в отличие от понятий естественных наук, в то время отнюдь не считались картезиански «ясными и отчетливыми». Сходной же точки зрения поначалу придерживался и один из наиболее выдающихся учеников Э. Гуссерля М. Шелер. Однако попытки непосредственного («прямого») приложения феноменологических методов без надлежащей «настройки» на предметную специфику различных социальных дисциплин привели к обратному результату. Идеи феноменологии в глазах социальных ученых предстали чересчур абстрактными и весьма далекими от конкретных методологических проблем и когнитивных запросов социальных наук.

Однако идеи Э. Гуссерля эффективно воздействовали на когнитивные социальные науки на уровне *их философских оснований* (концепт В.С. Степина) и лишь частично преломлялись в их исследовательской «технике». Так, центральное место в феноменологическом подходе к анализу артефактов культуры занимает разработанное в поздних работах Э. Гуссерля понятие «жизненный мир человека» (*Lebenswelt*). Понятие жизненного мира манифестирует возврат из сферы чистого сознания трансцендентального Эго в область повседневности и социальной жизни. В соответствии с общей установкой феноменологии жизненного мира на исследование смысловой структуры социальности, жизненный мир человека в социально-философском контексте предстает как квинтэссенция опыта intersubjectивного социального отношения.

Жизненный мир (*Lebenswelt*), по Э. Гуссерлю, — это совокупность дорефлексивных очевидностей сознания, данных в «естественной установке». Проще говоря, это «само собой разумеющееся» обыденного сознания, его культурное априори. В более поздней (постгуссерлевской) формулировке это смысловая структура мира человеческой повседневности.

Важность последней констатации видна из следующих рассуждений. Смысл не может быть соотнесен с бытием непосредственно в силу принципиальных различий их онтологической природы. Ибо это принципиально различные роды бытия. Вот как

формулирует это различие сам Э. Гуссерль: «Сознание (переживание) и реальное бытие – это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы один подле другого, порой «сопрягаясь», порой «сплетаясь» друг с другом... — полагает основатель трансцендентальной феноменологии. — Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла. Любая реальность обретает для нас существование через «наделение смыслом», а любые реальные существа – это «единства смысла», которые предполагают существование наделяющего смыслом сознания»³. Поэтому смысл может быть соотнесен не с бытием непосредственно, но с чем-то, что, с одной стороны, обладает сходной с ним онтологической природой, а с другой, — выступает для любых смысловых образований основополагающим, «твердой породой» всех форм социальных значений. Двумя этими свойствами и обладает гуссерлев жизненный мир, являющийся, по выражению А. Шюца, — «конечной областью социальных значений» (*finite province of meaning*) естественного языка и культурной символики.

Жизненный мир, по Э. Гуссерлю, — форма социокультурной презентации мира в целом. Последний может явиться человеку не иначе, как в формах и содержаниях жизненного мира. Человеческое познание не трансцендирует до мира «самого по себе». Мир сам по себе, до и вне присутствия человека, рассуждает Э. Гуссерль, — «вторичен». Это идеализированная абстракция жизненного мира, исключая человека и смыслы его бытия из структуры универсума. Жизненный мир — архетип восприятия социальной реальности, жизнемировые конструкты апперцепируют ее восприятие. В силу этого он имеет свои границы на фоне мира как целого. Это смысловые границы, спектр которых составляют характерные для данного сообщества формы проживания и осмысления мира.

Но эвристический потенциал понятия жизненного мира не ограничивается лишь рамками социальных наук. Ибо истоки этого понятия коренятся, по Э. Гуссерлю, в методологической рефлексии современного ему естествознания. В последней из опубликованных при жизни основателя феноменологии работе —

³ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 10-11.

«Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»⁴ — он неоднократно подчеркивал, что любые используемые человеком понятия, включая и самые изощренные научные абстракции, имеют глубокие неотрефлексированные корни в жизненном мире человека. Они обнаруживают себя в естественном языке, на котором основан язык науки (и эта зависимость не устранима в силу невозможности чисто «объектного языка»), а также мировоззренческих презумпций, не проблематизируемых («само собой разумеющихся») в рамках определенной культуры. Поэтому одной из важнейших задач методологической саморефлексии науки Э. Гуссерль полагал исследование корней когнитивно-научного знания в жизненном мире человека — процесса *седиментации научных значений*. По Э. Гуссерлю, любые научные понятия являются не более, чем изощренной формой интеллектуальной стенографии, если не выявлены их глубокие жизнемировые корни в донаучной деятельности мысли и чувства. Ибо вырастают они на почве жизненного мира и коренятся в структурах естественной установки сознания.

Методологически апелляция к жизненному миру изменяет место теоретической речи. Говорящий от имени науки утрачивает статус абсолютного наблюдателя, вознесенного над жизнью, и предстает как изначально погруженный в структуры жизненных миров. Презумпция изначально «захваченности» социального теоретика структурами жизненных миров методологически означает, что он принципиально не свободен от предпосылок, разделяемых с обыденным мышлением в естественной установке сознания. Предпосылки такого рода являются глубокими отложениями реального жизненного опыта и, как правило, носят неявный характер, подлежащий феноменологическому «раскодированию».

Анализируя истоки и смысл кризиса научной рациональности как манифестации общего кризиса европейских наук, Э. Гуссерль показывает, что понятие природы в классической механике является ничем иным, как идеализированной абстрак-

⁴ См.: *Husserl E. Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie*. Hamburg: Nijhoff, 1977. Русск. пер.: *Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*. СПб, Наука, 2013.

цией жизненного мира, — абстракцией, элиминирующей человека и артефакты культуры. «Включала ли она (реальность математизированной науки — Н. С.) человека? — вопрошает последователь Э. Гуссерля Т. Лукман. — Декарт включил в этот мир человеческое тело, но, увы, не душу. Единство старого мировоззрения раскололось: радикально различные стили мышления предписывались знанию о человеке (и Боге) и остальному универсуму»⁵.

Как показывают исследования В.С. Степина, реифицирующая установка приводит к тому, что классическое естествознание обнаруживает в природе слепки собственной теоретической и инструментальной деятельности. Онтологизация научных процедур элиминирует проблему относительности научного результата к операциям и средствам деятельности, что приводит к подстановке небеспредпосылочных и теоретически нагруженных научных конструкторов на место характеристик самой природы. Так происходит замещение реальности жизненного мира искусственной реальностью идеализированных объектов науки, а ученый принимает за характеристики природы продукты собственной объективирующей методологии.

И еще один методологически важный вопрос. Гуссерлево понятие жизненного мира высоко эвристично в решении вопроса о соотношении ментальной каузальности и физической причинности, широко обсуждаемого в настоящее время. Мой тезис состоит в том, что концепт жизненного мира позволяет избежать дуализма этих видов причинности. Если, следуя Э. Гуссерлю, признать тезис первичности жизненного мира человека, то физический мир предстанет его идеализированной (или, если угодно, «тощей») абстракцией. Приняв же традиционную, сугубо натуралистическую установку, полагающую онтологическую первичность физического мира, отвлеченного от человека и его культурных артефактов, нам никоим образом не удастся избежать методологически некомфортного дуализма причинности. Кроме того, подобная «жизнемировая» установка, как нетрудно видеть, вносит весомый вклад в решение проблемы онтологического статуса артефактов. В самом деле, обладают ли камень на дороге и

⁵ *Luckman Th. Philosophy, Social Sciences and Everyday Life // Phenomenology and Sociology. N. Y.: Penguin Books, 1978. P. 226-227.*

мраморная статуя одинаковым бытийным статусом? С позиции заложенной Э. Гуссерлем жизнемировой установки, кусок мрамора как природный объект не обладает более высоким онтологическим статусом в сравнении культурным артефактом.

Понятие жизненного мира Э. Гуссерля позволяет переосмыслить привычное соотношение реальности и нашего места в ней. Мы привыкли считать само собой разумеющейся онтологическую первичность природы, тогда как «очеловеченный» мир, светящийся смыслом, уютно укладывается в наличные культурно-исторические схематизмы нашего мышления, деятельности и социальной организации. Иными словами, в наших классически-объективистских (дофеноменологических) представлениях мир человека привычно «надстраивается» над миром природы.

Фундаментализм жизненного мира кардинально меняет привычную оптику наивного онтологизма «природа — культура». Мир человека, универсум овеществленных артефактов культуры и повседневности полагается первичной как фундаментальная культурно-антропологическая реальность, изначально данная человеку. Мир же природы — идеализированная абстракция жизненного мира, результат искусственного «заключения в скобки» и «выведения из игры» философски самого существенного: человека с его обжитым миром культуры и социальности. В мире, где есть человек и очеловеченная им природа, мир «сам по себе», «природа до и вне человека» — сильнейшая идеализация абстрагирующего мышления Нового времени, лежащая в основании классического естествознания. Фундаментализм жизненного мира, т.о., философски «снимает» наивный онтологизм классически понятой объективности. В подобном устранении дуализма ментальной каузальности и физической причинности я и усматриваю важнейшую роль феноменологии в ее отношении к когнитивным наукам. Не менее важно и то, что онтологическая первичность жизненного мира утверждает когнитивные привилегии смысла как атрибута человечески продуцированной культурно-исторической реальности.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. / Пер. с нем Д.В. Кузницына. СПб, Наука, 2013. 494с.
- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 10-36.
- Зотов А.Ф., Смирнова Н.М. Философское творчество в контексте феноменологической традиции в европейской философии XX в. // Философия творчества. Когнитивные и социально-культурные изменения. Ежегодник. Вып. 2. М., ИИнтелЛ. 2016. С. 16-38.
- Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем// Эпистемология: перспективы развития. / Отв. ред. В.А. Лекторский, отв. секр. Труфанова Е.О. М., Канон+ РООИ «Реабилитация». 2012. С. 5-49.
- Смирнова Н.М. Философия, специализированное социальное знание и жизненный мир человека // Наука глазами гуманитария / Отв. ред. Лекторский В.А. М., Прогресс-Традиция, 2005. С. 167-201.
- Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб: СПбГУП, 2011. С. 163-207.
- Шюц А. Значение Э. Гуссерля для социальных наук / Пер. с англ. Смирновой Н.М. // Избранное: мир, светящийся смыслом. М., РОС-СПЭН, 2004. С. 251-260.
- Luckman Th. Philosophy, Social Sciences and Everyday Life // Phenomenology and Sociology. N.Y.: Penguin Books, 1978. P. 93-226.

HEURISTIC POWER OF PHENOMENOLOGY
FOR CONTEMPORARY COGNITIVE SCIENCES

Interrelation between philosophy and contemporary cognitive sciences (both natural and social) has been regarded in this paper on the sample of E. Husserl's transcendental phenomenology. Actuality to appeal to phenomenology as the guardian of rational and constructive standards in science and philosophy under the so-called "natural shift" in contemporary epistemology has also been shown. Namely, E. Husserl's critique of psychological attitude in logics and philosophy of arithmetic seems to be highly relevant for the time being. It has been demonstrated, that transcendental meaning-creative subjectivity substantiates all logical forms as in principle possible for human reason. It intends to search philoso-

phical generality as invariable substance in different relation which appears to be analogous (yet on different methodological background) to the search of essence in natural sciences. It implies, that in spite of the difference of their methodological backgrounds, phenomenology and cognitive sciences may be viewed as complimentary to each other. It has been demonstrated, that E. Husserl's ideas strongly impacted on philosophical foundations of social sciences, nevertheless they slightly influenced their research technique. Substantiated, that the use of the "late" phenomenological concept "human life-world" (Lebenswelt) strongly shifted our habitual perspective of "naïve" ontological relation "nature-culture". Fundamental significance of the "human life-world" (Lebenswelt) concept's heuristic power is able to contribute both to the problems of correlation of mental and physical causality and ontological status of culture's and human activity's artifacts.

Keywords: the Self, subject, narrative, self-consciousness, identity, social constructionism.

Natalia Mikhailovna Smirnova — DSc in Philosophy, Main Research Fellow.
RAS Institute of Philosophy; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

В.Ф. ПЕТРЕНКО

СОЗНАНИЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОСЕМАНТИКИ*

Перспективной линией развития психологии является движение в сторону личностного и коллективного бессознательного, к которым можно подступиться в результате создания целостных междисциплинарных теоретических моделей, включающих, как следствие, реализацию уникальных единичных случаев (case study). Человеческое сознание имеет пространственно-временной, опосредованный системой значений (не только вербальных, но перцептивных эталонов) характер. Коллективное бессознательное имеет отличную от сознания природу (вне форм пространства и времени) и описывается на языке гильбертовых пространств. Имеется прямая аналогия методологии квантовой физики (включая такие феномены, как ЭПР или квантовая телепортация, не локальность бытия и его системная связность) и методологии бессознательного (включая феномены синхроничности, телепатии, и предвидения). Человечество (а значит и психология, как наука о человеческой психике) стоит на пороге глобальной полифуркации (Движение 2045), включающей выход на «сингулярность» Р. Курцвейла), или «вертикаль Снукса — Панова»¹, связанных с переходом от чисто Земной эволюции к Космической, включающей выход на контакты с иными разумными цивилизациями.

Ключевые слова: Психосемантика, сознание, коллективное бессознательное, значение, пространство, время, квантовая телепортация, сингулярность.

* Исследование проводилось при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 15-06-01389).

¹ Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, Синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М., 2014.

Аналогично тому, как в истории Человечества, ресурс человеческой цивилизации осуществлялся путем открытия новых, еще не освоенных земель, так и ментальные ресурсы личности заключаются в открытии бессознательных и еще не отрефлектированных пластов психики собственного Я, как отдельного человека, так и коллективного субъекта. Работами Зигмунда Фрейда в области личностного бессознательного, и Карла Юнга в области коллективного бессознательного, были открыты новые горизонты в познании человеком самоё себя, и тем самым в освоении ментальных ресурсов личности.

Познание человеком самого себя в истории человеческой культуры началось с того, что В.В. Налимов обозначил как фигуры «мягкого языка»: мифы, легенды, притчи. Один из наиболее древних египетских папирусов на эту тему назывался «разговор усталого человека со своей душой». Российский ученый, философ, гуманист А.А. Богданов в фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука», которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» Л. Берталанфи, показывает, что «основной метафорой» в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества как материал, наиболее близкого и освоенный людьми. Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания, доставшегося нам от далёких предков. В свое время мы (Ермолаев, Петренко) ввели понятие «псевдодействие» для обозначения присущего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием. Рассмотрим, например, предложение «книга лежит на столе». Мало того, что в ситуации пространственного взаимоположения двух объектов, меньшему по размеру (книге) приписывается роль подлежащего (субъекта), который совершает антропоморфное действие (разлеглась, понимаешь!). Этому субъекту (книге) приписывается еще и половая принадлежность (книга — она) при полном отсутствии каких-либо половых признаков. Описание окружающей реальности через ее антропоморфизацию, то есть наделение природных процессов человекоподобными свойствами и использование в качестве объяснительной модели природных процессов собственные, т.е. человеческие действия в мире, и составляет первейшую базовую метафору житейской пси-

хологии. Древний человек по аналогии с самим собой одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектности. Сравним предложения: «Я иду домой» и «На улице идет дождь»; «Ветер качает деревья», «Мать качает колыбель младенца»; «Анастасия выглянула из-за плетня» и «Солнце выглянуло из-за туч». В этих предложениях как человек, так и разного рода природные процессы, и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия. Отметим, что для снятия этого архаического, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку, в падежной грамматике Ч. Филмора вводится глубинный уровень смысловых ролей («семантических падежей»), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах.

Так, в падежной грамматике Ч. Филмора в предложении «мальчик разбил окно камнем» на роль «Агента» действия будет определён «мальчик»; на роль объекта — «окно»; а «камню» будет приписана падежная роль «инструмента». В предложении «музыка взволновала меня» — *Я* не будет являться «агентом», так как это переживание не было произвольным и волевым, и «мне» в падежной грамматике Ч. Филмора приписывается роль «пациенса». По сути дела, лингвист Филмор пытается построить свой вариант «теории деятельности» и отрефлексировать процесс категоризации как процесса, затрагивающего мотивацию, целсообразование, осознаваемые и бессознательные уровни регуляции деятельности субъекта. Одна из чрезвычайно интересных попыток структурной лингвистики (Апресян, Мельчук, Жолковский и другие) создать в рамках теории перевода язык смыслов, представляющий собой связанные ориентированные семантические графы, в узлах которых стоит универсальная лексика данного языка, а ребра графов заданы обобщенными предикатами. Например, автору этой статьи, для психологического исследования трансформации визуального образа в ходе псевдоконического восприятия миски с жидкостью потребовалось провести семантический анализ понятия «жидкость». Я, будучи ещё студентом факультета психологии МГУ, обратился к тогда ещё молодому кандидату наук, а ныне академику РАН Ю.Д. Апресяну с просьбой выделить семантические компоненты этого понятия. Юрий Дереникович дал такое определение: «жидкости — это не дискретная, не сжимаемая субстанция, не имеющая формы». То есть содер-

жание данного понятия можно было представить в виде семантического графа, заданного отношениями базисных понятий таких как «дискретность», «субстанция», «форма». Если же некое понятие не является базисным, например, понятие «форма» или «субстанция», то требуется его развернуть через соответствующую дефиницию и ввести полученный граф как подграф в исходное понятие. Такой подход хорошо работает для понятий, имеющих явную предметную отнесенность, но оказывается затруднительным, если мы пытаемся описывать некие эмоциональные, моральные или ментальные реалии. Например, если попытаемся определить такие понятия, как «справедливость» или «красота», то от лингвиста потребовалось бы разработать чисто философско-этическую или психолого-эстетическую проблематику, т.е. стать философом и психологом. Я вспомнил этот пример, чтобы подчеркнуть, что описание собственной ментальности человеком не сводимо к чисто понятийным рациональным конструкциями, но включает и плохо определяемые чувственные, образные, эмоциональные переживания, а также содержание плохо рефлекслируемого личностного и коллективного бессознательного. Поясню на примере. Мейнстрим, скажем условно, западного стиля обучения, представляется как передача знаний учащимся, где учитель только транслятор некоторых объективных данных и теорий. Появилось даже представление об обучении как об оказании «педагогических услуг». Методологически такой стиль базируется на представлении о передаче объективных, не зависящих от педагога, истин. Тем не менее, некоторый паллиатив такому подходу представляет теория личностного знания М. Полани². Личностное начало мировоззрения наиболее явственно высвечивается в патопсихологии и психотерапии³, в этнопсихологии⁴, но в целом плохо представлено в педагогике и психологии.

² Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.

³ Зейгарник Б.В. Патопсихология. М., 1986; Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М., 1995.

⁴ Мухина В.С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. 2001. № 4. С. 114-127; Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, Синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М., 2014.

Условно, восточный стиль обучения, например, в буддизме, подразумевает глубоко личностные отношения ученика и учителя. Ученик может довольно долго выполнять хозяйственную работу, прислуживать учителю. Важно, что в таком общении происходит идентификация как с личностью непосредственного учителя, так и со всем коленом передачи знания и, особенно, с основателем учения. Как писал Н.А. Бердяев, невозможно изучить философию как некое позитивное знание. Например, нельзя изучить философию Гегеля, но можно научиться мыслить по-гегелевски. Мышление связано не только с рациональными, осознанными человеком понятиями, но и с индивидуальным (З. Фрейд) и коллективным⁵ бессознательным. И как по мелькнувшему в конце коридора плащу приятеля можно опознать целостный образ приятеля, так и по пришедшей в «голову» ассоциации или образу сновидения можно актуализовать широкую семантическую область индивидуального или коллективного бессознательного. Согласно голографической модели памяти К. Прибрама⁶, ничтожный элемент голограммы (полученной наложением двух интерферирующих лазерных потоков) позволяет восстановить весь целостный образ, запечатленный в голограмме. Но целостный образ, восстановленный по малой части голограммы, будет гораздо меньшей интенсивности. Требуется лазерная подсветка достаточной интенсивности. Аналогично в разработанной сотрудником нашей лаборатории В.В. Кучеренко психотехники сенсомоторного психосинтеза, близкой к эриксоновскому гипнозу, из долговременной памяти человека можно извлечь практически неограниченное число воспоминаний. Например, в какую одежду он был одет в свои три годика, или что приготовила на обед его мама в день его рождения. Так, В.В. Кучеренко неоднократно получал благодарности от прокуратуры и следственного отдела РФ за помощь в актуализации памяти свидетелей происшествий. Например, он погружал во всё более глубокий транс водителя грузовика, который вроде бы несколько месяцев тому назад наблюдал как из машины, подъехавшей к лесу, вышли девушки в сопровождении мужчин. Позднее трупы девушек были найдены в лесу, и шофер стал, таким образом, свидетелем предыстории преступления. Детали этого случайного наблю-

⁵ Юнг К.Г. Синхронистичность. Сб. М., 1997.

⁶ Прибрам К. Языки мозга / С предисловием А.Р. Лурия. М., 1975.

дения, он, естественно, не помнил. Но под воздействием гипнотизёра, погружаясь во всё более глубокий транс, он смог увидеть, как в замедленной съёмке, медленно подъезжающую упомянутую машину и даже рассмотреть цифры номера, попавшие в его поле зрения. По ним и удалось найти преступников. Как полагал А.Р. Лурия⁷, человек помнит практически всё, с чем он сталкивался в своей жизни. Проблема заключается только в том, как извлечь эту информацию.

Здесь следует сделать ещё одну оговорку. Теория информации Шеннона определяет величину информации как логарифм по основанию 2 (то есть «да», «нет») от величины равновероятных альтернатив. Эта формула работает только для целостности, доступной разложению на простой алфавит и декомпозицию и, в первую очередь, вербального текста. Но как оценить информативность целостного образа, ибо его информативность зависит от внутренних эталонов субъекта восприятия. Напомним исследование, описанное О.К. Тихомировым, заключавшееся в тахистоскопическом предъявлении шахматной позиции. Опытный гроссмейстер не мог вспомнить конкретное расположение фигур на шахматной доске, но уверенно сказал, что позиция, скажем, белых фигур, была выигрышной. То есть опознание целостных образов зависит от внутренних эталонов респондента, и более опытный шахматист оперирует целостными образами, нуждаясь для принятия решения в формально меньшем количестве информации. Вслед за Л.С. Выготским мы развиваем положение о том, что человеческое сознание работает с дискретной, предметной, (в основном кодированной языковыми значениями) информацией. Психология же восприятия целостных образов нуждается в разработке, назовем условно её (за неимением соответствующего термина) субъективной теорией информации, где информативность предъявленного образа будет зависеть от обобщенности присущих субъекту целостных эталонов. Предъявление объекта, с которым субъект никогда не имел дело, даст нулевую информацию, как в тех примерах, когда индейцы не «видели» кораблей Колумба, приплывших в Америку и стоявших на рейде. Я интерпретирую этот феномен как то, что индейцы видели корабли, но не осознавали.

⁷ Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1979; *Он же*. Основы нейропсихологии. М., 2007.

В наших экспериментах запрет в гипнозе на какое-либо значение приводил к тому, что у испытуемого выпадал из поля восприятия целый класс объектов, семантически связанных с «запрещенным» значением⁸. Сходный пример находит Ю.М. Лотман, анализируя роман «Война и мир» Л.Н. Толстого: «вместе с отходящей французской армией погибает Платон Каратаев. Пьер Безухов, вместе с ним совершающий этот трудный поход, перестаёт замечать своего друга. Даже момент, когда французский солдат убивает Платона Каратаева, Пьер видит / не видит — происходит расслоение психологического и физиологического зрения»⁹. Как следует из этого примера, блокировка значений, ведущих к осознанию воспринятого, может быть обусловлена не только гипнотическим внушением, но и сильным аффективным переживанием.

Теория информации имеет дело с доступной сознанию предметной информацией, описываемой в пространстве Декарта, или, в более обобщенной форме, в псевдоевклидовом пространстве Минковского, предложенном в качестве геометрической интерпретации пространства-времени специальной теории относительности.

Адекватной формой описания целостных состояний коллективного бессознательного является Гильбертово пространство¹⁰. Отношение сознания и бессознательно поэтически гениально выразил, А. Блок в стихотворении «Художник»¹¹, а дал интерпретацию этого произведения Ю.М. Лотман¹²:

⁸ Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83-101.

⁹ Цит. по: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 14.

¹⁰ Петренко В.Ф., Супрун А.П. Человек в предметном и ментальном мире, существует ли «объективная действительность». Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2013. Том 2. С. 62-82; Они же. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69-87; Они же. Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Вестник Новосибирского государственного университета. Психология. 2015. Т. 9. № 1. С. 99-123; Они же. Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Том 37. № 3. С. 5-14.

¹¹ Цит. по: Блок А.А. Собрание сочинений в 8 томах. М.—Л., 1960. Том 4. С. 145-146.

¹² Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнуть мою скуку смертельную
Лёгкий, доселе не слышанный звон
Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

* * *

Длятся часы, мировые несущие.
Ширятся звуки, движенья и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого нет.
И наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом проклятие:
Творческий разум осилил — убил.
И замыкаю я в клетку холодную
Лёгкую, добрую птицу свободную,
Птицу, летевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Проблема отношения творчества бессознательного и сознания предстаёт как отношение свободы, целостного состояния, незаданности и многомерности для бессознательного и чёткая выверенность значений слов в рамках категориальных структур («клетки») применительно к сознанию. Но не будем умалять роль сознания в явлении творчества миру. Процесс недоосознания (недоокольцевания птицы творчества) выразил другой гений русской поэзии:

«Но я забыл, что я хочу сказать,
И мысль бесплотная в чертог теней вернется».

(О. Мандельштам)

Проблему приёма и передачи целостных состояний, на уровне бессознательного, поставил еще Анри Бергсон в (1998) своей гениальной книге «Творческая эволюция»¹³, где описал, как осанаездник безошибочным уколом парализует гусеницу. Бергсон предположил, что оса безошибочно находит ганглии гусеницы не в

¹³ Бергсон А. Творческая эволюция / Пер с фр. В.А. Флеровой. М., 1998.

результате научения (как позднее бихевиористы описывали формирование навыка путем «проб и ошибок»), а непосредственно ощущает ганглии гусеницы как бы в себе, средствами собственной психики. Такой механизм познания Анри Бергсон назвал творческой интуицией и полагал, что он присущ всем живым существам, поскольку они имеют общих генетических предков. В современной психологии понятию интуиции имеет несколько иной смысл, связанный с выходом за рамки стереотипного мышления¹⁴.

Предложенная же Бергсоном трактовка интуиции осталась практически не разработанной. Тем не менее, она явно присутствует, например, в ситуации гипнотических сеансов. Позволю себе еще один раз упомянуть случай гипнотерапевтического лечения, больной нервной анорексии и булимией¹⁵. Пациентка Д. в молодости училась в балетной школе и, оставаясь изящной и стройной, имела, тем не менее, претензии к своей фигуре. Как выяснилось в ходе гипнотического сеанса, в далекой молодости пациентка Д. пережила психическую травму. Её, тогда ещё молодую девушку (почти девочку), застал ее партнёр по балету за поеданием пирожных, которые им были строго запрещены. Парень, которому в процессе танца надо было поднимать партнёршу, назвал её жирной коровой и дал подзатыльник. В результате этого происшествия молодая девушка пережила жестокий стресс, проявившийся, в частности, невозможности получить удовольствие и насыщение от пищи (булимия). Желая снять последствия булимии, имеющий явный социальный запрет на насыщение, В.А. Кучеренко вводил пациентку в гипнозе в иные социальные ситуации, отличные от обычной жизни, в которых бы не действовали социальные запреты на получение удовольствия от пищи. Он погружал ее то в ситуацию римского пира, то в ситуацию русского барского застолья. Но все время находились какие-нибудь обстоятельства, не позволявшие пациентке вкушать удовольствие от пищи. Для невротика является типичным домыслить ситуацию в сновидениях, или в гипнотическом видении так, что ситуация приводила бы к привычному неуспеху. Например, в воображении, катаясь на лыжах, он непременно врежется в дерево; будучи погружён в образ

¹⁴ Пономарев Я.А. Психология творчества М., 1976.

¹⁵ Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8.С. 83-101.

могучего животного, он, непременно, увидит себя с больной лапой или проплешинами на шкуре. В нашем случае, будучи помещенной в ситуацию охоты первобытного племени, завалившего мамонта, наша пациентка опять испытала неудачу. Кусок дымящейся, поджаренной на костре сочной мамонтины, у неё грубо отобрал внезапно появившийся амбал в звериной шкуре, и ей осталось только жалобно скулить от незаслуженной обиды. Пережить радость насыщения пациентке удалось только тогда, когда Кучеренко поместил ее в тело доисторического животного — птеродактиля. Пациентка пережила ощущение радости свободного полета и чувство хищника, контролирующего свою территорию. Спланировав на своих перепончатых крыльях на какую-то гигантскую лягушку, она разорвала ее и впервые насытилась её дымящейся плотью. Социальный тормоз был снят, пребыванием в теле животного, лишенного человеческих норм и запретов, и пациентка наслаждалась удовольствием вкушения пищи. С этого случая она пошла на поправку. Но нас в данном случае интересует не психотерапия, а другой аспект исследования. Откуда в психике современного человека содержится опыт ископаемого животного? Видимо, человек помнит не только своё личное бессознательное, не только коллективное бессознательное своего рода и вида, но и бессознательное предыдущих ступеней его эволюционного прошлого. Российский ученый Б.М. Величковский, известный специалист в области когнитивной психологии, многие годы возглавлявший Институт психологии Дрезденского университета и являющийся экспертом Комиссии Европейского Союза в области новых зарождающихся наук и технологий, менее всего ассоциирующийся с восторженным дилетантизмом, пишет: «На ранних этапах эволюционного развития превалировал тот или иной тип внимания. Наиболее примитивной формой считается амбъентное (пространственное) внимание, которое, как известно из палеоневрологии, впервые возникло у древнейших рептилий, динозавров, и связано с локализацией объектов в пространстве. Напрашивается вывод, что в организме человека есть потенциал восприятия, заложенный ещё на заре эволюции»¹⁶.

¹⁶ Цит. по: *Величковский Б.М. Успехи когнитивных наук. Технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. Scientific American. 2013. № 12. С. 87-93.*

Не менее шокирующий опыт знания, полученный через какие-то иные источники, отличные от индивидуального обучения, даёт гипнотическая практика. В разработанной Кучеренко программе лечения алкоголизма у пациентов вызывали не только страх перед употреблением алкоголя, но и давали множество положительных переживаний, чтобы поднять самооценку человека¹⁷. Пациенты «летали в космос», «купались в волнах эфира» и т.п. Один из пациентов сообщил, что, когда он «летал» в звездном небе, его удивил образ очень точечных, но ярких звезд. Действительно, при отсутствии земной атмосферы и, соответственно, воздушной дифракции звезды не воспринимаются такими несколько размытыми, как с позиции с Земли. Знать то, как они выглядят из космоса, наши пациенты вряд ли могли, хотя и не исключено, что они могли слышать это в какой-нибудь научно-популярной передаче. Но если этот фактор исключается, то такие единичные случаи свидетельствуют о возможности получения знания с позиции, которую человек в своей жизни никогда не испытывал. Не этот ли феномен работает, когда, например, никогда не «сидевший» Александр Галич в своих стихах предельно точно описывает безысходный трагизм переживаний заключенного, или никогда не воевавший Владимир Высоцкий погружает слушателя своих военных песен в предельно уплотнённую и готовую к взрыву эмоциональную атмосферу. Не присутствует ли в упомянутых феноменах единый механизм извлечения опыта из коллективного бессознательного?

Но вернёмся к буддийской форме обучения «личностному знанию», через идентификацию с личностью учителя. В отечественной психологии сходный феномен влияния личности учителя на успехи ученика изучался В.А. Петровским¹⁸. В этих исследованиях учащиеся должны были решать задачи или сдавать экзамены, в которых оценивалась их успешность. При этом варьировались условия их экзаменования. В одном случае в комнате, где проводилось обследование, на стене висел портрет популярного у

¹⁷ *Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вальба А.П.* Психосемантика изменённых состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16-27.

¹⁸ *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17-30; *Он же.* Психология неадаптивной активности // Российский открытый университет. М., 1992.

школьников педагога. В другом варианте в той же комнате висел портрет «нелюбимого» учителя. Обе выборки учащихся, как попавшие в ситуацию с любимым, так и нелюбимым учителем, были подобраны уравновешенными по уровню подготовки. Попавшие в ситуацию, с ненавязчиво висевшем на стене портретом «любимого учителя», оказались гораздо более успешными, чем такие же школьники в ситуации с «нелюбимым». Петровский назвал этот феномен влияния образа значимого другого на успешность творческой деятельности феноменом «отраженной субъектности». Результаты этого эксперимента могут быть распространены и на более широкую сферу приложения. По этой логике должны давать положительный эффект (и не только в образовании) портреты и фотографии значимых для нас людей, или, например, иконы высокочтимых святых. У меня дома висит репродукция любимой мной картины Крамского «Иисус в пустыне», где погруженный в глубокие раздумья Христос выступает философом, осмысляющим и принимающим на себя всю трагедию бытия. Эта картина выступает для меня духовным камертоном, настраивающим на работу с духом и поднимающим сознание на высоты трансцендентального.

Но возникает вопрос, а только ли образы значимых других, с которыми мы имели счастье (или несчастье) встретиться в своей жизненной судьбе, могут оказывать влияние на наше состояние. Другая моя любимая картина Врубеля «Демон сидящий» изображает существо вымышленное, имеющее литературный прототип в поэме Лермонтова Демон «Печальный демон дух изгнания витал над грешной землёй...» или у Пушкина «Дух отрицания, дух сомненья», вообще не имеет денотата (в терминах У.О. Куайна) или «референта в терминах Ч. Огдена и А.А. Ричардса», но имевший важный «личностный смысл» в подростковом возрасте, в период прохождения этапа самоутверждения и отрицания, промеривания к образу одинокой и не понятой «байронической личности».

Образы значимых для нас людей, живописные портреты, литературные персонажи, с которыми мы хоть раз в жизни соприкоснулись навсегда остаются в личностном, а то и коллективном бессознательном. Согласно теоретической модели голографической памяти К. Прибрама¹⁹, нейропсихологическим работам А.Р. Лурии²⁰, сенсомоторным психологическим практикам В.В. Куче-

¹⁹ Прибрам К. Языки мозга / С предисловием А.Р. Лурия. М., 1975.

²⁰ Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 2007.

ренко, человек помнит практически всё, с чем он сталкивался в жизни, и проблема только в том, чтобы извлечь эту информацию из бессознательного.

Извлечение информации из индивидуального или коллективного бессознательного включает еще одну шокирующую специфику. Бессознательное согласно развиваемому нами представлению (Петренко, Супрун), в отличие от предметности сознания, не имеет пространственно-временных координат и описывается в Гильбертовом пространстве, в отличие от пространства Менковского, специфического для сознания. Гильбертово пространство конституируется бесконечно мерными гармониками, имеющими волновую природу. Категории пространства и времени к ним и, соответственно, к Гильбертовому пространству неприменимы. Напомним, что ещё Эммануил Кант рассматривал категории пространства и время не как базовые онтологические характеристики бытия, а как «интуиции сознания». При том, что в классической философии интенциональность сознания, т.е. направленность его на предметность мира, рассматривается как важнейшая характеристика сознания.

Предметность, в свою очередь, при категоризации предполагает временную и пространственную отнесенность. Для бессознательного же нет ни времени, ни пространства. В совместном творчестве психолога К. Юнга и физика Паули в начале прошлого века проводилась идея об общности квантового мира и коллективного бессознательного и предположение о том, что феномен синхронии, описанный Юнгом, имеет аналог в квантовой физике²¹.

В ряде наших публикаций²² обсуждается присущий квантовой физике феномен ЭПР, названный так по имени ученых, его сформулировавших (Эйнштейн, Подольский, Розен). Этот феномен был

²¹ *Pauli W., Jung C. G. The Interpretation of Nature and the Psyche. Pantheon Books, 1955.*

²² *Петренко В.Ф., Супрун А.П. Человек в предметном и ментальном мире, существует ли «объективная действительность». Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2013. Том 2. С. 62-82; Они же. Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного — постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76-90; Они же. Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Вестник Новосибирского государственного университета. Психология. 2015. Т. 9. № 1. С. 99-123.*

описан в дискуссии Альберта Эйнштейна и Нильса Бора, как-то «чего быть не может». Суть его в следующем. Для того, чтобы описывать объект до его восприятия и осознания субъектом результата измерения (согласно Гейзенбергу²³, квантовые характеристики элементарных частиц не существуют до процесса их измерения и возникают в ходе его) объект описывается как суперпозиция возможных состояний. Распад объекта приводит к образованию как минимум двух объектов с «перепутанными» (взаимосвязанными состояниями). Поскольку законы сохранения действуют таким образом, что сохраняется некая суммарная константа. Например, если распадается элементарная частица, с измеренным нулевым спином, то образовавшиеся в ходе распада две частицы также должны иметь суммарный нулевой спин. Стоит наблюдателю по отношению к одной из частиц произвольно выбрать конкретное направление и измерить вдоль него спин этой частицы, то «мгновенно» ему будет известен и противоположный по знаку спин его «близнеца» по прошедшему распаду, независимо от расстояния между ними. Сверхсветовые скорости «передачи информации» приводят к нарушению принципа причинности и открывает возможности мгновенной телепортации состояний (Боумейстер и др.). Эксперименты А. Аспекта²⁴, Дж. Белла²⁵, эмпирически подтвердили существование этого феномена «нелокальности» бытия квантового мира.

Всё это позволило З. Пенроузу высказать мнение: «Коль скоро квантовая сцеплённость не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект во Вселенной <...> Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории <...> почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем»²⁶. Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет

²³ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.

²⁴ Aspect A., Grangier P., Roger G. Experimental realization Einstein-Podolsky-Rosen-Bohm Gedankenexperiment: A new violation of Bell inequalities // Phys. Rev. Lett. 1982. 49. 1.

²⁵ Bell J.S. On the Einstein Podolsky Rosen Paradox // Physics. 1964. 1. P. 3.

²⁶ Цит. по: Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М., 2005.

предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати и выдающийся российский психофизиолог Е.Н. Соколов был солидарен с идеей Хамерофф и Пенроуза о существовании на молекулярном уровне миллиардов нейронных трубочек, позволяющий человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер²⁷.

Идея нелокальности бытия и феномен квантовой сцеплённости (перепутанности) позволяет выдвинуть еще одну фундаментальную гипотезу. Как известно, наша Вселенная насчитывает порядка 13,8 миллиардов лет, с начала так называемого Большого Взрыва, который представлял собой эволюцию материи и её расширение из бесконечно малого объёма. Солнечная система и сама наша Земля возникла порядка 4,5 миллиардов лет, и Солнце является вторичной звездой, возникшей в ходе космической эволюции. Первичные, более древние звёзды, выгорая, коллапсируют, и в результате внутренней гравитации сжимаются до чудовищной плотности при сверхвысоких температурах. Далее они взрываются, образуя так называемые Сверхновые. При этом образуются тяжелые элементы, которых нет на Солнце — там только гелий и водород. В нашем же организме присутствуют металлы и иные тяжелые элементы, образовавшиеся при взрыве Сверхновых, которые были доставлены в Солнечную систему метеорами и метеоритами. Перефразируя высказывание Тиля Уленшпигеля из романа Шарля де Костера, можно сказать «В нашем сердце стучит пепел погасших звёзд».

Современная астрономия среди миллиардов звездных систем обнаружила уже сотни звездных систем подобных Солнечной, на которых предположительно присутствует вода, необходимая для жизни биологически подобных земным живых существ. Кстати в рамках теории панспермии сами жизнь (в её простейших формах) на Землю занесена из космоса и далее уже эволюционировала в земных условиях. Понятно, что временная фора в тысячелетия (мгновения по космическим масштабам) приводит к колоссальным различиям в развитии цивилизаций. (Если только они не самоуничтожаются на определенных стадиях развития, что является одним из объяснительных причин Великого звёздного молчания Вселенной). По аналогии с героем романа Джека Лондона «Мартин Иден», утратившим мотивацию жить при реализации своих

²⁷ Соколов Е.Н. Очерки по психофизиологии сознания. М., 2010.

желаний. Как говорили древние: «любовь и голод правят миром». А что будет мотивировать Человечество жить, при удовлетворении базовых потребностей?)

Поиски собратьев по разуму, анализируя возможные сигналы из космоса, на мой взгляд является экстраполяцией сегодняшней земной технологии на возможности опередивших нас в космической эволюции гипотетических разумных цивилизаций. И установление контакта (возможно, он уже существует, на глубинных уровнях человеческой психики), возможно, осуществится по средству глубокой медитации или практики иных измененных состояний сознания. Ведь принципы нелокальности бытия и феномены ЭПР, демонстрирующие отсутствие категорий пространства и времени для квантовой физики и психологические феномены синхронии, не сводимые к отношениям детерминизма, демонстрирующие некие иные формы связности, открывают пусть гипотетическую, но потенциально возможную форму передачи даже не «информации» (в её шенноновском варианте, связанную с пространством-временем) и, даже, не «передачу» (требуется иное понятие), а некий синхронический мгновенный резонанс состояний, одной из форм которых являются психические состояния живых существ. Человечество (а значит, и психология, как наука о человеческой психике) стоит на пороге глобальной полифуркации (Движение 2045), включающей выход на «сингулярность» Р. Курцвейла), или «вертикаль Снукса — Панова», связанных с переходом от чисто Земной эволюции к Космической, включающей выход на контакты с иными разумными цивилизациями.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергсон А.* Творческая эволюция / Пер с фр. В.А. Флеровой. М.: КАНОН-пресс – Кучково поле, 1998. 413 с.
- Блок А.А.* Собрание сочинений в 8 томах. М. – Л., 1960. Том 4. С. 145-146.
- Величковский Б.М.* Успехи когнитивных наук. Технологии, внимательные к вниманию человека // В мире науки. Scientific American. 2013. № 12. С. 87-93.
- Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
- Зейгарник Б.В.* Патопсихология. М.: Издательство Московского университета, 1986. 287 с.

- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. 704 с.
- Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти / Под. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов. М.: МГУ, 1979. С. 193-207.
- Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М., 2007. 384 с.
- Мухина В.С. Личность и этносы в условиях столкновения цивилизаций // Мир психологии. 2001. № 4. С. 114-127.
- Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, Синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргмак-Медиа, 2014. 512 с.
- Пенроуз Р. Тени разума. В поисках науки о сознании. М.: Институт компьютерных исследований, 2005. 688 с.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В., Вьяльба А.П. Психосемантика изменённых состояний сознания (на материале гипнотерапии алкоголизма) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 5. С. 16-27.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 69-87.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного — постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76-90.
- Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма не опосредованного познания // Вопросы философии. 2008. № 8. С. 83-101.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологический манифест психосемантики // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 5-14.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Сознание и реальность в западной и восточной традиции: взаимоотношение человека и космоса // Вестник Новосибирского государственного университета. Психология. 2015. Том 9. № 1. С. 99-123.
- Петренко В.Ф., Супрун А.П. Человек в предметном и ментальном мире, существует ли «объективная действительность». Неоконченный спор Бора с Эйнштейном // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2013. Том 2. С. 62-82.
- Петровский В.А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 17-30;
- Петровский В.А. Психология неадаптивной активности // Российский открытый университет. М.: ТОО «Горбунок», 1992. 224 с.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
- Пономарев Я.А. Психология творчества М.: Наука, 1976. 304 с.
- Прибрам К. Языки мозга / С предисловием А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1975. 464 с.
- Соколов Е.Н. Очерки по психофизиологии сознания. М.: МГУ, 2010. 380 с.

- Соколова Е.Т., Николаева В.В. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: SvR-Априс, 1995. 352 с.
- Юнг К.Г. Синхронистичность. Сб. М.: Рефлбук, К. Ваклер, 1997. 320 с.
- Aspect A., Grangier P., Roger G. Experimental realization Einstein-Podolsky-Rosen-Bohm Gedankenexperiment: A new violation of Bell sinequalities // Phys. Rev. Lett. 1982. 49. P. 91-94.
- Bell J.S. On the Einstein Podolsky Rosen Paradox // Physics. 1964. 1. P. 195-200.
- Pauli W., Jung C. G. The Interpretation of Nature and the Psyche. Pantheon Books, 1955. 280 p.

CONSCIOUSNESS AND UNCONSCIOUSNESS IN PSYCHOSEMANTICS CONTEXT

A perspective line of development psychology is the movement in the direction of personal and the collective unconscious, which can be risen as a result of the creation of holistic interdisciplinary theoretical models that include, as a consequence, implementation of unique individual cases (case study). Human consciousness has spatiotemporal, mediated by values system (not only verbal, but perceptual standards) character. The collective unconscious has a different from the consciousness nature (out of forms of space and time) and is described in the language of Hilbert spaces. There is a direct analogy of methodology of quantum physics (including phenomena as the EPR paradox, non-locality of life and its system coherence) and methodology of unconscious (including the phenomena of synchronicity, telepathy and foresight). Mankind (and hence psychology, as the science of the human psyche) is on the verge of global “polifurkatsii” (ref. Movement 2045), which includes emergence to the “Singularity” by R. Kurzweil, or “Vertical of Snooks — Panov” related to the transition from a purely Earthly to the Space evolution, including access to contacts with other thinking civilizations.

Keywords: Psychosemantics, consciousness, collective unconscious, meaning, space, time, quantum teleportation, singularity.

Viktor Fedorovich Petrenko — DcS in Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Laboratory “Psychology of communication and psychosemantics”. Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University. Head of the Laboratory “Cognitive Research”. Federal Research Center “Informatics and Management”, Russian Academy of Science, Institute of System Analysis; e-mail: victor-petrenko@mail.ru

Е.А. НИКИТИНА

СУБЪЕКТ — СУММА ТЕХНОЛОГИЙ ИЛИ ПРОЕКТ САМОГО СЕБЯ?

В статье рассматриваются методологические подходы к исследованию трансформации субъектности в информационном обществе. Направленность трансформации субъектности и познавательного инструментария человека в новой информационно-коммуникативной среде дает основания для утверждения о начинающейся конвергенции познавательных и информационных технологий. Конвергенция выражается в формировании когнитивных технологий, трактуемых в философии более широко, чем в когнитивной науке. В этих условиях технологический детерминизм как методологическая установка, в соответствии с которой технологические изменения являются основой развития общества, распространился на понимание познания, субъекта, деятельности. Обоснована недостаточность технологического детерминизма. Показано, что применение эпистемологических методологических принципов единства индивидуального, коллективного (микросоциального) и социального (макросоциального) субъектов и единства сознания, бессознательного и деятельности позволяет выявить изменчивое и устойчивое в сложной структуре субъекта, «технологии» формирования субъекта, и, вместе с тем, способы формирования единства субъекта, обеспечивающие его свободную и творческую деятельность.

Ключевые слова: эпистемология, познание, субъект, интеллект, информационно-коммуникационные технологии, когнитивные технологии, технологический детерминизм.

Размышляя о смыслах науки и человеческого существовании, Э. Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», опубликованной в 1945 г., обратил внимание на разрыв, существующий между универсальным миром

идеализированных объектов науки и жизненным миром человека. Мир науки, мир опытно-математического естествознания отделился, по мнению Гуссерля, от повседневных насущных проблем человеческого существования.

В наши дни возникает противоположная проблема, во всяком случае, в странах с развитой экономикой и высоким научно-технологическим потенциалом: степень насыщения среды «обитания» человека полезными достижениями науки и техники такова, что люди не успевают осваивать новые технологии¹. Жизненный мир жителя современного мегаполиса формируется как активная инфо- и техносреда человеческого существования, при этом важнейшую роль начинают играть технологии информационного общества, такие, в частности, как Интернет вещей, появившийся, по мнению аналитиков CISCO, в 2008–2009 гг. Именно в этот период количество устройств, объединенных сетью, превысило количество людей, объединенных сетью². Интернет вещей представляет собой множество связанных между собой информационных сетей, созданных для решения самых разных задач — управления автомобилем, коммуникациями дома (умный дом) и др., позволяющих собирать разнообразные данные о вещах, превращать их в информацию и знания. В аспекте изменений, происходящих в техносреде, данный процесс можно описать следующим образом: предметные формации, использующиеся в различных видах человеческой деятельности, снабжаются датчиками, объединенными в информационную сеть и соединяются информационными технологиями с другими информационно оснащенными предметными формациями, обеспечивающими функционирование того или иного вида человеческой деятельности.

Техника и технологии стали средой деятельности человека, что отразилось в терминологии: техносфера, технонаука, технобиоэволюция, техносоциокультурная среда, техночеловек и, добавим, техносоциализация³, ведь социализация человека происходит

¹ Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М.: Проспект, 2016. С. 5.

² Эванс Д. Интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети [электронный ресурс]. — URL: http://www.cisco.com/c/ru_ru/about/press/press-releases/2011/062711d.html (декабрь, 2016).

³ Nikitina E. Techno-Socialization of a Human Being // Workshop «Philosophy&Engineering». Abstracts. Delft University of Technology, 2007. P. 5.

уже в качественно иной информационно-технологической среде. Сформировалось технологическое мировосприятие, задающее образцы рациональной и целенаправленной деятельности, в соответствии с которыми организуются самые разные виды деятельности людей; техника и технологии инструментально опосредуют восприятие мира.

Более того, на сферу человеческого познания, которая традиционно ассоциируется с творчеством и свободой выбора, начинает распространяться технологический детерминизм как методологическая установка, в соответствии с которой технологические изменения являются основой развития общества, определяющим фактором развития экономики, культуры⁴. В этой связи возникает немало вопросов: может ли в условиях современной информационно-коммуникативной реальности сформироваться целостная, самостоятельная, свободная и ответственная личность? Не растворяется ли *Я*, символизирующее автономную ответственную личность и единство субъективного мира человека в технологии?

Дискуссии об исчезновении *Я* как символа целостной и ответственной личности и субъекта, споры о «растворении» субъекта в языке, коммуникации, нарративе, событии⁵, трактовка индивида как фиктивного, идеологически сконструированного атома социальной реальности, чье бытие задается лишь технологиями власти (М. Фуко) невольно напоминают о ситуации в науке, сложившейся в конце XIX – начале XX вв. и вызвавшей дискуссию об исчезновении материи. Более века назад материя трактовалась как вещество, а атом считался пределом делимости материи. Открытие сложной структуры атома, явления проницаемости вещества и ряд других научных открытий привели к мировоззренческому кризису и выводу об исчезновении материи, отождествлённой с одной из форм ее существования.

Спустя столетие мы задаем те же вопросы, но уже по отношению к субъекту: не исчезает ли в условиях технико-технологической реальности автономный, обладающий свободой воли и сво-

⁴ Никитина Е.А. Технологический детерминизм // Глобалистика. Международный междисциплинарный словарь / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М. – СПб. – Н.-Й., 2006. С. 873.

⁵ Труфанова Е.О. Я-нарратив и его автор // Философия науки и техники. 2010. Т. 15. № 1. С. 183-193.

бодой выбора субъект-индивид, этот атом социального бытия, ответственно принимающий решения? Не превращает ли его универсальная, безличная, отчужденная, неживая техника субъект в сумму технологий, уничтожая все, что связано с творчеством, автономией, свободой воли и свободой выбора субъекта, ведь без выбора нет *Я*?

Безусловно, исчезает не сам субъект, а пределы наших знаний о способах формирования субъекта. Но, прежде всего, хотелось бы привлечь внимание к технике как творчеству. Нередко техника трактуется как универсальная, безличная, механическая среда, противостоящая живому и одухотворенному миру культуры. Вместе с тем, расширенная трактовка техники определяет ее не только предметные системы и формации, созданные человеком для пользы, но и как систему человеческих деятельностей, в которых техника создается и используется, таким образом, творчество — условие и предпосылка создания техники. К творческим аспектам технической деятельности привлек внимание еще Э. Капп: техника открывает человеку глубины его собственного существа; человек, создавая орудия, познает себя, причем даже тогда, когда мыслит себя по аналогии с техническим устройством. Человек — существо техническое, утверждал основатель отечественной философии техники П.К. Энгельмейер, и, разрабатывая теорию творчества, настаивал на том, что всякое творчество проходит технический этап, и философия техники вполне могла бы объяснить становление культуры⁶.

М. Хайдеггер, развивавший онтологическую трактовку техники, подчеркивал, что логика функционирования техники в культуре влияет на социальность, определяя мышление, мировоззрение, сознание человека. Технологический детерминизм Хайдеггера уравнивался его убежденностью в том, что техническая деятельность является творческой деятельностью и особым, новым видом познавательной деятельности. Хайдеггер — один из тех философов, которым присуще многомерное видение бытия и функций техники. Создавая технику, человек одновременно исследует, познает мир — в этом двойственный характер техниче-

⁶ *Горохов В.Г.* Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и в Германии в конце XIX — начале XX столетий (сравнительный анализ). М., 2009. 376 с.

ского творчества. Истина в технике добывается (не открывается, не конструируется), считал Хайдеггер. Извлечение скрытого природой, «потаенного» — это технология, включающая такие процессы как переработка, преобразование и т.д. С помощью техники, участвующей в «поставе», обнаруживаются, «поставляются» глубинные, скрытые свойства бытия, задающие, в свою очередь, онтологию техники. «Потаенность» природы раскрывается человеку, творческая деятельность человека оседает в технических сущностях, и преобразованная природа становится культурой. Вместе с тем, Хайдеггер обращал внимание на то, что на определенном этапе своего развития технология поглощает человека, угрожая трансформировать его сущность⁷. Эти размышления Хайдеггера не только не утратили своей актуальности, но и приобрели остроту.

Субъект в современной эпистемологии мыслится как открытая система: индивид субъективирует, сохраняет, воспроизводит и передает коллективное, всеобщее социальное совокупное знание, опыт человеческой деятельности, одновременно поддерживая и развивая культуру и социум в процессе преобразующей деятельности. «Быть субъектом» означает способность осуществлять синтез информации, поступающей из внешнего и внутреннего мира, способность объединять информацию о прошлом, настоящем и будущем и превращать в знание, обеспечивающее успешную целеполагающую деятельность человека. Субъект трактуется как совокупность устойчивых, воспроизводимых реакций, функциональных систем, установок, стереотипов, социальных ролей и, в то же время, субъект предстает как активно конструирующий реальность, творческий, интерпретирующий. Познавательная деятельность индивида с необходимостью сопряжена, соотнесена с развитием технологий, культуры, социума. В индивидуальном *Я* и индивидуальных формах человеческой деятельности и мышления субъективируется, сохраняется, воспроизводится всеобщее, коллективное, совокупное человеческое знание и культура, а также опыт человеческой деятельности. Одновременно существование культуры и социума поддерживается и развивается на основе целеполагающей, преобразующей деятельности индивида.

⁷ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. 456 с.

Как выявить технологии формирования субъектности? Применение философских методологических принципов единства индивидуального, коллективного (микросоциального) и социального (макросоциального) субъектов и принципа единства сознания, бессознательного и деятельности позволяет систематизировать исследования, относящиеся к технологии формирования устойчивого и изменчивого в структуре субъекта, ведь взаимосвязь индивидуального, коллективного и социального субъектов носит существенный и необходимый характер⁸.

Существенный интерес для понимания взаимодействия и отношения индивидуального, коллективного и социального субъектов представляют исследования эпистемологических функций социальных институтов и социальных структур, получившие развитие во второй половине XX в. в структурном функционализме, постструктурализме, феноменологической социологии, социальной эпистемологии и др.

Принцип единства сознания, бессознательного и деятельности привлекает внимание к двойственному, осознанно / неосознанному характеру познания, соответствующему социализированной «программе» жизнедеятельности человека. Осознанно / неосознанный характер познания обеспечивает формирование требуемых обществу установок и стереотипов поведения, деятельности человека, находящихся в отношении корреляции к устойчивым социокультурным структурам, социокультурным нормам, стереотипам, стандартам и т.п., которые подлежат усвоению индивидом в онтогенезе, и превращаются в процессе образования и воспитания в систему неосознаваемых установок и стереотипов поведения личности, а также в соответствующие функциональные системы, что, собственно, и составляет технологию формирования субъекта. Осознание — это рефлексивная активация субъект-объектного отношения с целью получения знаний для решения текущих задач жизнедеятельности. Благодаря сознанию, субъект получает возможность моделировать потенциально осуществимые сценарии деятельности, и передавать информацию вовне. Осознанно / неосознанный характер познания, являясь фактором оптимизации деятельности человека в условиях вероятностной среды, обеспечи-

⁸ Никитина Е.А. Субъект познания, когнитивная культура личности и образование как Hi-Nume // Ценности и смыслы. 2011. № 7 (16). С. 94-108.

вающим решение задач адаптации и развития, социализацию человека, создает, вместе с тем, возможности для свободного творчества и личностного роста.

Методологический принцип единство сознания, бессознательного и деятельности является развитием известного принципа единства сознания и деятельности, разработанного в отечественной психологической науке. В соответствии с принципом единства сознания и деятельности, сформулированным С.Л. Рубинштейном, психика и сознание формируются и проявляются в деятельности, составляя с ней единство. А.Н. Леонтьев, развивая принцип единства сознания и деятельности как основополагающий принцип деятельностного подхода в психологии, подчеркивал, что деятельность является субстанцией сознания, при этом сознание, будучи онтогенетически сформированным, приобретает относительную автономию. Данный методологический принцип создавал предпосылки для объективного исследования психики, сознания и включал индивида в культуру и социум. Современная эпистемологическая ситуация привлекла внимание к неосознаваемым, компонентам познания, в результате возникла объективная необходимость в развитии данного принципа. Таким образом, субъект как процесс — это непрерывная деятельность по производству собственной целостности, автономии, обеспечивающих способность выбирать, принимать свободные, творческие и ответственные решения.

В информационном обществе рост применения интеллектуальных компьютерных систем в различных видах человеческой деятельности, автоматизация интеллектуальной деятельности человека существенно влияют на структуру познания и субъектность: формируется смешанный, человеко-машинный познавательный инструментарий и комплексный тип рациональности. Разнообразные компьютерные системы, имеющие функции памяти, навигации, принятия решений и т.п., систематически используемые человеком для поиска, обработки и хранения информации, для управления, фактически становятся частью познавательных способностей человека, превращаются во внешний компонент внутреннего мышления человека⁹.

⁹ Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский,

Начинающиеся процессы конвергенции познавательных и информационных технологий выражаются в формировании когнитивных технологий, являющихся лишь *частью* целостного процесса познания человеком мира. Под когнитивными технологиями в когнитивной науке, информатике и компьютерных науках понимаются, прежде всего, интеллектуальные компьютерные технологии работы с большими массивами слабоструктурированной и неструктурированной информации. Но в социально-гуманитарном знании, и, прежде всего, в философии, когнитивные технологии понимаются иначе — как результат адаптации познавательной деятельности человека, использующего когнитивные компьютерные технологии, к новым информационным технологиям. Собственно, именно этот процесс в социально-гуманитарном знании трактуется как когнитивные технологии в широком смысле, что и порождает конфликт интерпретаций. *В философском, эпистемологическом аспекте когнитивные технологии должны, как представляется, трактоваться как социокультурно обусловленные и исторически изменчивые формы адаптации познания к информационным технологиям, меняющимся вместе с информационными революциями, которых в истории человеческой цивилизации было немало.*

Существует ли способ решения проблемы «растворения» субъекта в технологиях? Да, и достаточно давно, связан он с системой образования. В современной терминологии этот способ может быть описан как формирование когнитивной культуры личности как эффективной технологии преобразования информации в знание в соответствии с целями человеческой деятельности. Формирование когнитивной культуры является одной из существенных задач системы образования, ведь от сферы высшего профессионального образования общество должно получать не просто профессионала, но и человека, обладающего навыками аналитического, критического, рефлексивного мышления, знающего методологию и умеющего применять методы, владеющего навыками коммуникации, диалога, взаимодействия с другими людьми на основе этических норм, умеющего принимать обоснованные реше-

ния, т.е. человека высокой интеллектуальной духовной культуры, активного, деятельного субъекта¹⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева И.Ю., Никитина Е.А. Интеллект и технологии. М.: Проспект, 2016. 96 с.
- Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и в Германии в конце 19 – начале 20 столетий (сравнительный анализ). М.: Логос, 2009. 376 с.
- Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека // Российский технологический журнал. 2014. № 2 (3). С. 1-12.
- Никитина Е.А. Субъект познания, когнитивная культура личности и образование как *Ni-Nume* // Ценности и смыслы. 2011. № 7 (16). С. 94-108.
- Никитина Е.А. Технологический детерминизм // Глобалистика. Международный междисциплинарный словарь / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М. – СПб. – Н. Й.: Елима, Питер, 2006. С. 873-874.
- Труфанова Е.О. Я-нарратив и его автор // Философия науки и техники. 2010. Т. 15. № 1. С. 183-193.
- Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М.: «Прогресс», 1986. 456 с.
- Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола». Участники: В.А. Лекторский, Д.И. Дубровский, Д.В. Иванов, А.В. Катунин, И.Ф. Михайлов, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, И.О. Щедрина, А.Ф. Яковлева // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5-35.
- Эванс Д. Интернет вещей: как изменится вся наша жизнь на очередном этапе развития Сети [электронный ресурс]. URL: http://www.cisco.com/c/ru_ru/about/press/press-releases/2011/062711d.html (январь, 2016).
- Nikitina E. Techno-Socialization of a Human Being // Workshop «Philosophy & Engineering». Abstracts. Delft University of Technology. 2007. P. 5.

¹⁰ Лекторский В.А., Кудж С.А., Никитина Е.А. Эпистемология, наука, жизненный мир человека // Российский технологический журнал. 2014. № 2 (3). С. 1-12.

SUBJECT — THE SUM OF TECHNOLOGY OR THE PROJECT OF ITSELF?

The article discusses methodological approaches to the study of transformation of subjectivity in the information society. The focus of the transformation of subjectivity and human cognitive tools in the new information and communication environment gives grounds for the statement that the convergence of cognitive and information technologies starts to take place. Convergence is expressed in the formation of cognitive technologies that are interpreted in philosophy more widely than in cognitive science.

In these circumstances, technological determinism as a methodological position, according to which technological changes constitute the basis for the development of society, has spread to the understanding of knowledge, as well as of subjectivity and activity. Article postulates the principal limitedness of technological determinism. It is shown that the application of the epistemological methodological principles of the unity of individual, collective (micro-social) and societal (macro-social) entities in the unity of consciousness, unconscious and activities allows to identify the “technology” of the formation of the subject, variable and sustainable at the complex structure of the subject, and, as well, the methods of forming the unity of the subject, providing him a free and creative activity.

Keywords: epistemology, cognition, subject, intelligence, information and communication technologies, cognitive technology, technological determinism.

Elena Alexandrovna Nikitina — DSc in Philosophy, Professor. Moscow Technological University (MIREA); e-mail: nikitina@mirea.ru

Е.О.ТРУФАНОВА

К ВОПРОСУ ОБ ИСЧЕЗНОВЕНИИ Я*

В докладе обсуждается проблема реальности существования *Я* как самостоятельного феномена. Показана связь понятий субъекта и *Я*, рассматривается постмодернистская и социально-конструкционистская критика *Я*, показывается, что она направлена в первую очередь на классическое понимание *Я*, полагающее последнее как отдельную субстанцию, чье существование самоочевидно и не подвергается сомнению. Выявлены несколько основных подходов в истории философии, предполагающих исчезновение индивидуального субъекта. Дается критический анализ постмодернистской идеи «смерти субъекта», представлений о *Я* как социальной и лингвистической конструкции и о *Я* как нарративе. Демонстрируется несостоятельность позиции, утверждающей, что *Я* является исключительно продуктом европейской культурной и лингвистической традиции. Предлагаются контраргументы против позиций, настаивающих на исчезновении или иллюзорности *Я*. Демонстрируется, что через понятие *Я* мы отражаем реальные феномены сознания и самосознания, и использование данного понятия необходимо для реализации любой деятельности субъекта — как познавательной, так и социальной. В то же время показывается, что понятие *Я* должно быть переосмыслено с учетом новых социокультурных обстоятельств и конструкционистская критика *Я* может быть здесь полезной.

Ключевые слова: *Я*, субъект, нарратив, самосознание, идентичность, социальный конструкционизм.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

В последнее время нередко встречается мнение о том, что *Я* было придумано классической западной философией, и что поскольку мир, который описывала эта традиция, изменился, то настало время от этого понятия избавиться. Вопрос о существовании *Я*, о его реальности или иллюзорности, обсуждается в философии уже давно. Однако за последние полвека эта проблема приобретает особую популярность. Очевидно, что это не просто дань моде, но результат социокультурных трансформаций, которые вызывают у человека чувство зыбкости, неустойчивости его индивидуального бытия по сравнению с теми мощными социальными потоками, в которые он вовлечен. Как следствие, возникают сомнения в том, что мы вообще можем говорить о какой-либо стабильности этого бытия, и, следовательно, существование индивидуального *Я* оказывается под вопросом. Возникает потребность в переосмыслении этого понятия в новых обстоятельствах.

Когда мы говорим о *Я*, мы неизбежно должны говорить о субъекте. Классическая европейская философия построена вокруг понятия субъекта, однако с усложнением понимания познавательных процессов это понятие усложняется. Если в классической философии субъект и сознание, субъект и *Я* практически неразделимы, то во многих современных работах не только разделяются области исследований этих понятий, но и возникают концепции, предлагающие отказ от субъекта и отрицание *Я*.

Понятие *Я* является квинтэссенцией субъективности. Оно может и полностью подменять собой понятие субъекта, и рассматриваться как центр субъекта, связующий воедино все его проявления, или же — как некая трансцендентальная основа субъекта. Как *Я* так и субъект исторически рассматривались как носитель познания, деятельности, автономии и ответственности. Таким образом, в большинстве случаев будет правомерным рассматривать понятия субъекта и *Я* как взаимозаменяемые.

Эволюция понятия *Я* шла путем усложнения, от представления о простом и едином *Я* к *Я* сложносоставному, многогранному, состоящему из множества частей. Далее эта сложность начинает рассматриваться как фрагментированность, как распад на отдельные части и, в конечном счете, приводит к утверждению об исчезновении *Я*.

Основной тезис, который объединяет сторонников отказа от понятия *Я*, можно сформулировать так: вопреки утверждениям

классической философии, *Я* не существует как цельная самостоятельная и независимая сущность, как стержень в основе всей деятельности человека. Таким образом, субъект в классическом виде не существует, а, значит, и вся классическая «субъектоцентричная» эпистемология не верна.

Те авторы, которые принимают данный тезис, выдвигают несколько версий относительно того, что на самом деле стоит за понятием *Я*:

- 1) *Я* представляет собой лишь ежеминутно фиксируемые комплексы ощущений, эти комплексы все время сменяют один другой и таким образом независимого постоянного *Я* не существует. Эта версия возникла исторически раньше других и получила свое выражение в эмпиристских концепциях Д. Юма, Э. Маха;
- 2) *Я* растворяется в совокупности социальных связей и информационных потоков, в которые индивид включен, оно является результатом социальных отношений и как следствие также не обладает независимым бытием. Человек не обладает *Я*, он просто пропускает через себя различные дискурсы, которые управляют им. Он теряет ответственность за свои слова и поступки, происходит «смерть субъекта». Эта точка зрения формулируется в постмодернизме и далее развивается в социальном конструкционизме;
- 3) *Я* существует только «грамматически», европейская рациональность строится на грамматике языка, в которой важная роль отводится перспективе первого лица, и наличие подобной грамматической конструкции (*я*) создает иллюзию наличия некой реальности за пределами языкового выражения. В неевропейских языках классическое понимание *Я* отсутствует, поскольку отсутствуют соответствующие грамматические формы;
- 4) *Я* существует только как нарратив, как история, связывающая прошлое, настоящее и предполагаемое будущее субъекта. Последние две точки зрения также принадлежат социальному конструкционизму.

Последние три позиции представляются наиболее актуальными в рамках современной социокультурной ситуации и тех непосредственных вызовов, которые стоят перед субъектом, поэтому далее рассмотрим их чуть подробнее.

Познающий субъект приравнялся в классической философии к *Я*, поскольку главной характеристикой человека полагался именно его интеллект, разум, рациональное начало. Таким образом, *Я* полагалось «мыслящей вещью», его личностные характеристики, эмоциональные и телесные состояния не брались в расчет. Это особенно четко прослеживалось в традиции картезианского рационализма, игравшей одну из центральных ролей в философии Нового времени вплоть до XX века. Здесь *Я*-субъект представлялся как неделимая и самостоятельная субстанция. В начале XX в. *Я* начинает видиться распадающимся на элементы, подсистемы, и в итоге в самом субъекте обнаруживаются неразрешимые противоречия и раскол. В это время субъект уже не только открывает глубины своего бессознательного, но и «обрастает плотью», философы и психологи пишут об отелесненном познании, о неразрывной связи телесного и духовного и т.д. Представления о субъекте трансформируются и, в конечном счете, ко второй половине XX в. возникает призыв к отказу от субъекта. Наиболее громко этот призыв звучит в рамках постмодернистского манифеста, провозглашающего «смерть субъекта».

Постмодернизм противостоит просвещенческому и романтическому понятию автономного и свободного индивида, чей разум и дух рассматривались как независимые от внешних обстоятельств. Субъект в постмодернизме — раб обстоятельств и окружающих его других людей. В мироощущении, которое пытаются передать в своих работах постмодернисты, мир, в который погружен человек, и прежде всего — мир его социальных коммуникаций — представляется хаотически сложным, важную роль начинает играть понятие интертекстуальности — переплетения, пересечения фрагментов разных «текстов». Выходя за пределы литературы, понятие «текста» становится широкой метафорой — это не только письменный текст, но и любой продукт коммуникативного акта, обладающий смысловым содержанием — высказывание, мысль, самоотчет, рассказанная вслух история. Само содержание *Я* представляется не более чем набором фрагментов различных текстов. Метафоры «смерти субъекта»¹ и «смерти автора»², неосторожно или провокационно брошенные М. Фуко и

¹ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

² Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Р. Бартом, обретают в «заряженном» постмодернистскими идеями климате всеобъемлющий характер, и уже не просто автор теряет свое место «во главе» литературного произведения, но субъект становится не «автором», а лишь читателем окружающих его текстов. Существование субъекта становится необязательным, он растворяется в коммуникации, в мозаике текстов, низвергается со своей доминирующей в классике позиции. Если автор в постмодернизме не способен на создание нового текста, но лишь на цитирование фрагментов чужих текстов, то субъект, таким образом, не способен на поддержание собственного Я, но может лишь пропускать через себя различные не им создаваемые дискурсы, в которые он погружается в разные моменты времени, дискурсы лишь «говорят» через него. Тут я бы возразила, что дискурсы не возникают сами по себе, они также конструируются субъектами в их социальных взаимодействиях, и для того, чтобы эти взаимодействия осуществлялись, субъекты должны иметь волю, точку зрения и т.п. Без наличия самостоятельных и независимых субъектов формирование новых дискурсов невозможно.

Итак, с точки зрения постмодернизма, человек в современном мире утрачивает свое Я, поскольку мир становится слишком сложным, слишком многообразным, чтобы мы могли каким-то образом контролировать его влияние на нас. От индивида ничего не зависит, он подобен кораблю без штурвала, полностью покорного воле волн. То, что он считает своим внутренним миром, то, что он считает продуктами своей творческой деятельности — не более чем эхо тех или иных социальных и культурных процессов.

Позиция многих представителей социального конструкционизма весьма близка к этой. Так, К. Герген пишет о «перенасыщенном Я»³, продолжая ту же идею — социальные коммуникации переполняют наше индивидуальное бытие до краев, и Я оказывается не более чем перекрестком этих коммуникаций. В то же время в рамках конструкционизма формулируется и другое представление о Я, которое, на мой взгляд, позволяет, с некоторыми оговорками, и сохранить понятие Я, и учесть новые социокультурные обстоятельства бытия человека.

³ Gergen K.J. The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N. Y., 2002.

Социальный конструкционизм объявляет *Я* социальной конструкцией, подразумевая, что *Я* не существует изначально, не заложено природой человека, но конструируется обществом, частью которого индивид является. Это конструирование происходит в двух смыслах 1) общество конструирует само понятие *Я* и связанные с ним идеи автономии, индивидуальности, личности и т.д.; 2) в процессе развития и социализации индивида под воздействием общества у индивида конструируются представления о собственном *Я*, соответствующие тем стандартам, которые были обозначены в пункте 1.

Главным представляется вопрос о том, какие выводы мы делаем из утверждения, что *Я* — это социальная конструкция. Радикальные конструкционисты полагают, что раз *Я* сконструировано под влиянием общества, значит, *Я* не обладает необходимым существованием, оно могло бы быть сконструировано иначе или не сконструировано вовсе. Наиболее распространенный аргумент в поддержку этой позиции — это ссылка на культуры неевропейского типа, в которых, как утверждается, отсутствует то, что представители европейской рациональности связывают с понятием *Я*. Этот вывод делается на основе сравнительного анализа языковых культур. К примеру, Р. Харре утверждает⁴, что фундаментальная ошибка относительно существования *Я* связана с грамматической структурой языка. Европейские языки построены таким образом, что у нас возникает ощущение, что выражения типа «это стол» и «это я» — выражения одинакового типа, указывающие на объекты одного порядка. Выражение «это стол» указывает на реальный объект в мире — стол, и мы полагаем, по аналогии, что *Я* должно представлять собой такой же реальный объект. Само наличие слова «я» заставляет нас думать о нем и, как следствие, о нас самих как об автономных и независимых сущностях, каждая из которых представлена единым и целостным *Я*. В нашей культуре, усвоив грамматику первого лица, мы усваиваем одновременно веру в наличие внутреннего *Я*⁵. Представления классической фило-

⁴ Harré R. *Personal Being: a Theory for Individual Psychology*. Cambridge, 1984; *Language games and the texts of identity // Texts of Identity*. London, 1989. P. 20-35.

⁵ Harré R., Mühlhäusler P. *Pronouns and People: the Linguistic Construction of Social and Personal Identity*. Oxford, 1990.

софии о Я также являются результатом следования «грамматической» привычке. «...Трансцендентальное Эго — это тень, отброшенная на мир грамматикой»⁶, — пишет Харре. В то же время, Харре указывает, что понятие Я и аналогичные формы первого лица тесно связаны с понятием автономного агента, прежде всего — морального. Указывая на грамматический характер происхождения Я, Харре тем не менее делает вывод: как понятие гравитации является удобным для создания определенных схем описания мира в независимости от того, реальна сама гравитация или нет, так и понятие Я, даже если оно является фиктивным, может быть полезным. Феномены человеческой жизни, подобные Я, могут с точки зрения Харре объясняться с помощью физиологии и лингвистических практик, без привлечения «психологических» аспектов. Тем не менее, он не отрицает существование Я как психологического феномена, он лишь считает, что Я не имеет до-языкового существования, которое могло бы в дальнейшем оказывать влияние на наш опыт. Таким образом, согласно этой концепции, понимание самосознания будет различным в разных культурах в зависимости от языка — там, где местоимение первого лица отсутствует, понимание самосознания будет иным.

Однако приводимые в поддержку этого мнения примеры⁷ недостаточно убедительны. Означает ли отсутствие в языке четко выраженных личных местоимений, что переживание личностного бытия будет иным, что индивид в этих культурах может не отличать себя от другого, не выделять свои индивидуальные внутренние переживания в некую особую категорию или же не отвечать за свои поступки? Представляется, что то, что представители иных культур описывают себя иначе, чем нашим понятием Я, не означает, что в их самоощущении и в их отношениях с миром отсутствуют те качества и те феномены, которые мы относим к Я. Полагаю, стоит утверждать, что не разные языки формируют различный опыт, связанный с Я-феноменами, но напротив, опыт Я выражается разными культурами по-разному.

Утверждение Харре о том, что Я не имеет до-языкового существования спорно, поскольку еще до усвоения языка мы можем говорить об осознании уникальности своей позиции в пространст-

⁶ Harré R., Mühlhäusler P. Op. cit. P. 18.

⁷ Harré R., Mühlhäusler P. Op. cit.

ве (своей «точки зрения»), о наличии индивидуальных переживаний (чувства боли, голода и т.п.), которые служат индивидуализации моего бытия, которые уже отличают меня от других людей. Далее, получая воспитание в рамках своей культуры, я учусь выражать эти чувства тем или иным образом. Так, с точки зрения Харре и Мюльхойзлера, *Я* это не объект, а теория о том, чем является личность. Такие теории проникают в философию из народной психологии, в которой, в свою очередь, они возникают как результат использования устойчивых языковых форм⁸. Можно возразить, что не *Я* конструируется из грамматических и / или культурных практик, а разные грамматические и культурные практики разным образом выражают ту совокупность физиологических, психических и социальных феноменов, которые делают возможным говорить о *Я*. Если бы теории личности или теории *Я* в разных культурах были бы настолько различны, то мы бы не могли контактировать и понимать друг друга. Тем не менее, понимание между разными людьми и народами возможно, стало быть, за различными способами выражения *Я*-феноменов лежит общая психическая и физическая реальность.

Один из наиболее распространенных современных подходов к *Я* — нарративный подход, рассматривающий *Я* как конструирование истории (нарратива) о своей жизни и о самом себе. В основе этого подхода лежит идея о том, что все случайные переживания нашей жизни собираются воедино в том, что мы называем *Я*, благодаря нашей способности рассказывать истории, объединяя в них разные события в последовательные повествования.

Представление о нарративной природе *Я* получило очень широкое распространение. Даже у философа-аналитика Д.Деннета мы находим утверждение о том, что «...Все мы являемся болтливыми существами, рассказывающими и заново пересказывающими себе историю нашей собственной жизни, не обращая особого внимания на вопрос об ее истинности»⁹. *Нарратив* представляет собой жизненную историю, которую *Я* может рассказывать самому себе или кому-либо другому, в качестве нарратива может выступать отдельный биографический сюжет или вся последовательно связан-

⁸ Harré R., Mühlhäusler P. Op. cit.

⁹ Деннет Д.К. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 126-127.

ная воедино автобиография. Когнитивный психолог Дж. Брунер пишет, что «именно через нарратив мы создаем и воссоздаем Я, это Я является продуктом нашего рассказа, а не какой-то сущностью, за нахождением которой надо погружаться в тайники субъективности»¹⁰.

С помощью нарратива индивид может конструировать последовательное, непротиворечивое представление о своей идентичности, наделяя случайные события своей жизни причинно-следственными связями и т.д. Благодаря нарративу становится возможным ощущение цельности индивидуального бытия. Конструкционист Т.Р. Сарбин полагает, что способность структурирования нашего индивидуального опыта в виде нарратива является фундаментальной для природы человека¹¹. Но одновременно наше построение нарратива зависит от других людей, мы должны согласовывать наши нарративы с нарративами других (затрагивающими нас), иначе они могут оказаться лишенными смысла.

Согласно нарративному подходу, наше Я конструируется как история, для создания которой мы отбираем в материале наших воспоминаний те элементы, те события, которые кажутся нам связанными друг с другом, которые мы можем выстроить в причинно-следственные цепочки. Харре отмечает, что, объясняя причины своего поведения, мы не выявляем никаких реально существующих причинно-следственных связей между нашим текущим поступком и некими предшествующими обстоятельствами нашей жизни, на самом деле всего мы лишь конструируем нарративный отчет в соответствии с принятыми в нашей культуре правилами такого отчета¹².

Идея Я как автора нарратива переворачивает постмодернистскую метафору субъекта-автора — если там речь шла об утрате авторства, то здесь, напротив, автор снова обретает силу. С точки зрения исследовательницы по философии когнитивных наук В. Хардкастл представление о Я как рассказываемой истории является наиболее предпочтительной концепцией Я. Однако наши «ав-

¹⁰ Bruner J. Making Stories: Law, Literature, Life. Cambridge, 2002. P. 85-86.

¹¹ Sarbin T.R. The Narrative as Root Metaphor for Psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. N. Y., 1986.

¹² Harre R. Language Games and the Texts of Identity. Op. cit.

торские» возможности в конструировании этой истории далеко не безграничны. «...Наши истории контролируются в существенной степени реальными историческими фактами. Даже если мы чувствуем себя свободными агентами в нашем авторстве, мы на самом деле таковыми не являемся. Мы должны «писать» то, что наш мир нам диктует»¹³. Это утверждение можно трактовать так: полный авторский произвол в случае *Я*-истории невозможен, мы не можем придумать и рассказать все, что угодно, мы все равно должны опираться на то, что действительно происходило с нами и с миром в нашем окружении, иначе даже для нас самих эта *Я*-история будет казаться недостоверной, что будет провоцировать внутренний конфликт. Так, *Я*-история, является выстраиванием из «готовых блоков», которые предписываются событиями нашей жизни и миром вокруг нас. Мы можем по-разному переставлять эти элементы, меняя их местами, но сами они изменению не подлежат. Таким образом, «нарративность» *Я* не отменяет его реальности.

Харре и Ван Лангенхове пишут¹⁴, что единство *Я* (или идентичность личности) является таким же продуктом дискурсивных практик, каким мы считаем социальные, культурные и прочие идентичности. И для того, чтобы постичь себя как исторически последовательное существо, необходимо освоить определенные способы биографического разговорного жанра. Т.е. личностная идентичность существует только в форме биографического нарратива, за пределами которого *Я* не существует. В то же время, согласно этим же авторам, не *Я* является историей, а личность, тогда как *Я* только выражает разные позиции в истории.

Мне представляется, что нарративная концепция *Я* является наиболее продуктивной по сравнению с другими, предлагаемыми в рамках постмодернистских и конструкционистских подходов. Прежде всего, потому, что она не только не отрицает роль субъекта, но и наделяет его правом «авторства» самого себя, пусть даже это конструирование *Я*-истории опирается на диалоги с другими людьми или зависит от конкретных дискурсов. Недостатком этой концепции следует считать то, что она не затрагивает тех аспектов

¹³ *Hardcastle V.G. Constructing the Self. Amsterdam, Philadelphia, 2008. P. 126.*

¹⁴ *Harré R., Langenhove Van, L. Positioning and Autobiography: Telling your Life // Discourse and Lifespan Identity. Newbury Park, 1993. P. 81-99.*

восприятия и телесного опыта, которые также напрямую связаны с Я (хотя Харре указывает на то, что местоимение «я» позиционирует индивида в пространстве, таким образом, учитывая его телесную природу). Несомненно, без умения рассказывать истории о себе, мы не могли бы говорить о Я, однако без наличия единого телесного опыта, без признания того, что все, о чем мы рассказываем, происходит *с нами*, с этим существом, которое находится в центре нашей картины мира, является точкой отсчета любых наших интенций, в том числе и наших рассказов о себе — без признания роли этого *существа*, которое является героем наших Я-историй, мы бы не были способны на создание подобных рассказов.

Рассмотрев различные современные концепции, связанные с попытками отказаться от идеи Я или же объявить Я «случайной» социальной конструкцией, можно выдвинуть множество контраргументов. Целый ряд возражений приводит В.А.Лекторский, главное из которых указывает на то, что, несмотря на сложность сохранения своей идентичности, необходимо стремиться к сохранности Я, поскольку распад Я угрожает и распадом общества¹⁵. В. Хардкастл, в свою очередь, выступает за сохранение идеи Я с прагматической позиции, отмечая, что можно критиковать идею автономии, но, тем не менее, человек, который пытается контролировать свои эмоции и поступки все же лучше, чем человек, который не пытается этого делать, а общество, которое поощряет идею автономии лучше общества, которое ее не поощряет¹⁶.

Наконец, рассмотрим основной аргумент, утверждающий, что Я — это только продукт нашей, европейской культуры и рациональности, зародившейся в Античности, и прошедшей через христианское Средневековье, Возрождение с его культом Человека, нововременной культ Разума и т.д. Он полагает, что мы мним свою цивилизацию выше других, и поэтому считаем, что только наше понимание мира и субъекта правильное. Обвинение в европоцентризме в данном вопросе, несомненно, имеет под собой основания, однако не стоит полагать, что Я было «придумано» европейцами. Мне представляется, что Я все же было «придумано» природой. Культурой же лишь формируется то, каким именно образом мы описываем определенные состояния нашей психики, относящиеся

¹⁵ Лекторский В.А. Умер ли человек? // Человек. № 4. 2004. С. 10-16.

¹⁶ Hardcastle V.G. Op. cit.

к самосознанию. Несомненно, *Я* не является какой-либо самостоятельной субстанцией, однако его значимость для нашего опыта — как внутреннего, так и внешнего, не становится от этого меньше. *Я* как «точка отсчета», из которой исходят разные интенции и в которой мы «стягиваем» разные сюжеты своей жизни необходимо для нашего выживания, в независимости от того, какими способами мы описываем этот феномен. Можно отметить, что основной причиной, по которой ряд исследователей предлагает отказаться от *Я*, является то, что *Я* предлагается рассматривать как единичный простой феномен, тогда как оно представляет из себя целую систему, включающую множество разных феноменов как составные части.

Бесспорно, современная эпоха бросает субъекту множество вызовов. Благодаря развитию средств коммуникации, наше время как никогда становится эпохой текстов, при этом текстов фрагментарных — как письменных, так и устных — Интернет, телевидение, смартфоны, радио, рекламные щиты, бюрократические документы и т.п. — мы постоянно погружены в мозаику текстов и способны воспринимать их лишь обрывками, поскольку не можем справиться с таким объемом информации одновременно. Именно поэтому *Я* производит впечатление распадающегося. Харре и Ван Лангенхове утверждают¹⁷, что, вероятно, для человека, живущего в эпоху постмодерна, нарративное понимание *Я* кажется наиболее практичным. Действительно, нарративное *Я* позволяет, благодаря своей способности рассказчика, собрать эти фрагменты воедино, сделать их частями единой истории. Однако *Я* это не только история или позиция в истории. Люди придумали слово «я» и его аналоги для удобства коммуникации и обозначения своего места в ней, но одновременно с этим они пытались выразить некую реальность, которая описывается этим словом, которая связана с их переживаниями мира внутри и вокруг себя. Деконструируя классическое понятие *Я* вслед за постмодернистами и социальными конструкционистами, признавая, что в современном мире понимание *Я* должно быть иным, нежели несколько столетий назад, мы должны согласиться с тем, что *Я* нигде не исчезло, оно не является отжившей свой век выдумкой древних греков или Декарта, что оно отражает феномены моего сознания и самосознания и является

¹⁷ Harré R., Langenhove Van L. Op. cit.

необходимым для реализации любой деятельности субъекта — от познавательной до социальной.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384-391.
- Деннет Д.К.* Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121-130.
- Лекторский В.А.* Умер ли человек? // Человек. 2004. № 4. С. 10-16.
- Фуко М.* Что такое автор? // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 9-46.
- Bruner J.* Making Stories: Law, Literature, Life. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 144 p.
- Hardcastle V.G.* Constructing the Self. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Pub., 2008. 201 p.
- Harré R.* Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 299 p.
- Harré R.* Language Games and the Texts of Identity // Texts of Identity. London, 1989. P. 20-35.
- Harré R., Langenhove Van L.* Positioning and Autobiography: Telling your Life // Discourse and Lifespan Identity. Newbury Park, CA, 1993. P. 81-99.
- Harré R., Mühlhäusler P.* Pronouns and People: the Linguistic Construction of Social and Personal Identity. Oxford: Basil Blackwell, 1990. 360 p.
- Gergen K.J.* The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N. Y.: Basic Books, 2002. 320 p.
- Sarbin T.R.* The Narrative as Root Metaphor for Psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. N. Y., 1986. P. 3-21.

ON THE QUESTION OF THE DISAPPEARANCE OF THE SELF

The author discusses the problem of the existence of the Self as an independent phenomenon. The postmodern and social construc-

tionist critique of the classical concept of the Self is taken into consideration. It is shown that this critique is oriented towards the classical understanding of the Self that regards the Self as an independent substance. The analysis of the postmodern ideas of the “death of the subject”, of the Self as social and linguistic construction, of the Self as a narrative is given. The author demonstrates the inconsistency of the position that argues that the Self is exclusively a product of European cultural and linguistic tradition. It is shown that when the words *I*, “me” and similar were constructed for the communication comfort and for signification of one’s place in communication, there is still a certain reality that is described by these words that is connected with the inner and outer world experience of the individual. The necessity of the concept of the Self for the realization of any subject’s activity is demonstrated. At the same time the author argues that the concept of the Self should be re-thought while taking into account new social-cultural conditions, and constructionist critique of the Self may thus be productive.

Keywords: the Self, subject, narrative, self-consciousness, identity, social constructionism.

Elena Olegovna Trufanova — CSc in Philosophy, Leading Research Fellow.
RAS Institute of Philosophy; e-mail: eltrufanova@gmail.com

Е.Л. ЧЕРТКОВА

ПАРАДОКСАЛЬНАЯ СУБЪЕКТИВНОСТЬ ИЛИ СУБЪЕКТИВНОСТЬ БЕЗ СУБЪЕКТА*

Рассматриваются ключевые моменты эволюции проблемы субъективности в философии: эмпирическое толкование субъективности у Протагора, метафизический сдвиг проблемы у Декарта, антиметафизический поворот в постмодернизме (на примере Р.Рорти), отчасти означающий возврат к эмпирическому пониманию субъективности и предрекающем её исчезновение. Cogito как идеальное единство сознания высвечивает такую атрибутивную характеристику субъективности, как реальность самоопределения, необходимость непрерывной рефлексии для сохранения самости. Акт самосознания служит основой ответственного поведения человека. Эти свойства субъекта не являются данностью, но требуют постоянных усилий личности для своего сохранения и реализации. Именно они подвергаются в современном мире серьезному испытанию, грозящему десубъективацией субъекта. Парадоксальность ситуации состоит в том, что в условиях нарастающего вмешательства субъекта в социоприродные процессы исчезает сам субъект, иначе говоря, субъективность приобретает черты опасной стихийности, а значит, по-новому встает проблема свободы и ответственности как атрибутов субъективности.

Ключевые слова: субъект, субъективность, релятивизм, сомнение, скептицизм, cogito, постчеловек, Протагор, Декарт, Рорти.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

Мне бы хотелось проследить зарождение и развитие проблемы субъективности в истории философии, остановившись на трех основных моментах, в которые происходили наиболее значимые, поворотные для этой темы изменения, знаменующие *зарождение* темы субъективности в античной философии, её кульминации на заре Нового времени и современного кризиса.

В качестве главных действующих лиц драмы субъективности будут представлены Протагор, Декарт и Р. Рорти (последний взят как выразитель новых тенденций в трактовке субъективности). Каждый из них знаменует поворотные моменты в осмыслении данной проблемы: эмпирическое толкование субъективности у Протагора, метафизический сдвиг проблемы у Декарта, антиметафизический поворот в постмодернизме, отчасти означающий возврат к эмпирическому пониманию субъективности и предрекающий её исчезновение.

ПРОТАГОР — ЭМПИРИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Поскольку наше мышление остается в значительной мере греческим, естественно именно там искать истоки и проблемы субъективности. Первым я, конечно, назову Протагора с его всем известным высказыванием, прозвучавшим из уст Сократа: «Мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют, а не существующих, что они не существуют»¹. С именем Протагора и Сократа связано обращение к теме человека, положившее начало философской проблеме субъективности или «антропологическому повороту» в философии, а также выдвижение на первый план гносеологической проблематики. Протагору принадлежит формулировка основного тезиса релятивизма. Историки философии Д. Антисери и Дж. Реале называют тезис Протагора «*magna charta*», великой хартией западного релятивизма².

Наряду с Космосом и Логосом в круг интересов философии включается еще одна мирообразующая сущность — Человек. Если

¹ Платон. Теэтет // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М., 1993. С. 203.

² Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. I. Античность. СПб, 1997. С. 56.

досократики предлагали следовать космическому закону, то Протагор и вслед за ним софисты предлагали принять за нормативную меру самого человека. Благодаря Платону и его интерпретации Протагора в диалоге «Теэтет», этот тезис стал рассматриваться в контексте проблемы знания, сформулированной Сократом как «что такое знание само по себе», что знаменовало «гносеологический поворот» в философии. Прежде всего, это касается различения знания и мнения, истины и правдоподобия. Разбирая тезис Протагора «какой мне кажется каждая вещь, такова она для меня и есть, а какой тебе, такова же она в свою очередь для тебя»³, Платон выделяет в этом тезисе сенсуализм как ограничение познания ощущениями и указывает на него как основание релятивизма (как мы бы сейчас это назвали). Тезис Протагора, с одной стороны, является развитием учения Гераклита о становлении, а с другой — включением в этот процесс и самого человека с его познавательной деятельностью. В сущности, здесь показана связь релятивизма объекта (у Гераклита) и релятивизма знания. А из последнего, как показано в диалоге, вытекает этический и политический релятивизм.

В контексте нашей темы субъективности важно отметить другой момент изречения Протагора — о человеке как мере для сущего, о соотношенности всего сущего с Я. Здесь еще нет «субъекта» в метафизическом смысле, это обычный живой человек со всеми своими особенностями и способностями. Этот человек и определяет меру доступности сущего и границы этой доступности. Так, например, он говорит: «О богах я не могу знать, есть ли они, нет ли их, потому, что слишком многое препятствует такому знанию, - и вопрос темен и людская жизнь коротка»⁴. У разных людей разные возможности познания и потому знания людей столь различны. Эта мысль была подробно разработана скептиками. Скептические тропы основываются на разнообразии живых существ, на разнице между людьми, на различном устройстве органов чувств, на влиянии окружающих условий, на положениях воспринимаемых объектов и т.д. Все эти тропы указывают на относительность нашего знания, обусловленного, во-первых, относительностью, взаимосвя-

³ Там же.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 348.

зью и взаимовлиянием всех вещей; во-вторых, изменчивостью состояний и положений самого субъекта; в-третьих, многообразием способов отношений субъекта и объекта.

Итак, у Протагора человек задает границы в познании сущего, определяет доступность мира, соразмерного ему. Но пока еще нет мысли о том, что сущее каким-либо образом должно основываться на *Я*, т.е. еще нет субъекта, а есть «эмпирический человек». Пока человек есть мера познания сущего, но не его бытия. Это различие в понимании субъекта Протагором и Декартом было отмечено Хайдеггером в работе «Европейский нигилизм». В своем сопоставлении тезиса Протагора и Декарта он указывает на ошибочность толковать Протагора как «Декарта греческой метафизики; подобно тому, как Платона выдавали за Канта греческой философии»⁵.

Исследование познания с целью его очищения от субъективных привнесений было затем подхвачено скептиками и продолжено в философии Нового времени, особенно Бэконом с его критикой идолов познания. Но все это было лишь подготовкой почвы для рождения нового понятия субъективности.

ДЕКАРТ — МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Начатую софистами и скептиками критику субъективности познания (а точнее будет слово «субъективизм») в философии Нового времени продолжили Бэкон и Декарт. Её целью является обоснование возможности истинного знания, или, говоря словами Бэкона, «очищение разума, для того чтобы он был способен к истине». Предметом критического рассмотрения становится уже не только познание со стороны чувственности, что было характерно и для софистов, но прежде всего критическому анализу подвергается разум как источник заблуждений и ошибок. Бэкон различает внешние и внутренние, или приобретенные и врожденные, препятствия для истинного познания. К первым он относит измышления философов и превратные способы доказательств, ко вторым — врожденные свойства самого разума, который «сплетает и смешивает с природой

⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 117.

вещей свою собственную природу»⁶. По этой причине он считает разум даже более склонным к заблуждениям, чем чувства. Отсюда и критическая линия исследования субъективности, которая сближает позицию Бэкона с софистами и скептиками.

Новый поворот в этой проблеме осуществил Декарт. Ему по праву принадлежит открытие субъективности как проблемы философии. Декарт начинает с сомнения, даже с «полнейшего», радикального сомнения, но при этом его никак невозможно назвать скептиком, он не придерживается ни одного из скептических принципов⁷ и все свои силы отдает страстному поиску истины и основания достоверности. Он видит цель своих усилий в том, чтобы «устранить все то, что допускает хоть малейшую долю сомнения <...> я буду продолжать идти этим путем до тех пор, пока не сумею убедиться в чем-либо достоверном — хотя бы в том, что не существует ничего достоверного»⁸. Задолго до «коперниканской революции» Канта Декарт совершил свою «архимедову революцию»⁹ в поисках надежной точки опоры, обнаруженную им в самом мыслящем субъекте.

Начиная с Декарта, известное нам понятие субъекта закрепилось в философии, и произошло это путем внесения нового смысла в уже существовавший термин. В метафизике до Декарта под субъектом понималось как раз сущее, бытие, то, что предлежит, или лежит в основе, это именно то, что теперь стало называться объектом. И только через Декарта и после Декарта «субъектом» становится в метафизике преимущественно человек, человеческое *Я*, но *Я* мыслящее, что нашло выражение в его знаменитом высказывании. Именно человек входит в роль подлинного и единственного субъекта. Самость человека существен-

⁶ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1971. С. 74.

⁷ Подробнее о принципах скептиков см.: Черткова Е.Л. Скептицизм и релятивизм: от искания истины к её отрицанию // Релятивизм как болезнь современной философии. М., 2015. С. 104-136.

⁸ Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 21.

⁹ Сравнение с Архимедом принадлежит самому Декарту: «Архимед искал всего лишь надежную и неподвижную точку, чтобы сдвинуть с места всю Землю; так же и у меня появятся большие надежды, если я измыслю даже самую малую вещь, которая была бы надежной и несокрушимой». Там же.

на как лежащая в основе. Самость есть *sub-iectum*. Знаменитое положение Рене Декарта «*cogito ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую») пришло на смену протагоровскому «человек есть мера всех вещей». Этим тезисом заново определяется существо познания и истины. Вопрос: что есть сущее? превращается в вопрос о методе как о безусловном, непоколебимом основании истины.

«*Cogito*» Декарта стало утверждением мыслящей субъективности как принципа действительности. *Я* становится единственно гарантированной реальностью. В своем новом значении слово и понятие «субъект» теперь становится именем собственным и сущностным для человека. Это значит: всякое внечеловеческое сущее становится объектом для этого субъекта. А человек становится мерой для истины сущего.

Если у Протагора человек есть мера доступности сущего, скорее не-знания, чем знания, если под последним понимать истинное знание, то у Декарта человек как субъект становится источником и гарантом достоверности. Свою задачу он видит в утверждении безусловного основания истины. Интересно, что оба они начинали с осознания ошибочности своих знаний, но если Протагор принял чувственное знание за единственную и весьма ненадежную когнитивную данность и смирился с этим, то Декарта это же вдохновило на радикальное сомнение и поиск абсолютной достоверности. Именно в сознающем себя бытии субъекта он находит меру для бытия всего сущего. Итак, субъект не просто эмпирический человек, как у Протагора, а бытие, само себя обосновывающее, самосознающее. Как отмечал В. Хесле, «субъективность через рефлексию радикальным образом выделилась из мира. Благодаря Декарту субъективности удалось абсолютизировать самое себя до невиданной в мировой истории степени»¹⁰.

Отмечу еще один аспект субъективности у Декарта, интересный в контексте нашей конференции. Как мы видели, субъективность для Декарта сосредоточена исключительно в *Я*, и, выдвигая на первый план субъекта в лице *Я*, он вовсе не использовал понятие «Другой». На первом плане *Я*, а за ним — Бог, природа и интерессубъективный мир. К тому же природа, понимаемая им как «протяженная вещь», лишена даже зачатков субъективности (что

¹⁰ Хесле В. Философия и экология. М., 1993. С. 51.

современная наука решительно опровергает, хотя, на мой взгляд, чрезмерно расширяет понятие субъективности, но это не входит в тему моего выступления).

Противоположную позицию в отношении субъективности занимают Лейбниц, Шеллинг и Гегель. Так Лейбниц, соглашаясь с Декартом по поводу недоступности чужой душевной жизни непосредственному опыту, делает противоположный картезианскому вывод — он приписывает душевную жизнь всему сущему. У Шеллинга и Гегеля природа понимается как дух-в-себе, внутренней целью которой является субъективность, которая достигается путем длительного развития. Это понимание субъективности как потенции, разворачивающейся в ходе развития (у них это саморазвитие духа, в науке — эволюция материи) теперь находит свое применение в современной науке.

Прежде чем расстаться с Декартом, выделим из его философии те атрибуты субъективности, которые не потеряли своей актуальности и в наше время. *Cogito* Декарта как идеальное единство сознания высвечивает такую атрибутивную характеристику субъективности, как реальность самоопределения, необходимость непрерывной рефлексии для сохранения самости. Оно рассматривается как онтологическая реальность, вид бытия, а не функция. Акт самосознания служит основой ответственного поведения человека, его способности «переваривать» даже (гипотетически) инсталлированную в него информацию, либо принимая её и неся за это ответственность, либо отвергая. Внутреннее самоопределение — неустранимая преграда для различных манипуляций. Здесь важно отметить единство когнитивного и этического моментов *cogito*: обоснование не только рационалистического метода, но и особого рода онтологии, метафизическое обоснование личности и морали, обоснование единичности субъекта свободной воли и в то же время общезначимости осуществляемого им акта самосознания, т.е. единство свободы и ответственности.

Эти свойства субъекта не являются данностью, но требуют постоянных усилий личности для своего сохранения и реализации. Именно они подвергаются в современном мире серьезному испытанию, грозящему десубъективацией субъекта.

ПОСТМОДЕРНИЗМ О СУБЪЕКТЕ

Мы прошли два этапа становления понятия субъективности — от эмпирического представления субъекта у Протагора до метафизического у Декарта. Третьим на этом пути будет современное понимание субъективности в работах философов, обобщенно называемых постмодернистами. В самом общем виде этот этап можно охарактеризовать как возвратное движение от метафизического к эмпирическому пониманию субъекта. Поскольку среди постмодернистов трудно выделить безусловно ведущую фигуру, я буду опираться главным образом на работы Р. Рорти как наиболее известные и доступные и к тому же отчетливо выражающие свою позицию.

Прежде всего, не переставая быть философами, они отказываются от метафизической традиции исследования вопроса «что есть субъект», но предлагают заменить его практическим вопросом. Как пишет Рорти, «современные философы, подобно инженерам и юристам, сначала должны выяснить, что нужно их клиентам»¹¹. (Напомню, что и софисты свою задачу понимали так же.) А поскольку историчность — неотъемлемое свойство жизни, то и потребности «клиентов» не остаются неизменными, что, в свою очередь, исключает из задач философии выработку «надмирных», поднимающихся над текучестью жизни концепций и ценностей.

Первое, что предлагается — отказаться от различения *приспособления* к реальности и *знания* реальности. На этой основе естественно исчезают и границы между биологической и культурной эволюцией. Устранение подлежат и «вечные» или «проклятые» (поскольку никогда окончательно не решаемые) вопросы философии. Вместо раздумий о вечном призывают заботиться больше о правдивости, чем об истине, больше о том, чтобы сила была справедливой, и меньше о том, чтобы истина восторжествовала.

Свобода, как и истина, тоже не является абсолютной ценностью. Более того, из понятия свободы исчезает такой атрибут, как ответственность. Р. Рорти пишет: «свобода, которую мы ценим, по большей части есть свобода быть честными друг с другом и не не-

¹¹ Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. — <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000662/> (июнь, 2017).

сти за это наказания»¹². Отсюда выдвижение на первый план философии способов аргументации и убеждения, вместо доминирующих ранее методов обоснования и доказательства, иначе говоря, риторика занимает место логики, а эпистемология с её претензиями на рациональность должна уступить место герменевтике, так как общество нуждается не в знании, а в «наставлениях». Фундаментальные принципы философии подлежат замене практическими примерами из повседневной жизни. Разум, истина, мораль — все это слова устаревшего словаря платоновско-кантовской философии, которым нет места в современном мире.

Сам Рорти излагает свое видение задач современной философии с опорой на прагматизм. Но мне это напомнило более древний образ — тех самых софистов, с которых мы начали обсуждение проблемы субъективности. И как там не было понятия субъекта как самосознающего себя ответственного бытия, так нет в нем нужды и теперь. Только разное отношение к реальности. Разум и рациональность, по мысли Рорти, были утешением и оправданием для людей, не справляющихся с реальностью. Но теперь, когда человечество обрело уверенность в собственных силах, люди оставят идею «представления реальности» и заменят ее идеей «использования реальности». Как пишет Рорти, — «Среда, в которой мы, люди, живем, ставит перед нами задачи, но, в отличие от Разума или Природы с большой буквы, мы не обязаны ее уважать или ей подчиняться. Наша задача — подчинить ее себе или адаптироваться к ней», а не составлять о ней представление или согласовываться с ней»¹³. Парадоксальность ситуации состоит в том, что возрастание субъективизма и даже волюнтаризма в отношении к реальности (в данном случае природе) сочетается с отказом от субъективности как сознающей свою ответственность личности.

Исчезновение субъекта — это оборотная сторона процесса исчезновения реальности. Мы действительно наблюдаем симптомы уничтожения реальности на фоне разворачивающейся антропологической и цифровой революций, меняющей все сферы жизни современного человека. В эпоху средств массовой информации, виртуальной реальности и сетей, мы уже сами с трудом различаем,

¹² Там же.

¹³ Рорти Р. Послесловие: прагматизм, плюрализм и постмодернизм // Историко-философский ежегодник. М., 2000. С. 462.

где продукт нашей виртуальной деятельности, а где реальные объекты. Это не могло не сказаться на состоянии современного человека: расщепленности сознания вследствие невероятного ускорения темпа жизни, её интенсивности, обесценивания «жизненного опыта», захвата информационными технологиями всей полноты существования человека, угрозы приватности, автономности его субъективного мира.

А с другой стороны, все громче звучат заявления о наступлении «постчеловеческой» стадии антропогенеза, которой суждено преобразовать как биологическую природу вида *homo sapiens*, преодолеть её ограниченность, так и его ментальные, социальные и культурные параметры. В сущности, речь идет о пересоздании мира, о творении реальности, которой раньше не было — в полном смысле искусственного мира. То, что меня больше всего беспокоит — каков человек (или постчеловек), который будет жить в этом новом мире, и не станет ли этот мир приговором историческому человеку. Если современный человек мог использовать природу как материал, сырье, был потребителем её ресурсов, не окажется ли он теперь в таком же положении и не станет ли созданная им постреальность потреблять самого человека? Что останется от субъекта после его оцифровки и пересадки на альтернативный носитель? Можно ли говорить о нем как об абсолютной ценности, на чем основывался гуманизм? Если жизнь человека становится полностью подконтрольной (чтение мыслей, а значит и возможность манипуляции, слежение, прослушивание, внешний принудительный контроль даже над работой собственного тела) это означает отказ от признания человека ответственным, обладающим собственной волей и сознанием субъектом. Идет процесс десубъективации человека.

В этом чувствуется нечто парадоксальное — *субъект исчезает, а субъективность нарастает*. Это порождает и определенные угрозы для бытия человека, когда возрастает его активное вмешательство в социо-природные процессы, но при этом растворяется субъект ответственности за эти действия, иначе говоря, субъективность приобретает черты небезопасной стихийности, а значит, по-новому встает проблема свободы и ответственности как атрибутов субъективности.

Я думаю, что о свободе можно говорить при наличии таких составляющих, как рефлексивность и ответственность. Как писал Бах-

тин, «всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте»¹⁴. Спасение — в культивировании самосознания. Я закончу мыслью Конрада Лоренца о значении самопознания и самосознания как условия «очеловечивания» человека. Благодаря самосознанию стали возможными отвлеченное мышление, словесный язык и, что особенно важно, совесть и мораль. Из этого он делает заключение, с которым я не могу не согласиться, что существо, переставшее рефлексировать, подвергается опасности потерять все свойства и способности. Иначе говоря, без этого действительно нас ждет смерть субъекта¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985 / Под ред. *И.Т. Фролова*. М.: Наука, 1986. С. 138-157.
- Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
- Декарт Р.* Размышления о первой философии // *Декарт Р.* Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 571 с.
- Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
- Платон.* Тезетт // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
- Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Ч. 1. Античность. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. 336 с.
- Рорти Р.* Послесловие: прагматизм, плюрализм и постмодернизм // Историко-философский Ежегодник 2000. М.: Наука, 2002. С. 454-469.
- Рорти Р.* Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29-34.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

¹⁴ *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники / Под ред. *И.Т. Фролова*. М., 1986. С. 108-109.

¹⁵ *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 18.

Хесле В. Философия и экология. М.: Издательская фирма АО «Ками», 1994. 192 с.

PARADOXICAL SUBJECTIVITY OR SUBJECTIVITY WITHOUT A SUBJECT

We consider the evolution of the key points of the problem of subjectivity in philosophy. As the protagonists of the drama of subjectivity Protagoras, Descartes and Richard Rorty are presented. Each marks a turning point in understanding this problem: an empirical interpretation of subjectivity by Protagoras, metaphysical shift of the problem by Descartes, anti-metaphysical turn in post-modernism, partly means a return to the empirical understanding of subjectivity and predicts its disappearance. We consider two ways to address the subject. The first — the return movement from the metaphysical to the empirical understanding of the subject, as a consequence of rethinking the tasks and the essence of philosophy (for example, R. Rorty position). The second — and redefining the concept of human nature in the context of anthropological and the digital revolution as a “posthuman” stage of anthropogenesis, which is destined to transform the biological nature of the species homo sapiens, and its mental, social and cultural settings. The paradox lies in the fact that in conditions of the growing intervention of the subject in the socio-natural processes the subject itself disappears, in other words, subjectivity acquires the features of the dangerous spontaneity and thus a new problem arises the problem of freedom and responsibility as the attributes of subjectivity.

Keywords: subject, subjectivity, relativism, doubt, skepticism, the cogito, posthuman, Protagoras, Descartes, Rorty.

Elena Leonidovna Chertkova — CSc in Philosophy, Senior Research Fellow.
RAS Institute of Philosophy; e-mail: eleon2005@yandex.ru

А.Ф. ЯКОВЛЕВА

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КРИЗИС СУБЪЕКТА В МИРЕ ЗНАНИЯ*

В настоящей статье анализируется сегодняшнее состояние научной деятельности с точки зрения места и роли в ней ее субъекта — носителя деятельности, ученого, активного участника научно-исследовательского процесса, субъекта научного творчества. Автор демонстрирует на примере современных явлений, с которым сталкивается ученый в течение творческого процесса, тенденции кризиса субъекта научной деятельности и изменения характера его субъективности. Рассмотрено влияние развития научных исследований на социальные процессы и, наоборот, показано, что налицо его кризисное состояние, т.к. уровень ответственности в процессе конструирования различных социальных связей между научными субъектами недостаточен для соблюдения этических норм, регулирующих нормальное функционирование развития науки, превращая процесс научного творчества в некоторую сумму технологий, что грозит размыванием и исчезновением субъекта научной деятельности.

Ключевые слова: научная деятельность, субъект, кризис, познающий субъект.

Сегодня в новом мире информационных, нано-, био- и когнитивных технологий, субъективный мир и автономия человека находятся в процессе изменения, трансформации, что может обогатить понимание субъективности, а может его свести к определенному технологическому упрощению. В каждой сфере жизни и деятельности человека это происходит по-своему. На

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

примере научной деятельности мы продемонстрируем, как эти факторы в совокупности с социальными и политическими условиями позволяют формулировать по-новому проблему субъекта в науке через анализ размывания субъекта и в целом кризисной ситуации, в которой он оказался. Данная статья посвящена вопросу трансформации понимания субъекта, происходящей с усложнением познавательных процессов и роста спроса со стороны общества и государства на науку определенного типа, ориентированную не на получение знания, претендующего на истинность, а на получение пользы, прикладного эффекта.

Можно выделить несколько основных причин, позволяющих нам об этом рассуждать на страницах этой книги. С одной стороны, проблема субъекта столь широка, что каждая ее грань важна для ее полноценного осмысления. Все-таки мы должны помнить, что субъект — носитель деятельности, сознания и познания. Такое понимание субъекта берет начало в философии Нового времени, что связано с характерным для нее субъектоцентризмом. Мы рассматриваем субъекта как носителя такой деятельности, которая способствует познанию мира, и это, конечно, человек, ведь мы говорим об изменениях, которые провоцирует бурное развитие когнитивных наук. С другой стороны, именно научное знание, в котором основной субъект — субъект познающий, автономный, являющийся отдельным ученым или коллективным субъектом (лабораторией, институтом и т.п.), подвергается сегодня очень серьезной перестройке. Идея деятельности здесь выступает как фундамент любого изменения, когда активность, направленная на преобразование внешнего мира, преобразует и самого субъекта. Научная деятельность как поиск истины имеет слишком большое значение в целом для культуры, поэтому анализ процесса трансформации научного субъекта может быть плодотворен и при анализе проблемы субъективности в целом в том философском значении, которое мы вкладываем в это понятие. Это актуально и с точки зрения задач самой нашей книги, которая направлена на осмысление проблемы субъективности в условиях «общества знания». По словам Б.Г. Юдина, — «тривиальность утверждения об определяющей роли науки в обществе знаний — не более чем видимость <...> следует прежде всего исходить из своеобразия качественных характеристик как современной науки, составляющей, если можно так выразиться, его базис, так и того соци-

ального мира тех условий жизни людей, которые не только формируются этой наукой, но и во многом определяют ее собственное условие»¹. Это не просто усиление влияния науки в обществе, это — «глубокие изменения именно в самом обществе, для которого новые научные знания и технологии — становятся не чем-то факультативным, а модусом его существования, его сутью как современного общества, средой, в которой оно обитает»².

Налицо двойственная ситуация, при которой роль науки и технологий в жизни человека и общества все больше возрастает, но становится одновременно опаснее для самой науки как специфической сферы деятельности человека, а процесс научного творчества часто заменяется рядом факторов, условий, тенденций, появляющихся в результате принятия определенных политических решений и, в особенности, критики науки, сводящейся к отрицанию того, что она представляет собой независимое, беспристрастное, критическое знание, направленное на поиск истины. Это связано с проблемой, останется ли истина ценностью познающего субъекта, в том числе и в процессе научного познания.

Как известно, субъект научной деятельности одновременно и индивидуальный, и коллективный. В связи с этим и возникает вопрос, не растворяется ли индивид в коллективных формах деятельности, и более того — не размывается ли субъект этой деятельности. Социальные институты, стереотипы деятельности, нормы обычно осваиваются индивидом и одновременно становятся социальными, но что происходит, когда индивид осваивает уже *ставшие* социальными нормы в науке? Об амбивалентном характере научной деятельности писали многие ученые, по словам Е.З. Мирской, — «изучение научной деятельности и ее субъекта — магистральное направление социальных исследований науки, поскольку определенные формы деятельности, поведение людей в науке являются и условием функционирования данного социального института, и его порождением»³.

¹ Юдин Б.Г. Человеческие ориентиры науки в обществе знания // Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. М., 2012. С. 275.

² Там же. С. 275-276.

³ Мирская Е.З. Человек в науке: социологические дискуссии XX века // Социология науки и технологий. 2010. № 4. С. 27.

Сейчас многочисленные социальные, политические, институциональные и иные факторы, такие как формулировка приоритетных направлений или «больших вызовов» развития науки, развитие систем оценки результативности научных исследований и институтов, применяемые не для понимания того, как развиваются научные направления, а для того, чтобы выделить или «срезать» финансирование, в сочетании меняют и саму структуру научного познания, и ландшафт научной деятельности. Отсюда и вопросы, совокупность ли усилий индивидуальных и коллективных субъектов научного познания сегодня представляет собой наука, поле научной деятельности? Коллективный субъект научной деятельности являет собой совокупность как индивидуальных субъектов, так и систему связей между ними и условий, в которых они существуют. Считается, что в основе любого акта научного мышления лежит индивидуальное мышление ученого. Основной вопрос, который получает актуальность в последние годы развития науки: действительно ли субъект научной деятельности, как индивидуальный, так и коллективный, *определяет особенности развития науки*? Не происходит ли медленная и незаметная замена роли субъекта научной деятельности в развитии науки совокупностью факторов и условий, в которые погружена наука, в результате чего научная деятельность теряет свою специфику, которая отличает ее от других типов деятельности и определяет ее место в культуре.

Поэтому мы считаем, что наряду с представлениями о «кризисе идентичности» и «смерти субъекта» речь сегодня необходимо вести о *кризисе субъекта научной деятельности*. Кризис — ситуация, когда «ставятся под сомнение концептуальные и методологические основания парадигмы научного исследования. В ситуации кризиса разрушаются устойчивые стереотипы восприятия научных данных, стандарты оценок, допустимых объяснений, размываются границы научной рациональности»⁴. Когнитивные установки, такие как, например, научный этос и нейтральность науки подвергаются серьезному внешнему давлению и часто искажаются самим учеными. В связи со всем этим в фокусе нашего внимания, в первую очередь, проблема размывания или исчезновения субъекта. Хотелось бы затронуть два аспекта этой проблемы с помощью возвращения к неко-

⁴ Порус В.Н. Кризис // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т.2. М., 2001. С. 321.

торым известным дискуссиям. Первая — проблема этоса науки, вторая — проблема познания без познающего субъекта. Наша задача показать, как они связаны в свете проблемы субъективности.

Р. Рорти уже пару десятилетий назад озвучил идею о том, что «современные философы, подобно инженерам и юристам, сначала должны выяснить, что нужно их клиентам»⁵. Кто же сегодня те самые «клиенты» ученых? Этими «клиентами» является даже не бизнес, и даже не всегда власть, которых объединяет, в силу малой погруженности в проблемы научного развития, отсутствие способности грамотно сформулировать запрос или заказ. «Клиентами» выступают сегодня эксперты фондов и конкурсов, которые, даже не всегда являясь специалистами в той специфической области, исследование в которой оценивают, пишут отрицательное заключение, или рецензенты журналов, которые могут не рекомендовать к публикации статью в силу принадлежности ее автора к другой научной школе.

Отметим, что изменение среды, в которой обитает современный субъект научной деятельности, ученый, усиление ее технологического характера, серьезно влияет на восприятие самими учеными науки и себя внутри нее. Ощущение кризиса в академических кругах и западных стран, и в России, нарастает, об этом активно стали писать западные ученые⁶. Наряду с социальными проблемами говорится о серьезном влиянии *эпистемных* проблем и рисков⁷, которые позволяют фиксировать и анализировать состояние и особенности развития современного научного знания⁸ в условиях «гиперконкуренции». Употребляя термин

⁵ Рорти Р. Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29.

⁶ Fochler M., Felt U., Muller R. Unsustainable growth, hyper-competition and worth in life science research: narrowing evaluative repertoires in doctoral and postdoctoral scientists' work and lives // Minerva. 2016. Vol. 54. N 2. P. 175-200. — doi: [10.1007/s11024-016-9292-y](https://doi.org/10.1007/s11024-016-9292-y).

⁷ Knorr-Cetina, K. Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge, MA; L., 1999. Fochler M., Felt U., Muller R. Unsustainable growth, hyper-competition and worth in life science research: narrowing evaluative repertoires in doctoral and postdoctoral scientists' work and lives // Minerva. 2016. Vol. 54. N 2. P. 175-200. — doi: [10.1007/s11024-016-9292-y](https://doi.org/10.1007/s11024-016-9292-y).

⁸ Alberts B., Kirschner M. W., Tilghman S., and Varmus H. Rescuing US biomedical research from its systemic flaws // Proceedings of the National

«эпистемическое жизненное пространство» («epistemic living spaces») ученого (введено в 2009 г. У. Фелт⁹), они подчеркивают, что «режимы оценки» с каждым годом играют все более важную и определяющую действия ученых роль в этом пространстве, и выделяют несколько типов таких проблем. Во-первых, это замена и доминирование технологической роли науки, ориентированной на гарантированный результат и создание технологий, а не на поиск научной истины. Во-вторых, это проблема конкуренции, возросшая благодаря изменениям систем финансирования, ориентированных на привлечение грантов и софинансирования со стороны бизнеса, и подготовки аспирантов и постдоков без одновременного увеличения количества рабочих мест для высококвалифицированных кадров и даже их сокращения. Это ведет к подавлению креативности, кооперации, рискованности и оригинальности мышления, которые требуются для фундаментальных открытий¹⁰. В-третьих, это активное развитие системы оценки работы ученых, напрямую связанное с необходимостью соответствовать определенным требованиям, таким как публикации в высокоцитируемых журналах, поиски грантового финансирования, работа по востребованным темам. «Опасность интеллектуального оппортунизма» возникает из-за того, что каждый представитель академического сообщества должен найти свою «рыночную нишу», т.е. область исследования, в рамках которой он мог бы реализовать свои научные способности и создать себе репутацию. В результате академическая деятельность превращается в своеобразное «интеллектуальное предпринимательство», ориентированное на успех в научном сообществе, но всегда связанное с риском неудачи.

Так как же вести ученому себя в этой среде, чтобы остаться действующим субъектом научной деятельности в условиях соци-

Academy of Sciences. 2014. 111(16). P. 5773–5777. — doi: [10.1073/pnas.1404402111](https://doi.org/10.1073/pnas.1404402111).

⁹ Knowing and living in academic research. Convergence and heterogeneity in research cultures in the European context / Ed. by U. Felt. Prague: Institute of Sociology of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2009. 246 p.

¹⁰ *Alberts B., Kirschner M. W., Tilghman S., and Varmus H.* Rescuing US biomedical research from its systemic flaws // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. 111 (16). P. 5773–5777. — doi: [10.1073/pnas.1404402111](https://doi.org/10.1073/pnas.1404402111).

альной сверхдетерминации этого субъекта в связи с серьезным ростом влияния социальной роли науки на нормы научной деятельности в последние годы. Под угрозой и нормальное функционирование науки — ее этос. И социальные системы норм вообще, поддерживаются чувствами, эмоциями тех, к кому он применяется, в данном случае субъектами научной деятельности, учеными.

Поэтому сегодня важно также переосмыслить формулу CUDOS, предложенную Р.Мертоном и развитую его последователями и оппонентами, и то, как индивидуальный и коллективный субъекты научной деятельности реагируют в современных условиях на разнообразные виды нарушения принципов Мертона и как это меняет структуру самого субъекта научной деятельности в его отношении с объектом и другими субъектами.

«Непосредственное воздействие этических норм на научное познание является сегодня не прекраснодушным пожеланием, но повседневной реальностью, можно даже сказать — рутиной, с которой приходится иметь дело множеству людей»¹¹, — пишет Б.Г. Юдин. Несмотря на то, что последние годы слышится много голосов о том, что нормы, предложенные Мертоном, необходимо пересмотреть, что они устарели, прошло не так-то много времени с момента, когда научное сообщество формально их приняло. По сути, еще совсем недавно, в 1987 году, в программу Международного конгресса по логике, методологии и философии науки, проходившего в Москве, был включен межсекционный симпозиум «Этика и наука», где, по воспоминаниям И.С. Мелюхина, в защиту этого научного направления выступал Э. Агацци, а Б.Г. Юдин в своем докладе подчеркнул, что «этика науки, выявляя и анализируя нравственное содержание научной деятельности, выступает как одна из форм рационального самопознания науки в ее человеческом и социальном измерении»¹². Но, к сожалению, «так или иначе, исследователи, изучавшие науку как социальный институт и как специфическую сферу деятельности, поставили мертоновскому этосу науки диагноз „несовместимости с жизнью“, тем са-

¹¹ Юдин Б.Г. Человеческие ориентиры науки в обществе знания // Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского. М., 2012. С. 292.

¹² Мелюхин И.С. Международный конгресс по логике, методологии и философии науки // Вестник РАН. 1988. Т. 5. № 11. С. 96-97.

мым, вынеся этой концепции „смертный приговор“, — дает Е.З. Мирская общую характеристику критических дискуссий вокруг концепции Мертона¹³.

Впервые проблему научных норм Роберт Мертон сформулировал в статье «Наука и социальный порядок» (1937). Основное изложение концепции научного этоса он дал в статье «Нормативная структура науки» (1942)¹⁴. Этосом науки Мертон называет комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными, выражающихся в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений на институциональном уровне. Этос науки создается четырьмя множествами институциональных императивов — универсализмом (Universalism), коммунализмом (Communalism), внезаинтересованностью (Disinterestedness) и организованным скептицизмом (Organized Skepticism). По словам Е.З. Мирской, именно «Мертон и его школа сделали предметом изучения именно деятельность в социальном институте науки: по каким правилам действуют люди; какими нормами они руководствуются; какие роли выполняют; чем стимулируются (система ценностей и наград); в какие объективные структуры (стратификации, коммуникации) включены»¹⁵.

На примере реализации принципа коммунализма (коммунизма, всеобщности, коллективизма), который подразумевает, что результат исследования является общественной собственностью и должен быть доступен для всех, т.к. вносит вклад науку, покажем тот самый амбивалентный характер этоса науки и взаимоотношений науки и социальной сферы. Этому принципу противоречит установка многих мировых издательств против так называемой «политики открытого доступа», которой сегодня следует все больше журналов, а реализует этот принцип явление известного сайта SCI-HUB, который стал бичом издательств и спасением самих ученых, при этом фактически являясь пиратским по отношению к обладающим правами на статьи, размещенными в нем, меж-

¹³ *Мирская Е.З.* Этос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этос науки. М., 2008. С. 136, 137

¹⁴ *Merton R.K.* Social theory and social structure. N. Y., 1968. *Merton R.K.* The ambivalence of scientists // R.K. Merton sociological ambivalence and other essays. N. Y., 1976. P. 32-55. *Merton R. K.* The institutional imperatives of science // *Sociology of science*. L., 1972.

¹⁵ *Мирская Е.З.* Человек в науке: социологические дискуссии XX века // *Социология науки и технологий*. 2010. №4. С. 28. С. 26-44.

дународных издательских холдингов и журналов. Концепцию открытого доступа (Open Access) предложила Будапештская инициатива открытого доступа (БИОД): «Под «открытым доступом» мы подразумеваем свободный доступ к ней через публичный Интернет, и право каждого пользователя читать, загружать, копировать, распространять, распечатывать, искать или делать ссылки на полнотекстовые статьи, проводить поиск роботами-индексаторами, вводить их как данные в программное обеспечение или использовать для других законных целей при отсутствии финансовых, правовых и технических преград, за исключением тех, которые регулируют доступ к собственно Интернету»¹⁶. Все научное сообщество в 2016–2017 году поразило и то обстоятельство, что германские научные институты практически в полном составе отказались от платных подписок на электронные ресурсы ведущих мировых издательств, считая, что их политика как раз противоречит принципу всеобщей доступности знания. Это положительный пример, но существует и масса отрицательных, которые показывают состояние кризиса научного сообщества. Этот пример подсказывает нам, что этос сам по себе не существует, он должен поддерживаться своими носителями, субъектами. Сейчас же получается, что есть этос, теоретические правила игры, которые мы принимаем, но сверхдетерминация социальностью процесса научного познания ведет к тому, что эти нормы не выполняются. Однако — и это представляет интерес с точки зрения проблемы субъективности — при принятии правил игры любое их нарушение приводит к противодействию, к негодованию тех, кто этих правил придерживается, т.е., например, в данном случае в научном сообществе должно было происходить резкое отрицание того, что происходит. Очень наглядным примером нарушения сразу нескольких принципов CUDOS, который наблюдается сегодня в научном сообществе, может выступать ситуация с наукометрической оценкой труда ученого. Как только уровень цитируемости или в целом представленности в поле научной коммуникации, частью которого являются всевозможные индексы, начинает детерминировать зарплату ученого, возникают различные нелицеприятные явления, такие как безудержное самоцитирование, цитирование

¹⁶ См.: <http://www.budapestopenaccessinitiative.org/boai-10-translations/russian> (апрель, 2017).

без какого-либо научного повода студентами и аспирантами работ своего научного руководителя, сговор журналов, отдельных ученых и целых институций по взаимному цитированию, которое никакого отношения, конечно, к науке не имеет. И все-таки ученые относятся к этому самокритично, что демонстрирует набравший огромную популярность ролик, созданный самими учеными на базе сюжета индийского фильма, размещенный на YouTube, посвященный индексу Хирша, главный тезис которого звучал так: «О, радость взаимного цитирования», «давайте процитируем друг друга и затем все вместе процитируем нашего султана»¹⁷...

С идеей познания без познающего субъекта, особенно научно-го познания, при размытии индивидуального и коллективного когнитивного субъекта мы имеем дело почти уже скоро век, с момента, когда в понимании знания произошли изменения, определившие дальнейшее развитие эпистемологии и появление многочисленных релятивистских концепций. Карл Поппер в свое время высказал идею эпистемологии без познающего субъекта в своей концепции объективного знания, которая фактически была взята за основу релятивистами и повлекла появление множества теорий, в которых происходит отказ от стремления к истине. После появления в 1962 году работы Томаса Куна «Структура научных революций»¹⁸ получила развитие идея о том, что догматизм определяет условия работы в науке. А ведь Кун обращает особое внимание на коллективный характер научной деятельности, утверждая, что отдельный ученый не может рассматриваться в качестве полноценного субъекта научной деятельности. Конечно, научное познание — во многом дело коллективное, никто с этим и не спорит, но коммуникации между коллективными субъектами Кун не предполагает, т.к. настаивает на принципиальном различии научных парадигм и их несоизмеримости. И сегодня эти коллективные субъекты становятся в большей мере, чем ранее, конструируемыми искусственно, т.к. учитывают различные внешние факторы, влияющие на то, чтобы задачи исследования вообще были реализованы, а значит, давление парадигмальности и, следовательно, релятивности, все больше усиливается. Сегодня, как нам представляется, идея теории позна-

¹⁷ См.: <https://www.youtube.com/watch?v=ElCIrYUOI40> (май, 2017).

¹⁸ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М., 1977.

ния без познающего субъекта уже практикуется, допускается в результате принятия ряда политических решений и доминирующего участия в процессе научной деятельности заказчика.

Социологическое направление в науке со времен Куна прочно устоялось и произвело еще ряд идей, объединяет которые анализ развития науки через контекст жизнедеятельности человека и общества. Как пишет Э. Агацци, — «мы должны отличать последствия этого подхода на когнитивном и практическом уровнях, а также учесть отношения между индивидуальным и коллективным вкладами в рост науки»¹⁹. Отказ от идеи научной объективности в пользу социальной детерминации науки подвергся критике как научный релятивизм, а реальность как результат конструкции перестала быть *объективной реальностью, в основе которой лежит самость или субъективность*. В недавно вышедшей на русском языке книге «Научная объективность и ее контексты» Эвандро Агацци проводит установку, которая максимально близка и нам, о том, что необходимо защищать научную объективность как «нечто такое, что влечет относительность научного знания, но в смысле отнесенности к специфическим объектам, а не к когнитивным установкам»²⁰. Подчеркнем его мысль о защите научной объективности, а не о ее оправдании, как и самой науки.

Но нужно ли науке оправдание? Оправдание социальное, в первую очередь. Нужно, но скорее, не оправдание, а объяснение, то, что сегодня широко называется популяризацией, но популяризация не только открытий, каких-то модных научных проблем, типа теории струн, а объяснение обществу, что является конечной целью науки. Иначе и ученые могут поставить вопрос об оправдании общества перед ними, оправдании за во многом односторонний характер их связи. Ведь как бы ни утверждали, что наука влияет на общество, в первую очередь, это происходит потому, что общество использует достижения науки, а не наоборот. Когда же парадигмальность приходит из теоретической и экспериментальной науки в отношения власть-общество-наука, а власть оправдывает свои отношения с наукой общественной пользой, наука от этого может только пострадать.

¹⁹ Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / Пер. с англ. Лахути Д.Г. / Под ред. и с предисл. Лекторского В.А. М., 2017. С. 593.

²⁰ Там же. С. 596.

Если вспомнить Гегеля, то в его диалектической идее есть тезис, что со временем в любой идее меняются местами субъект и объект, а также субъект и предикат. Предшествующий опыт нас не отпускает, сознание отталкивается от него при принятии решений или оценке ситуации, а также выборе. Предикат начинает превалировать, т.е. некое свойство объекта, которое нам знакомо или виднее других.

Владислав Александрович Лекторский высказался в предисловии к этой книге, что сегодня наша очень важная базовая идея самодостаточной, автономной личности под большим сомнением. Это очень верно, это в целом, а в науке это происходит уже давно. И ситуация в науке может продемонстрировать, куда может привести отказ от такой самодостаточной личности.

ЛИТЕРАТУРА

- Агаци Э.* Научная объективность и ее контексты / Пер. с англ. Лахути Д.Г. / Под ред. и с предисл. Лекторского В.А. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
- Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова / Общ. ред. и послесл. С.Р. Микиулинского и Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
- Мелюхин И.С.* Международный конгресс по логике, методологии и философии науки // Вестник РАН. 1988. Т. 5. № 11. С. 93-101.
- Мирская Е.З.* Человек в науке: социологические дискуссии XX века // Социология науки и технологий. 2010. №4. С. 27. С. 26-44.
- Мирская Е.З.* Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этнос науки. М., 2008. 544 с.
- Порус В.Н.* Кризис // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 2. М., 2001. С. 321.
- Юдин Б.Г.* Человеческие ориентиры науки в обществе знания // Человек в мире знания. К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Под ред. Н.С. Автономовой, Б.И. Пружинина. М., 2012. С. 275-294.
- Порти Р.* Философия и будущее // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 29-34.
- Fochler M., Felt U., Muller R.* Unsustainable growth, hyper-competition and worth in life science research: narrowing evaluative repertoires in doctoral and postdoctoral scientists' work and lives // Minerva. 2016. Vol. 54. N 2. P. 175-200. — doi: [10.1007/s11024-016-9292-y](https://doi.org/10.1007/s11024-016-9292-y).

- Knorr-Cetina K.* Epistemic cultures: how the sciences make knowledge. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1999. 352 p.
- Knowing and living in academic research. Convergence and heterogeneity in research cultures in the European context. Ed. by *U. Felt*. Prague: Institute of Sociology of the Academy of Sciences of the Czech Republic, 2009. 246 p.
- Merton R.K.* Social theory and social structure. N. Y.: The Free Press, 1968. 702 p.
- Merton R.K.* The ambivalence of scientists // R.K. Merton sociological ambivalence and other essays. N. Y.: The Free Press, 1976. P. 32-55.
- Merton R.K.* The institutional imperatives of science // Sociology of science. L., 1972. P. 65-79.
- Tilghman S., and Varmus H.* Rescuing US biomedical research from its systemic flaws // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. 111(16). P. 5773–5777. — doi: [10.1073/pnas.1404402111](https://doi.org/10.1073/pnas.1404402111).
- [Электронный ресурс:] <http://www.budapestopenaccessinitiative.org/boai-10-translations/russian> (апрель, 2017).
- [Электронный ресурс:] <https://www.youtube.com/watch?v=ElClrYUOI40> (май, 2017).

SCIENTIFIC ACTIVITY: THE CRISIS OF THE SUBJECT IN THE WORLD OF KNOWLEDGE

In this paper the author analyzes the current state of scientific activity from the standpoint of place and the role of its subject — a scientist, an active participant in the research process, the subject of scientific creativity. The author demonstrates the most relevant current phenomena faced by the scientist during the creative process, the trends that show the crisis of the subject of scientific activity and the changing nature of its subjectivity. The influence of the science development on social processes and vice versa is researched and the state of crisis is detected. The reason for this crisis lies in the fact that the level of responsibility in the building of various social relations between scientific actors is insufficient to comply with the ethical rules governing the normal functioning of science, turning the process of scientific creativity to a kind of technology that threatens to erode or even destroy the subject of scientific activity.

Keywords: scientific activity, science, crisis, subject, the knowing subject.

Alexandra Fedorovna Yakovleva — CSc in Political Science, Leading Research Fellow. Lomonosov Moscow State University; e-mail: afyakovleva@gmail.com

В.В. ВАСИЛЬЕВ

КАК ПОКАЗАТЬ, ЧТО СВОБОДА ВОЛИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИЛЛЮЗИЕЙ

В статье обсуждается вопрос об основательности эмпирических доводов в пользу тезиса об иллюзорности свободы воли. Автор утверждает, что для нейтрализации стандартных аргументов такого рода достаточно дать определение понятия свободы воли. Оно предполагает, что свобода воли складывается из свободы действия и рационального выбора индивида. В статье также показано, что данное определение не является произвольным.

Ключевые слова: свобода воли, иллюзорность свободы воли, эксперименты Либета.

Как показать, что свобода воли не является иллюзией? Для того чтобы рассмотреть этот вопрос, нужна преамбула, необходимый контекст. Но сначала я дам краткий ответ на поставленный вопрос, который может показаться наивным, а именно: *во многих случаях* для этого достаточно будет попросту определить или уточнить понятие свободы воли. В этом состоит моя позиция. Подход может показаться наивным, потому что все мы понимаем, что определение — вещь условная. Разумеется, можно так произвольно определить понятие свободы воли, что она не будет иллюзией. Но я покажу, что нужное для этого определение является не номинальным и произвольным, а вполне реалистичным.

Теперь о контексте данного вопроса. Насколько этот вопрос вообще актуален — является или не является свобода воли иллюзией? Тут необходимо несколько уточнений. Обратите внимание, прежде всего, вот на какую странность: в нашей литературе не только об иллюзорности свободы воли, но вообще о свободе воли — важнейшей проблеме классической метафизики — еще не

так давно почти ничего не писали, до недавнего времени это была самая игнорируемая в нашей литературе метафизическая проблема. Если мы вернулись бы лет на пять назад, то могли бы обнаружить, что за многие десятилетия были лишь единичные концептуальные публикации по проблеме свободы воли. У меня есть объяснение этому факту. Дело в том, что наша философия на протяжении долгого времени развивалась под влиянием континентальной традиции, в которой такие классические темы вообще не обсуждаются. В этой традиции какие-то классические темы пострадали больше, какие-то меньше, но данная тема пострадала больше всех. Сейчас положение дел в нашей стране меняется. Я назову имена людей, которые по этой проблеме много публикуются: Даниил Разеев, Дмитрий Волков, Сергей Левин, Диана Гаспарян, Мария Секацкая, Артём Беседин, Евгений Логинов и другие. В последние годы мы видим множество таких публикаций. И это очень хорошо. Обратите внимание еще и вот на что: все перечисленные мною люди представляют новое поколение аналитических философов России. Все эти люди ангажированы аналитической философией. Не случайно, что они пишут о свободе воли, ведь свобода воли — это одна из самых обсуждаемых тем новейшей аналитической философии, которая продолжает и развивает великие темы классической философии.

Теперь поставим вот какой вопрос. Я сказал, что эта тема обсуждается в аналитической философии. А какое мнение у аналитических философов относительно иллюзорности свободы воли? Ответ на этот вопрос можно дать, потому что проводились социологические исследования на этот счет. Большинство аналитических философов в данном вопросе — около 60% — занимают компатибилистскую позицию, признают реальность свободы воли, а не иллюзорность, и, более того, допускают совместимость свободы воли и детерминизма. Лишь чуть более 10% современных аналитических философов считают свободу воли иллюзией¹. Так почему же тогда эта тема актуальна? Она ведь все-таки актуальна, и не только в контексте этой конференции, но и сама по себе, и вот почему. Даже если она не очень важна для аналитических филосо-

¹ См.: *Логинов Е.В.* Прагматическое истолкование свободы воли // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 6. 2015. С. 52-68.

фов, тем не менее, многие ученые, занимающиеся экспериментальными исследованиями, в частности, изучением произвольных действий (как они часто это называют), как говорил в своем докладе на данной конференции уважаемый профессор Б.М. Величковский, так вот, многие ученые считают свободу воли иллюзией, и это влияет на массовую культуру, в том числе на массовую философскую культуру. Для подтверждения достаточно посмотреть на названия недавно вышедших популярных книг (я их сейчас процитирую): «Миф о свободной воле», «Разрушая иллюзию свободы воли», «Иллюзия свободной воли», «Великая иллюзия мифа свободной воли, сознания и самости» и т.п. Большинство этих книг не переведены на русский язык, но есть и переведённая — на шумевшая книга Харриса².

Теперь следующий вопрос: на чём основываются многие учёные, признающие свободную волю иллюзией? Ответ достаточно очевиден. Большая часть утверждений об иллюзорности свободы воли происходит из экспериментов Бенджамина Либета. С позицией Либета, которому в этом году исполнилось бы сто лет и который проводил эти знаменитые эксперименты, породившие вал литературы, уже в зрелом возрасте (около семидесяти лет), связан ряд тонкостей. К примеру, хотя рассуждения об иллюзорности свободы воли обычно опираются на его эксперименты, сам он не отрицал свободу воли. Более того, он был либертарианцем, сторонником абсолютной, несовместимой с детерминизмом свободы воли. Те, кто исходят из его экспериментов, полагают, что он рассуждал непоследовательно, и я согласен с этим. Поэтому забудем сейчас о его позиции и вспомним суть самих экспериментов. Либет опирался на феномен, который был открыт ещё в шестидесятые годы — так называемый «потенциал готовности» определенных участков мозга, который можно истолковать как первую фазу запуска поведения, как принятие мозгом решения. Потенциал готовности можно зафиксировать, снимая энцефалограмму. Либет просил человека — участника эксперимента — взмахнуть рукой тогда, когда тот захочет. И запомнить время, когда ему захотелось сделать это. Человек смотрел на специальные часы, стрелка которых быстро пробегала круг, и запоминал, где она находилась, когда он захотел взмахнуть рукой. Одновременно измерялся потен-

² Харрис С. Свобода воли, которой не существует. М., 2015.

циал готовности. Результаты известны: выяснилось, что мозг «принимает решение» за несколько сотен миллисекунд до того, как человек осознаёт свое желание, или воление³.

Почему это угрожает представлениям о свободе воли? Потому что, кажется, что волевое усилие запаздывает за решениями, за мозгом, значит, оно не играет каузальной роли и, значит, тут действительно есть какая-то иллюзия. Не мы свободно решаем что-то сделать, а за нас решает наш организм. А ощущение этого решения — это эпифеноменальный шлейф, который тянется за физиологическими процессами. Но мы-то считаем это не шлейфом, мы считаем, что осознанное решение вызывает действие. Мы находимся во власти иллюзии, говоря о свободной воле, волевом решении. Я сознательно пока не определяю понятия свободной воли, а опираюсь на несколько размытые интуитивные представления.

Как критикуют Либета? Ведь его эксперименты много критиковали. Часто критикуют так: потенциал готовности нельзя смешивать с принятием решений, это не одно и то же. И такой критике непросто противостоять. Но я все же пойду другим путём. Я допущу, что потенциал готовности и есть решение мозга, первая фаза соответствующих процессов запуска поведения. И, тем не менее, даже если это допустить, на самом деле для сомнений в реальности свободы воли серьёзных оснований нет. Чтобы понять, почему это так, нам нужно заняться дефиницией понятия свободы воли. Чтобы она была реальной, а не номинальной, её нужно привязать к какому-то несомненному факту нашей жизни. Я не буду во всех деталях об этом говорить, просто прочерчу линию. Один из очевидных моментов в том, что мы склонны говорить об отсутствии свободы воли, когда есть принуждение. Принуждение уничтожает свободу воли — это первый несомненный факт. Второй момент: что такое принуждение, как его охарактеризовать? Принуждение имеет место тогда, когда с индивидом происходит что-то против его желания. Есть и другие моменты, но то, что это происходит против его желания, несомненно. Теперь, если эти моменты совместить, мы получим такое понимание: свободны мы тогда, когда наши действия соотносятся с нашими желаниями. Мы свободны, когда находимся в таком состоянии, что если бы мы поже-

³ *Libet B. Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness. Cambridge: Harvard University Press, 2004.*

ляли вести себя иначе, то мы повели бы себя иначе. Такая дефиниция привязана к обыденным контекстам. Но это не единственное интуитивное условие свободы, помимо этого необходим рациональный выбор. Мы не готовы говорить о свободе воли животных, хотя они часто находятся в таком состоянии, что, если они пожелают вести себя иначе, они будут вести себя иначе. Но у них нет рационального выбора, поэтому нужно сразу ввести это дополнение, иначе в дефиниции будет дыра. Свобода действия плюс рациональный выбор дают нам свободу воли.

Теперь посмотрим на эксперименты Либета и соотнесём их с этой обычной для современной литературы дефиницией⁴. Действует ли тут индивид сообразно своим желаниям? Конечно да, таковы условия эксперимента, он хочет совершить это действие. Второй момент: предшествует ли этому либетовскому действию рациональный выбор? Да, предшествует. Субъект согласился на эти эксперименты, он сделал выбор, что через какое-то время он будет так себя вести. Почему же тогда последователи Либета считают, что этот эксперимент опровергает свободную волю? Тут тонкий момент: они могут сказать, что для свободы воли нужна не только сообразность действий желаниям, но и то чтобы желания играли прямую каузальную роль по отношению к действиям, а тут этого вроде бы нет. Свободно действие, которое не просто совершается сообразно желаниям, но и *вследствие* желаний. То есть желания играют каузальную роль, а эксперимент Либета, как кажется, это ставит под сомнение. Но на самом деле и это не так. Эксперименты Либета не показывают, подчёркиваю, *не показывают*, что желания не играют каузальной роли. Они показывают, что *осознанные* исполнительные желания, осознанные воления, не играют её⁵. Но для защиты свободы воли достаточно признать наличие бессознательных ментальных импульсов, лишь бы им предшествовал рациональный выбор и они соответствовали желаниям. Не обязательно в эту схему встраивать тезис, что осознанное желание должно перерасти в осознанный исполнительный импульс, воле-

⁴ Ср.: Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.

⁵ Васильев В.В. Сознание и вещи: Очерк феноменалистической онтологии. М., 2014; Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.

ние, играющее каузальную роль. Если признать важным, что ментальные состояния должны играть каузальную роль, то можно допустить, что эти импульсы могут оказываться бессознательными. Лишь бы они были ментальными, и лишь бы им предшествовал рациональный выбор. Эксперименты Либета нацелены на то, чтобы показать, что сознательное воление запаздывает за решением мозга. Ничего другого они в принципе показать не могут. Таков уж их дизайн: участник эксперимента фиксирует время своего осознанного решения или воления. И, думаю, многие согласятся, что в допущении бессознательных ментальных состояний и, в частности, волений, которые потом доходят до сознания, нет ничего невозможного. Это отдельная тема, но относительно принципиальной возможности бессознательных ментальных состояний никто, я думаю, не будет спорить. И этого вполне достаточно для нейтрализации либетовских экспериментов.

Мой вывод такой: экспериментальная научная база о возможной иллюзорности свободы воли очень и очень шаткая. Она настолько шаткая, что философы редко принимают всерьёз эти эксперименты. Даже такие авторы, как Дэниел Деннет, который держится вместе с экспериментальной наукой, борется с обыденными иллюзиями, даже он защищает реальность свободы воли⁶. Но интрига состоит в том, что представление об иллюзорности свободы воли основано не только на экспериментальных данных. Тезис об иллюзорности свободы воли можно доказывать и чисто философскими доводами. Они-то, на мой взгляд, гораздо более интересны и сильны. Тут приходит в голову два знаменитых аргумента: «аргумент последствий» — «Consequence Argument» Питера ван Инвагена и, конечно же, «манипулятивный аргумент» Дерка Перебума. Тут много чего можно было бы сказать, но поскольку контекст нашей конференции междисциплинарный, то я остановился именно на популярных междисциплинарных аргументах Либета. Что же касается философских аргументов на эту тему, то я считаю, что философские аргументы тоже можно нейтрализовать, но это предмет другого разговора.

⁶ *Dennett D. Intuition Pumps and Other Tools for Thinking. N. Y., 2013.*

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В.В.* Сознание и вещи: Очерк феноменилистической онтологии. М.: URSS, 2014. 240 с.
- Лекторский В.А.* Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3-15.
- Логинов Е.В.* Прагматическое истолкование свободы воли // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 6. 2015. С. 52-68.
- Харрис С.* Свобода воли, которой не существует. М.: Альпина Пабlishер, 2015. 110 с.
- Dennett D.* Intuition Pumps and Other Tools for Thinking. N. Y.: W.W. Norton & Company, 2013. 512 p.
- Libet B.* Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 272 p.

HOW TO DEMONSTRATE
THAT FREE WILL IS NOT AN ILLUSION

The article touches the question of the thoroughness of the empirical arguments in favor of the thesis claiming that free will is an illusion. The author argues that it is enough to give a definition of the concept of free will to neutralize these standard arguments. The definition suggests that free will consists of freedom of action and of the rational choice of the individual. The article shows that this definition is not random.

Keywords: free will, illusion of free will, Libet experiments.

Vadim Valerievich Vasiliev — DSc in Philosophy, Professor, Head of the Department. Lomonosov Moscow State University.

В.Г. ЛЫСЕНКО

СУБЪЕКТ И СУБЪЕКТИВНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ БУДДИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ АБХИДХАРМЫ¹

В связи с бурным развитием когнитивных и нейронаук в западной философии сознания произошли значительные перемены. В частности, был поставлен вопрос о «смерти субъекта» (имеется в виду концепция субъекта, как она формулировалась в классической европейской философии картезианского направления). В связи с этим возник интерес к разным другим моделям субъективности, названным в современной литературе «неэгологическими», в том числе и в восточных традициях, особенно в буддизме. В статье рассматриваются основные принципы буддийской философии и религии, которые при своем развитии привели к созданию оригинального буддийского учения анатмавада — «доктрины не-Я». В свете этой концепции анализируется и отчасти реконструируется подход буддийских философов школ абхидхармы к проблеме субъекта и субъективности, понимаемой как перспектива переживания опыта «от первого лица». На материале буддийской концепции пяти скандх показано, как работает буддийская теория индивидуального когнитивного опыта. Проводятся параллели с европейскими философскими концепциями, например, «кластерной теории я» (Д. Юм), теориями «энактивного познания» (Варела, Томпсон), концепциями «нарративного Я» и «минимального Я» (Дан Захави).

¹ В данном случае абхидхарма — это направление в буддийской философии, главным методом которого является анализ опыта в терминах составляющих его предельных единиц, дхарм, и каузальных отношений между ними. Именно об этом направлении и пойдет речь в данном исследовании. См.: *Лысенко В.Г. Абхидхарма // Буддийская философия. Энциклопедия / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011. С. 62-66.*

Ключевые слова: субъект, субъективное, эссенциализм, атман, Я, анатмавада, буддизм, абхидхарма, сравнительная философия, философия сознания, философия языка.

В западной философии о «смерти» метафизического субъекта, «субъективности без субъекта», «неэгологической перспективе субъективности» речь зашла в конце XX – начале XXI в. в связи потребностью философски осмыслить результаты стремительного развития когнитивных наук и нейробиологических исследований сознания. Именно такой постановкой проблемы можно объяснить возникновение интереса западных философов к доктрине «не-Я», или анатмавады — учения об отсутствии атмана (неизменной души / самости / сущности), разработанной в буддийской философии. В современной научной и философской литературе буддийскую позицию определяют как анти-эссенциализм.

Буддисты и буддологи в последние годы часто являются участниками научных и философских мероприятий, посвященных проблемам субъективности². К сожалению, в нашем сообществе это, скорее, исключение, чем правило. В одном из докладов на данной конференции, посвященном «смерти субъекта», была ссылка на некую «восточную традицию», где что-то такое было, но что именно и в какой традиции — осталось под вопросом. Считаю необходимым пояснить, что эта традиция буддийская и только буддийская! Даже в Индии, где буддизм появился в V в. до н.э., доктрина анатмавады бросала вызов всем существующим тогда (а их было чрезвычайно много — не случайно этот период индийской истории называют «брожением умов») представлениям о душе и посмертной участи человека³. Об этом свидетельствует об-

² Self, No Self? Perspectives from Analytical, Phenomenological, and Indian Traditions / Red. Mark Siderits, Evan Thompson, and Dan Zahavi. Oxford, 2011. Эта книга явилась результатом Self- Non-Self Workshop. Copenhagen University, Denmark. April 15-16, 2009.

³ Сошлюсь на слова одного из отцов-основателей буддологии Томаса Рис-Дэвидса: «...буддизм, пренебрегший душой, стоит особняком среди других религий Индии. Решительность и оригинальность, с которой он начал новый путь, очевидны в связи с полной обособленностью буддизма, если брать именно этот аспект, от всех других религиозных

ширная полемика между буддистами и последователями других школ индийской философии, которая продолжалась более 2-х тысячелетий. В этой полемике буддисты и оттачивали свои «анти-эссенциалистские» аргументы.

Чтобы лучше понять, как в столь глубокой древности могла появиться такая оригинальная концепция, необходимо составить хотя бы самое общее представление о принципах буддийской философии. Начну с религиозных установок, которые в случае буддизма послужили выработке оригинальной философской стратегии. Обратим внимание на то, что в отношении буддизма «религиозное» понимается не в смысле веры в бога или в сверхъестественные силы, а только в смысле сотериологии (христианский термин, обозначающий учение о спасении). Вместе с тем, хотя буддизм является сотериологическим учением, в нем отсутствует представление о Спасителе, роль же Будды состоит не в том, чтобы спасти, а в том, чтобы указывать *путь* к спасению, который каждый должен пройти сам на свой собственный страх и риск. Не случайно буддизм иногда называют религией «спасения собственными силами»⁴. Будда высказывался в том духе, что он не отвечает за тех, кто, спросив его, как добраться в какое-то определенное место, и получив точные указания, заблудился по дороге. Поэтому «спасение» — не самое удачное слово, правильнее говорить об освобождении, под которым в Индии подразумевали освобождение от сансары (перерождений в разных телесных оболочках в соответствии с законом кармы — воздаяния «по делам»).

систем, существовавших тогда в мире. И огромная трудность, с которой сталкиваются европейские авторы, еще находящиеся под влиянием анимистических предубеждений, в оценке и даже в понимании этой доктрины, могут помочь нам осознать, как, должно быть, трудно было основателю сего предпринять столь решительный и столь далеко идущий и в религии и в философии шаг на таком раннем этапе развития человеческой мысли». *T. Rhys-Davids. Introduction to Pothapada Sutta // Dialogues of the Buddha. Sacred Books of Buddhists. Vol. II. 1899. P. 242-243.*

⁴ Здесь будет уместно вспомнить и знаменитое объявление из фильма Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён» — «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!».

В буддизме освобождение достигается через радикальное преобразование обыденного, омраченного аффектами и ложными мысленными конструкциями состояния сознания в пробужденное, просветленное состояние будды (бодхи), которое открывает все как оно есть (ятхабхутам). Это состояние называется «нирваной» — «угасанием», «потуханием аффектов» (страстей, желаний, привязанностей, невежества). Таким образом, в центре буддистского сотериологического праксиса — не столько вера, сколько работа с собственным сознанием. Будда говорил «Все мое учение имеет лишь один вкус — вкус освобождения».

Из этого принципа вытекают очень важные философские последствия. Прежде всего, тот факт, что буддизм не интересуется миром как таковым, независимым от нас, а только миром, как он открывается в индивидуальном опыте человека, поэтому именно этот опыт и непременно от первого лица, т.е. пережитый каждым вставшим на буддийский путь, является основной точкой отсчета для буддийской религии и философии. Современные буддологи иногда называют такой подход *experientialism*. Этот английский термин мне представляется весьма удачным, поскольку в него заложена перспектива от первого лица. По-английски *experience* — это переживание, испытание на собственном опыте. То, что буддийские истины должны непременно верифицироваться в собственном опыте вытекает из провозглашенного Буддой принципа, согласно которому никакие учения и никакие слова вообще не должны приниматься на веру даже самыми обычными людьми, обывателями, не говоря уже о буддийских монахах.

Вот, что говорит Будда, обращаясь к жителям селения Кесапутты: «Каламы, не основывайтесь на преданиях, на традициях, на слухах, на авторитете писаний, на логических умозаклчениях, на выводах, на рассуждениях, на том, что принято считать разумным, на правдоподобию, или на мысли: “Этот монах — наш Учитель”. Но если вы сами знаете, что данные поступки хорошие, данные поступки безупречны, данные поступки восхваляются мудрыми; данные поступки, если принять и совершать их, приносят пользу и счастье, — тогда, каламы, сделайте их своими и живите так... Но если вы сами знаете, что данные поступки плохие, данные поступки достойны порицания, данные поступки осуждаются мудрыми;

данные поступки, если принять и совершать их, приносят вред и страдания, — тогда, каламы, перестаньте совершать их»⁵.

Верификация в собственном опыте и вынесение суждения лишь на этом, опытном, основании создают некую единую слитую перспективу «от первого лица»: мир через воспринимающее сознание. По словам О.О. Розенберга, «Гносеологический вопрос о реальности внешнего мира или о реальности предметов внешнего мира, а также вопрос о метафизической сущности бытия здесь вообще еще не решается. Говорится исключительно о том, что человеческое существо, переживающее такие-то явления — видящее, например, солнце, состоит из таких-то элементов, находящихся в таких-то взаимоотношениях и т.д. Анализу подвергается только человек, видящий солнце, а не человек и солнце отдельно... Мы не должны забывать, что для буддиста все рассуждение направлено к вопросу о спасении живого существа, а поэтому вопрос о том, что такое солнце само по себе, для него не важен. Поскольку же мы имеем дело с «человеком, видящим солнце, буддисты усматривают в таком явлении комбинацию целого ряда элементов «сознание, «способность» или «акт» восприятия, нечто светлое, нечто круглое и т.д. и т.д.; все эти элементы вместе дают то, что называется выражением «человек, видящий солнце»⁶.

Буддийское отношение к опыту выражается в анализе, а затем в интуитивном прозрении (инсайт, випассана) этого опыта в свете трех принципов:

- 1) Изменчивости (анитьята)
- 2) Отсутствия неизменной самости (анатман)
- 3) Неудовлетворенности (духкха).

⁵ «Калама-сутра» (Ангуттара Никая, Тика Нипата, Махавагга, сутра 65 / Рус. пер. с англ.: А. Газарян. Ред. Д.А. Ивахненко. — URL: <http://dhamma.ru/canon/an/an3-65.htm> [июнь, 2017]).

⁶ Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 90. Можно привести и слова другого известного буддолога: «интерес к человеку как он дан самому себе и к способу, с помощью которого он может духовно самосовершенствоваться, преобладал во всей буддийской мысли до такой степени, что внешний физический мир, как можно сказать, был потерян из виду». *Guenter H. Philosophy and Psychology in the Abhidharma*. Delhi etc.: Motilal Banarsidass, 1991 (First edition — 1957). P. 44.

Переживание опыта характеризуется постоянной изменчивостью. Это касается как мира, переживаемого нами, так и наших внутренних состояний. Нет такой неизменной сущности, Я или Души / Самости (Атман), которая бы сохранялась и переходила в неизменном виде от одного момента опыта к другому. Согласно Будде, если бы в индивиде было бы хоть что-то неизменное (душа-Атман ли или материальная субстанция), это бы вступило в противоречие с принципом морального воздаяния «по делам», или законом кармы, ибо неизменное не может претерпевать изменения в результате воздаяния. Неизменность и вечность Атмана (как в упанишадах, где сказано, что высший Атман «не становится от хорошего деяния большим и не становится от нехорошего деяния меньшим»⁷) выводят его из сферы моральной вменяемости и духовного прогресса.

На место атмана, как вечного и неизменного субъекта, Будда ставит процесс опыта, континуум или серию дискретных элементов-событий (дхарм), чередование которых подчинено закону взаимозависимого возникновения (пратитья самутпада), на место единства и тождества субъекта, будь то субъект познания, агента-делатель и пациента-вкуситель перерождения — ролей, признаваемых в брахманистских учениях о душе (атман, джива) — единство, которое держится исключительно на кармической причинности.

Отмечу, что буддийских философов можно было бы назвать в современных терминах не только антиэссенциалистами, но и антихолистами и редукционистами: для них реальны только части (дхармы), а целое — это лишь их механическая совокупность. Целое (аваяви) как нечто отдельное от частей является нашей мысленной конструкцией.

Буддийская концепция человека, в отличие от брахманистской, имеющей трехчастную структуру (атман-психика-тело)⁸, представляет его как систему пяти совокупностей, или агрегатов (скандх), называемую пудгалой (индивидом):

⁷ «Брихадараньяка-упанишада» VI. 4. 22 (Пер. А.Я. Сыркина).

⁸ Об отношении тела, психики и сознания в индийской философии см.: Лысенко В.Г. Психика и сознание в индийской философии // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 3 (87). С. 210-223.

- 1) Рупа — цвето-форма, психо-соматическая структура, включающая объекты опыта как они раскрываются через наши телесно-перцептивные механизмы: цвета, формы, вкусы, звуки и т.п., а также сами эти механизмы, или базовые чувственные способности — индрии: зрение, слух, вкус, обоняние и тактус;
- 2) Ведана — ощущения (приятные, неприятные и нейтральные);
- 3) Самджня — концептуализация и вербализация опыта;
- 4) Санскара — кармические факторы, каузальные аспекты опыта, которые обуславливаются его кармическим потенциалом и создают новый кармический потенциал. Диспозиции, установки;
- 5) Виджняна — распознавание объектов опыта шести модальностей (зрительное, слуховое, вкусовое, обонятельное, осязательное, тактильное и ментальное для внутреннего опыта). Виджняна сортирует содержание непосредственного опыта, распределяет его по шести каналам. Фактически это ощущение, дорефлексивная познавательная реакция на разные сенсорные раздражители — зрением, слухом и т.п.

Теорию скандх можно назвать буддийским вариантом кластерной или пучковой (Дэвид Юм) теории Я, или субъекта. Но если у Юнга эти кластеры не были причинно связаны, то в буддизме царит каузальный подход, скандхи каузально обуславливают друг друга, интерактивны, если выражаться современным языком информатики.

Джейк Дэвидс и Эван Томпсон, анализируя теорию пяти скандх с точки зрения современной когнитивистики, полагают, что она провела ряд дистинкций, которые параллельны дистинкциям современных нейронаук. В частности, они отмечают, что выделение скандхи рупа соответствует основному тезису современного энактивизма о том, что живое тело является необходимой базой познания, эмоций и сознания, где эмоции соответствуют второй скандхе — ведана, санскара — неосознаваемым ментальным привычкам и диспозициям, механизмам внимания и взаимодействия с

миром, а сознание представлено санджней и виджняной, Каждой из этих функций соответствует своя структура мозга⁹.

Буддисты называют индивида «сантаной» (поток), что свидетельствует о динамическом характере системы скандх. В ней каждый фактор играет свою каузальную роль, про каждый можно сказать, что он в той или иной степени связан с остальными. Значит ли это, что субъект опыта составляет вся система? Обратимся к проблеме субъекта и субъективности.

Говоря о субъективности, следует сразу отметить, что хотя Будда намеренно исключал персонологическую / эгологическую перспективу (с употреблением личных местоимений первого лица) из специализированного буддийского дискурса, для обыденной речи он вполне допускал ее. В разговорах с мирянами Будда продолжает употреблять слова *Я* (ахам), «ты» (твам), «сам» (атта), но он при этом «не позволяет им ввести себя в заблуждение» (Дигхникая I. 202). С буддийской точки зрения, представления других школ о неизменном *Я* (Атман) есть лишь результат ложной проекции условных языковых конструкций на реальность и их ложное гипостазирование, субстанциализация¹⁰.

В Абхидхарме встречаются термины сва-сантана (свой поток) и пара-сантана (поток другого), то есть вводится отличие собственного опыта от опыта других людей. Однако осознание того, что опыт принадлежит нам самим, а не кому-то другому, с точки зрения буддистов, не обязательно связан с допущением существования меня как субъекта в виде некой отдельной инстанции, само-

⁹ *Davids Jake H., Thompson Evan.* From the five Aggregates to Phenomenal Consciousness. Towards a Cross-Cultural Cognitive Science // *A Companion to Buddhist Philosophy* / Ed. by Steven M. Emmanuel / Publ. by John Wiley & Sons, Inc., 2014. P. 587.

¹⁰ Отметим сходство с витгенштейновской теорией языка. По словам Витгенштейна «Среди репрезентативных техник нашего языка наиболее вводящем в заблуждение является использование слова “я”, особенно, когда его применяют в репрезентации непосредственного опыта, как, например в высказывании: “Я вижу красное пятно”. Было бы поучительным заменить этот способ выражения другим, в котором непосредственный опыт был бы представлен без употребления личного местоимения». *Wittgenstein L.* Preliminary Studies for the “Philosophical Investigations”. Oxford: Blackwell, 1972. P. 88.

стоятельного фактора опыта, отличного от того, что в этом опыте переживается. Иными словами непризнание субъекта реально-стью, не является непризнанием реальности субъективной составляющей опыта.

Не отрицая субъективности переживания нами опыта, буддисты считают ошибочным выведение из этого опыта субъективности существования неизменной самости или субъекта (Атмана). В целом, позиция Будды является гораздо более сложной и тонкой, чем это принято представлять, когда говорят, что Будда, отрицая *Я*, отрицает и субъект и субъективность (так называемый «нигилизм» буддизма). Достаточно указать на тот факт, что отрицание существования *Я* сам Будда квалифицирует как крайность аннигиляционизма (другой крайностью считается признание неизменного *Я*, Атмана).

Под определение аннигиляционизма подходят материалистические теории, согласно которым сознание есть продукт взаимодействия разных физических элементов, т.е. в наших терминах эмерджентная теория сознания. Крайность этернализма — это признание вечного *Я*, когда опыт сознания приписывался неизменному субъекту как его свойство или предикат,

Будда рассматривает опыт в свете теории пяти скандх, подчеркивая для каждой отдельной скандхи, что в ней нет ничего постоянного, что было бы *Я* в смысле неизменной субстанции, «правителя» (который бы отдавал команды: «пусть будет мое тело таким, пусть будет мое тело таким») или «хозяина» (кому принадлежали бы эти скандхи). Сам же акт приписывания опыта чему-то, что не является частью этого опыта, то есть, приписывание изменчивого характера опыта чему-то постоянному, он считает ошибочным¹¹.

Таким образом, принцип анатмана выводится из принципа непостоянства, из него же выводится и третья составляющая опыта — духкха: человек в своем опыте стремится получать удовольствие и избегать страданий. Поскольку в силу изменчивого характера опыта это невозможно, он испытывает глубинную

¹¹ Об аргументах Будды против существования неизменного Атмана см.: Лысенко В.Г. Анатмавада // Философия буддизма. Энциклопедия / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Институт философии. Восточная литература, 2011. С. 97-102.

неудовлетворенность (термины «фрустрация», «тревожность», с моей точки зрения, ближе сути дела, чем обычный перевод духкха как «страдание»).

С одной стороны, буддизм неизменно представляет опыт как переживание конкретного человека в конкретной ситуации, и это позволяет говорить о введении в картину опыта субъективной перспективы, с другой, он отрицает, что эта перспектива имеет какую-то неизменную природу вне самого процесса опыта. И здесь определяющую роль играет различие между уровнем обыденного опыта, или сансары (вьявахарика-сат), на котором оппозиция субъект-объект является основным механизмом функционирования соматических и психических процессов, и медитативным опытом, также имеющим разные уровни, на которых эта оппозиция постепенно преодолевается. Именно такой медитативный опыт и приближает индивида к реальности в подлинном смысле слова (парамартхика-сат), когда все предстает как оно есть без всяких примысленных конструкций, к числу которых относится и оппозиция субъект-объект и все, что с ней связано, отношения принадлежности, владения, и т.п.

Таким образом, у буддистов есть два взгляда на наш обычный, в буддийских терминах, сансарный опыт: со стороны обычного человека, переживающего этот опыт, он имеет дуалистическую субъект-объектную структуру, отражающую субъект-предикатную логическую структуру языка (праджняпти, прапанча), структура же языка отражает социальную конвенцию (буддисты придерживались концепции договорной природы языка). Если же мы посмотрим на обычный опыт с теоретической площадки, которая фундируется результатами анализа медитативной практики смрити (практика осознанности, внимательности), то наш опыт предстанет как чередование взаимообуславливающих друг друга состояний сознания, феноменов (дхарм).

Похоже, что буддисты-абхидхармики понимают субъективность опыта обычного человека в духе современной концепции нарративного Я (нарративной идентичности Риккера) или близко концепции «минимального я» (Дэна Захави: осознавать опыт в режиме его данности от первого лица). Субъективность «минимального я» (аттабхава на пали), если прибегнуть к теории абхидхармистского анализа, редукционистски объясняется применительно к

каждой сантане (синоним индивида) уникальным для каждого мгновения сцеплением дхарм (микрособытий / элементов / феноменов), образующим индивидуальный кармический рисунок. В медитации сати сознание представляется, скорее, как объективный процесс, т.е. в современных терминах, в неэгологической перспективе. Махаянские школы буддизма предлагают другие способы объяснения субъекта и субъективности, но это предмет отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- «Калама-сутра» (Ангуттара Никая, Тика Нипата, Махавагга, сутра 65 / Рус. пер. с англ.: А. Газарян / Ред. Д.А. Ивахненко. URL: <http://dhamma.ru/canon/an/an3-65.htm> [июнь, 2017]).
- Лысенко В.Г. Абхидхарма // Буддийская философия. Энциклопедия / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Восточная литература, 2011. С. 62-66.
- Лысенко В.Г. Анатмавада // Философия буддизма. Энциклопедия / Под ред. М.Т. Степанянц. М.: Институт философии. Восточная литература, 2011. С. 97-102.
- Лысенко В.Г. Психика и сознание в индийской философии // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2016. № 3 (87). С. 210-223.
- Розенберг О.О. Труды по буддизму. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 295 с.
- Davidson P., McMullen D. From the Five Aggregates to Phenomenal Consciousness. Towards a Cross-Cultural Cognitive Science // A Companion to Buddhist Philosophy. First edition / Ed. by Steven M. Emmanuel / Publ. by John Wiley & Sons, Inc., 2014. P. 585-597.
- Guenther H. Philosophy and Psychology in the Abhidharma. Delhi etc.: Motilal Banarsidass, 1991 (First edition — 1957). 270 p.
- Self, No Self? Perspectives from Analytical, Phenomenological, and Indian Traditions / Ed. Mark Siderits, Evan Thompson, and Dan Zahavi. Oxford, 2011. 352 p.
- Rhys-Davids T. Introduction to Pothapada Sutta // Dialogues of the Buddha. Sacred Books of Buddhists. Vol. II. 1899.
- Wittgenstein L. Preliminary Studies for the "Philosophical Investigations". Oxford: Blackwell, 1972. 208 p.

SUBJECT AND SUBJECTIVITY IN THE PERSPECTIVE OF THE BUDDHIST ABHIDHARMA PHILOSOPHY

The article discusses the basic principles of Buddhist philosophy and religion that presided over the creation of the original Buddhist doctrine known by the name of anātmavāda — “doctrine of non-Self”. In the light of these principles the author elucidates the approach of Buddhist philosophers of Abhidharma schools to the problem of subject and subjectivity, showing the parallels with contemporary philosophical discussions and, namely, with conceptions of “narrative Self”, and “minimal-Self” (Dan Zahavi).

Keywords: subject, subjectivity, essentialism, ātman, “Self”, anātmavāda, Buddhism, Abhidharma, comparative philosophy, philosophy of consciousness, philosophy of language.

Victoria Georgievna Lysenko — DSc in Philosophy, Main Research Fellow.
RAS Institute of Philosophy; e-mail: vglyssenko@yandex.ru

И. Ф. МИХАЙЛОВ

СОЗНАНИЕ И ОСОЗНАНИЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

В статье даётся сравнительный анализ понятий «сознание» и «осознание» с учётом многообразных употреблений соответствующих терминов, в основном в англоязычной литературе. Показывается, что введение понятия осознания в философский оборот может повлечь интересные эпистемологические следствия, в частности «секторальную» локализацию знания. Обсуждается онтологическая и эпистемологическая целесообразность концепции «осознания себя» как предполагаемой феноменологической основы сознания. Подвергаются также критическому рассмотрению представления о «рекурсивности» сознания, которые, по мнению автора, искажают видение теоретиков, работающих как в области онтологии сознания, так и в области методологии «наук о человеке». Кроме того, приводятся дополнительные аргументы в пользу теории интегрированной информации, конкурирующей с другими подходами в философии сознания и когнитивных науках.

Ключевые слова: сознание, осознание, биологический подход, теория мышления более высокого порядка, теория глобального рабочего пространства, теория интегрированной информации.

Фрэнклин Блейк, герой детективного романа Уилки Коллинза «Лунный камень», в состоянии лунатизма, предположительно вызванном дозой опиума, подмешенной ему злоумышленником, совершает кражу алмаза из комнаты своей невесты. Позже, в ходе следственного эксперимента, повторяющего условия совершения

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

кражи, он оказывается способным воспроизвести часть своих действий. Что может читатель заключить из этих событий относительно психических состояний героя?

Во-первых, молодой джентльмен, находясь в состоянии, которое мы привычно полагаем бессознательным, нашёл дорогу к удалённой комнате в сложно устроенном доме, вычислил местоположение шкатулки с алмазом, достал его оттуда и благополучно вернулся восвояси. То есть, перцептивный аппарат, способность к обработке поступающих чувственных данных, ориентация в пространстве и времени и другие когнитивные способности в момент совершения кражи работали должным образом.

Во-вторых, все эти ментальные состояния, сопровождавшие его в момент кражи, никуда не делись, не растворились бесследно, а оказались вполне воспроизводимы, что позволяет допустить, как минимум, непрерывность памяти.

И, в-третьих, в общем контексте его действия можно квалифицировать как осмысленные и целенаправленные — по крайней мере, участники событий, видевшие его в эту ночь, не испытали трудностей с интерпретацией его поступков как преступных и злонамеренных. Иными словами, в первом приближении герой в состоянии лунатика обнаружил все или почти все способности, которые мы связываем с наличием сознания у живого существа. Но, тем не менее, — и это составляет основную теоретическую проблему, обсуждаемую далее здесь — на следующий день и далее по ходу романа он был абсолютно уверен, что он на стороне добра и всеми силами пытается помочь раскрыть это загадочное преступление. И искренне недоумевал, почему невеста порвала с ним, а тайно влюблённая в него служанка покончила с собой.

Сознание — это то, что мы теряем, когда теряем сознание. (Здесь нет круга в определении, если «терять сознание» понимать как идиому.) В нашей привычной, «народной»¹ онтологии мы видим сознание как некую внутреннюю лампочку, которая может временно погаснуть по разнообразным причинам, оставив всё остальное, как есть. И пример Фрэнклина Блейка показывает, что «всё остальное» также может включать в себя способности и состояния, которые функционально идентичны ментальным состояниям, направляющим наше поведение, когда мы в сознании.

¹ Аналогия с «народной психологией» здесь вполне намеренная.

Далее я собираюсь определить концептуальные границы и характер отношения понятий «сознание» (consciousness) и «осознание» (awareness). Рабочая гипотеза состоит в том, что множество состояний, определяемых нами как осознанные, представляет собой подмножество состояний, схватываемых термином «сознание».

* * *

Дискуссия вокруг этих терминов развернулась, в частности, в 2006–2007 гг. в журнале *Journal of Consciousness Studies*, после публикации статьи Кристиана де Куинси (De Quinsey 2006). В статье утверждалось, что смысл слова «сознание» (consciousness) относится скорее к онтологии, тогда как в термине «осознание» (awareness) выражается психологический аспект. С точки зрения де Куинси, можно говорить о философском и психологическом преломлении понятия сознания. В первом отношении этот термин обозначает «базовую, сырую способность к чувствительности, ощущениям, опыту, субъективности, само-деятельности (self-agency), интенции или знанию любого рода». В психологическом контексте под ним подразумевается «состояние осознанности (awareness), противопоставляемое “бессознательному” (unconscious), — например, состояние бодрствования и бдительности в отличие от состояния сна и сновидений»². Вместе с тем, по мнению автора, нам едва ли удастся добиться концептуальной ясности в исследовании сознания, и виной тому рекурсивный характер этого понятия: нам нужно сознание, для того, чтобы размышлять и говорить о сознании³.

Сразу отметим проблематичность некоторых положений де Куинси. Явления, перечисленные в его «онтологическом» определении сознания являются, по крайней мере, неочевидно однородными и даже не обязательно образуют «лестницу» или иерархию, структурированную от простого к сложному. Чувствительность сопровождает естественную реактивность живых организмов; ощущения как будто несут некоторую информацию о внешнем мире, однако их информативность раскрывается в некоторых ап-

² De Quinsey C. Switched-on Consciousness. Clarifying What it Means // *Journal of Consciousness Studies*. 13. No. 4. 2006. P. 9.

³ Ibid. P. 12.

приорных концептуальных схемах — например, в схеме цветности или плотности. Опыт, хотя и в значительной степени основывается на чувственных данных, тем не менее, выражается в форме высказываний, которые не всегда подразумевают чувственное содержание. Понятие субъективности не более определённо, чем понятие сознания, и выражает, скорее всего, широкий спектр явлений, которые в общем и целом свидетельствуют об автономности познающего и действующего субъекта. То, что де Куинси называет само-деятельностью, имеет отношение к тому, что со времён Канта обозначается как спонтанность — не важно, рассудка или действия. Здесь, безусловно, есть некоторое концептуальное пересечение с субъективностью, хотя в имплицитном определении последней присутствует ещё и аллюзия на возможность человеческой ошибки — в духе *errare humanum est*. Интенциональность в основном понимается как свойство сознания быть «о чём-то», при этом не утихают дискуссии о (не)универсальности этого свойства для всего того, что мы объемлем термином «сознание»⁴.

«Знание», в свою очередь, слишком обширная тема, чтобы её можно было бы осмысленно раскрыть в рамках нашего неспецифичного для неё исследования. Традиция анализа этого понятия и стоящих за ним явлений простирается в диапазоне от классической философии до современной философии науки и эпистемической логики, от социальной антропологии до когнитивной психологии и компьютерных наук. Каждая из упомянутых и многие из не упомянутых здесь областей может представить свои собственные определения знания, иногда весьма разнородные, поэтому вопрос об онтологическом статусе всех проявлений знания и об их отношении друг к другу не менее сложен, чем аналогичный вопрос относительно сознания.

Таким образом, относительно явлений, перечисленных в определении сознания, данном де Куинси, мы не можем с уверенностью утверждать ни то, что они находятся в онтологическом родстве, ни то, что они образуют какую-либо иерархическую лестницу или систему, ни даже то, что они в какой-либо мере логически предполагают друг друга. «Единство сознания» выглядит неоправ-

⁴ См. подробнее об этом в: Михайлов И.Ф. Выбор как интенциональный акт // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. Вып. 7. М.: ИФРАН, 2013. С. 202-223.

данно сильным теоретическим допущением, основанным на традициях обыденного словоупотребления.

Ещё более важно и интересно, что эти соображения подрывают его тезис о «рекурсивности» сознания как помехе на пути его изучения. С учётом наших рассуждений о вероятной онтологической гетерогенности явлений сознания (или, по крайней мере, недостаточно обоснованной их гомогенности), можно сказать, что этот тезис был бы справедлив, если бы ощущения изучались ощущениями, субъективность — субъективностью и т.д., что очевидно не так. Я думаю, что эту же критику можно обратить и против популярного в феноменологии тезиса о «рефлексивности» сознания, и против поверхностного понимания специфики социальных и гуманитарных наук, в которых субъект и объект якобы совпадают.

Автору возражает Роберт Арп⁵, который исходит из различения обсуждаемых терминов по другому основанию: *awareness* он понимает как реактивную способность всех живых организмов — и в его случае это слово уже нельзя перевести на русский как «осознание», — тогда как сознание есть, по его мнению, результат «комплексного взаимодействия мультимодальных ассоциативных областей мозга животного, по крайней мере, височно-теменной и лимбической коры, и относится к способности воспринимать себя как существо, тождественное в прошлом, настоящем и будущем, включая рефлексию себя как существа, реагирующего (*aware*) на окружающую его среду»⁶.

Интересно, что относительно обоих обсуждаемых понятий Арп вводит «принцип реостата»: *awareness* в его понимании, как и сознание, не находятся в одном из двух возможных состояний — «выключено» / «включено», — но демонстрируют множество степеней включённости или присутствия — здесь он противопоставляет метафору реостата метафоре простого выключателя. Из этого принципа естественным образом следует, что «степень, в которой животное способно инкорпорировать распознавание себя как видимого в свете прошлого, настоящего и будущего, есть в строгом смысле степень, в которой это существо можно рассматривать как скорее частично или скорее полностью сознательное. Чем больше

⁵ *Arp R. Consciousness and Awareness. Switched-on Rheostats: A Response to de Quincey // Journal of Consciousness Studies. 14. No. 3. 2007.*

⁶ *Ibid. P. 102-103.*

способно животное воспринимать себя в сложных отношениях с другими *Я* и объектами относительно прошлых, настоящих и будущих событий, ситуаций и сценариев, тем более сознательно это животное»⁷.

«Принцип реостата» сам по себе довольно интересен, поскольку позволяет преодолевать метафизические иллюзии относительно логически непроходимых линий или строгих дизъюнкций там, где предполагать их нет никакой необходимости. Однако, на мой взгляд, эффективность этого принципа сводится Арпом к нулю, поскольку он применяет его к неудачной онтологической схеме. Оставим пока его небесспорное понимание *awareness*, хотя не совсем понятно назначение термина, если его значение сводится к изначальной реактивности живых организмов, для которой общепотребимый термин уже есть. Главная проблема, на мой взгляд, заключена в его понимании сознания.

В этом понимании можно выделить два тезиса:

- (1) сознание как осознание (распознавание) себя как сущности, тождественной в прошлом, настоящем и будущем, и
- (2) сознание как осознание (распознавание) себя в сложных отношениях с другими сознаниями и объектами.

Во-первых, в обоих тезисах Арп в «правых» частях своих определений употребляет *experience*, *reflection* и *recognition*, вместо привычного *awareness*, и разница касается только словоупотребления — смысл не меняется. Во-вторых, в обоих случаях сознание фактически определяется как осознание себя в качестве осознающего существа: в (1) относительно временных модальностей, т.е. в диахроническом аспекте, а в (2) — относительно актуального окружения, т.е. в синхроническом аспекте.

Но подумаем, что значит «осознавать себя», например, в прошлом, настоящем и будущем. Предположим, у меня есть представление, что человек, относительно которого я помню, как в 1984 году в первой поточной аудитории Первого гуманитарного корпуса МГУ ему вручали диплом о высшем образовании, это я и есть. И зададимся вопросом: а чем это «самосознательное» представление отличается от простого фрагмента моей памяти — «я

⁷ Ibid. P. 103.

помню, как мне вручали диплом»? С точки зрения Арпа — и не только его одного — моё ретроспективное осознание представляет собой конъюнкцию двух высказываний: «я помню вручение диплома кому-то, виденное мною из перспективы первого лица» и «этим кем-то был я». Если бы истинным для меня был только первый член конъюнкции, то мне следовало бы отказать в обладании сознанием.

Очевидно, что в тот день дипломы вручали ещё многим людям, и, возможно, у меня есть какие-то воспоминания и о них, однако понятно, что вручение диплома именно мне я помню принципиально по-другому.

Возможна ли противоположная ситуация: «я помню вручение диплома кому-то, виденное мною из перспективы первого лица» & «это был не я»? Думаю, читатель легко согласится со мной, что если речь не идёт о душевном расстройстве или о фантастическом сюжете, такая ситуация *грамматически* исключена. Следовательно, «осознание себя в прошлом» эквивалентно просто хорошо работающей памяти.

Что же в настоящем? Верно, что я сейчас, находясь в полном сознании, пишу этот текст. Насколько важно для моего сознательного состояния осознание того факта, что пишу его именно я? Если в этот момент на мой подоконник села ворона, насколько важно, что села именно она и именно на него? С моей точки зрения, логически эти ситуации эквивалентны: если и только если существуют прагматические обстоятельства, в которых подобные уточнения имеют смысл, то они имеют смысл. Во всяком другом случае моё утверждение «я пишу философский текст и знаю, что это делаю именно я» будет эквивалентно утверждению «я пишу философский текст и пока ещё в своём уме». Эти же рассуждения справедливы и для тезиса (2), где речь идёт о синхроническом (структурном) осознании себя.

Теперь, каким образом можно «осознавать себя в будущем»? Я знаю, что послезавтра у меня присутственный день в Институте философии. По мысли Арпа, я должен пойти туда как тот же самый человек, который сейчас пишет этот текст. Если моя память будет работать нормально, то никаких проблем с этой самоидентификацией не будет. Однако, если какие-нибудь зловещие конкуренты сотрут мою память, а текст передадут другому лицу, то я могу перестать осознавать себя как автора этого текста, равно и

как человека, которому в 1984 году вручали диплом. То есть, диалогическое единство осознания себя есть ни что иное, как хорошо работающая память.

Но всё же добавим некоторые соображения относительно тезиса (2). Речь, как мы помним, идёт о «рефлексии себя как существа, реагирующего (*aware*) на окружающую его среду». Если некто переходит дорогу в состоянии зомби, он или она может идти, не оглядываясь и не останавливаясь, не предпринимая других мер предосторожности, подвергая себя тем самым известному риску. Если, напротив, это лицо «включает сознание», оно выполняет все необходимые действия, по которым распознаётся сознательное существо. Значит ли это, что подключается именно *осознание себя*? На мой взгляд, естественнее предполагать, что подключается всё та же память, способность к обучению, представления о возможных сценариях событий, причинно-следственных связях и весь тот самый сложный комплекс психических и нейрофизиологических механизмов, наличие которых у кого-либо выдаёт в нём высокоорганизованное существо. То есть это всё та же способность правильно реагировать на внешние раздражители, которые Арп — непонятно, почему — называет *awareness*. И непонятно также, что принципиально меняется в субъекте и его поведении, когда к *awareness* добавляется ещё и рефлексия самого себя.

Таким образом, мы должны признать онтологию, предложенную Арпом, неработающей. К сожалению, она обесценивает и поддерживаемый мной «принцип реостата». Дело в том, что реостат как реальное устройство и как теоретическая идеализация предполагает принципиальную измеряемость управляемых им параметров: меняя сопротивление на определённую величину и зная напряжение, вы всегда вычислите силу тока на выходе. Если же мы провозглашаем, что в животном столько сознания, насколько оно осознаёт себя в различных контекстах, то — в каких единицах и какими приборами мы измерим это осознание? Опуская пока подробное обсуждение этой темы, скажу, по моему глубокому убеждению, философия тогда делает полезную работу, когда она помогает науке сформировать онтологию с измеряемыми свойствами и отношениями объектов.

На мой взгляд, схема, предложенная Арпом, демонстрирует то свойство классического философствования, которое Витгенштейн называл неосмысленностью (*Unsinnigkeit*). Философ пред-

лагает концептуальные конструкции, которые, выглядя глубокими и величественными, ничего, на самом деле, не меняют ни концептуально, ни фактуально, ни методологически.

Сравнивая подходы обоих участников дискуссии, я бы отдал — с некоторыми оговорками — предпочтение определениям де Куинси, но в то же время позаимствовал бы «принцип реостата» у Арпа.

* * *

Интересна в этом контексте и статья Неда Блока, посвящённая более общему вопросу — сравнению основных теорий (феноменального) сознания, которые выглядят продуктивными для когнитивных наук и нейрофизиологии⁸. Здесь автор обсуждает биологический подход к сознанию, теорию мышления более высокого порядка (HOT), теорию глобального рабочего пространства (GWS) и теорию интегрированной информации (ИТ). Сравнивая эффективность этих теорий применительно к таким дискуссионным вопросам, как «разрыв в объяснении» / «трудная проблема», дуализм, Я, машинный интеллект, Блок отдаёт предпочтение биологическому подходу, который, по его мнению, обладает достаточно тонкими концептуальными средствами для правильной формулировки всех указанных проблем, за исключением, может быть, искусственного интеллекта.

Но, насколько я знаю, есть интересные концептуальные и эмпирические аргументы в пользу ИТ: например, эксперименты, показывающие, что осознаваемым перцепциям соответствует бо́льшая интегрированность локальных возбуждений в различных отделах мозга по сравнению с неосознаваемыми перцепциями⁹.

Однако в рамках текущего обсуждения мне бы хотелось обратить внимание на следующие мысли, высказанные Блоком в этой статье. Одна из них связана с концептуальной готовностью нашей философии, когнитивной и нейронауки к правильной постановке проблемы сознания. Так, считает он, философы-досократики, рассуждавшие в терминах «четырёх стихий», не то чтобы не знали

⁸ См.: Block N. Comparing the Major Theories of Consciousness // The Cognitive Neurosciences IV / Michael Gazzaniga (Ed.). MIT Press, 2009.

⁹ См.: Godwin D., Barry R.L., Marois R. Breakdown of the brain's functional network modularity with awareness // PNAS. March 24, 2015. Vol. 112. No. 12. P. 3799-3804. — DOI: [10.1073/pnas.1414466112](https://doi.org/10.1073/pnas.1414466112).

нужных фактов и правильных определений — им не хватало нужной группировки концептов для того, чтобы увидеть нечто родственное в таких явлениях, как круги на воде, звук и свет. Или в таких, как ржавление, горение и метаболизм. Поэтому «если бы вдруг супер-учёные будущего рассказали нам, что такое сознание, у нас, возможно, не оказалось бы концептуальных механизмов, чтобы (это) понять; как и досократики не обнаружили бы у себя концептуальных механизмов, чтобы понять, что тепло — это разновидность движения, или что свет — это разновидность вибрации»¹⁰.

Другая мысль, показавшаяся мне интересной, касается концептуальной связи феноменального опыта и *Я* как какой-либо формы самосознания — т.е. вопроса, который мы обсуждали в связи с Робертом Арпом. Блок считает, что «феноменальное сознание имеет меньше общего с *Я*, чем иногда думают критики [биологического подхода]»¹¹. Он ссылается на клиническую практику и интересные когнитивные эксперименты, которые показывают, что, во-первых, для анализа внешнего опыта и для интроспекции используются разные подсистемы мозга, причём активация одной ингибирует другую; и, во-вторых, субъект может иметь феноменальный опыт, о котором не отдаёт себе отчёт. Резюмируя, он заключает, что эти эмпирические данные «предполагают, что теории, которые привносят какое бы то ни было ощущение себя в феноменальный опыт, находятся на ложном пути. [Эти результаты] не подтверждают убеждение, что сознательный зрительный опыт состоит в восприятии, вызывающем мысль о том, что это я сам получаю зрительный опыт»¹².

Рассмотренные здесь дискуссии позволяют структурировать проблему сознания следующим образом. В этой проблеме явно выделяются комплексы вопросов, связанные с *феноменальным опытом, интеллектом, когнитивной сферой, Я и осознанными состояниями*. Как уже говорилось ранее, ни известный эмпирический материал, ни концептуальный анализ не позволяют утверждать, что между этими исследовательскими сферами и соответст-

¹⁰ Block N. Comparing the Major Theories of Consciousness // The Cognitive Neurosciences IV / Ed. by Michael Gazzaniga. MIT Press, 2009. P. 1115.

¹¹ Ibidem. P. 1118.

¹² Ibidem. P. 1119.

вующими им концептами существуют какие-либо необходимые логические или фактуальные связи — что бы на сей счёт ни утверждала классическая философия.

* * *

Относительно нашей главной темы, наиболее естественным было бы солидаризироваться с де Куинси в том, что сознание следует понимать как философско-онтологическую категорию, указывающую на наличие определённых способностей, а осознание — как психологический термин, связанный со способностью субъекта дать отчёт о своих психических состояниях. И добавить соображение Арпа, что наличие или отсутствие как сознания, так и осознания, описывается не булевой логикой «да» / «нет», а «принципом реостата». Однако и здесь есть некоторые тонкости, на которые следует обратить внимание.

Фрэнклин Блейк был в сознании в обоих случаях — воруя алмаз в состоянии лунатизма (иначе он не смог бы управлять столь сложным целенаправленным поведением) и ведя расследование кражи на следующий день. Но на следующий день он не осознавал, что он и есть вор. Значит ли, что в момент ражи у него отсутствовало осознание? Положительный ответ привлекает своей простотой, однако есть возражение. Если, согласно Википедии, сомнамбулизм состоит в том, что у больного в состоянии сна не происходит блокировки моторики, то человек просто в реальности повторяет действия, которые он совершает во сне. Можем ли мы сказать, что во сне мы действуем неосознанно? Мне не известны аргументы, которые позволили бы ответить на этот вопрос однозначно. А если так, то мы можем говорить о разных зонах осознания в данном случае. Случай Фрэнклина Блейка показывает, что осознание как психический феномен предполагает — и внедряет — то, что можно было бы назвать локализацией знания: с классической точки зрения нельзя перестать знать что-то — только опровергнуть или забыть. С выходом на сцену осознания как философского концепта *перестать знать* становится возможным. Появляются различные — переключаемые — области осознания.

Таким образом, сознание мы можем определить как способность к саморегуляции поведения, а осознание — как состояние «подсвеченности» памятью и вниманием. Состояние, которое мо-

жет менять свою локализацию и «охват» в зависимости от психического здоровья субъекта и других обстоятельств. Поэтому в русском языке мы должны различать то, что мы делаем бессознательно — например, дышим или ходим, — и то, что мы делаем неосознанно — например, рисуем, сидя на совещании. В первом случае имеется в виду неучастие сознания в соответствующих действиях. Во втором — отсутствие состояния осознанности.

Философам есть смысл заимствовать у психологии термин «осознание» и использовать его категориально — ввести с его помощью секторальность или зональность сознания и знания.

Ещё один вывод может касаться роли теории интегрированной информации (ИТ), которой Блок отказал в когнитивных и нейрофизиологических перспективах. Выше я говорил о том, что философия принесла бы реальную пользу наукам о сознании, если бы предложила онтологию, основанную на объектах с измеряемыми свойствами. Так вот, теория, в которой степени осознанности соответствует степень интегрированности нейросети мозга, отвечает этому требованию: эту интегрированность можно измерить с помощью такого количественного понятия, как плотность (в теории графов) — отношения числа имеющихся сетевых связей (рёбер) к их максимально возможному количеству. С этим методологическим преимуществом, дело остаётся за эмпирическими подтверждениями ИТ, которые в некотором количестве уже имеются.

ЛИТЕРАТУРА

- Михайлов И.Ф. Выбор как интенциональный акт // Человек вчера и сегодня. Междисциплинарные исследования. Вып. 7. М.: ИФРАН, 2013. С. 202-223.
- Arp R. Consciousness and Awareness. Switched-On Rheostats: A Response to de Quincey // Journal of Consciousness Studies. 14. No. 3. 2007. P. 101-106.
- Block N. Comparing the Major Theories of Consciousness // The Cognitive Neurosciences IV / Ed. by Michael Gazzaniga. MIT Press, 2009. P. 1111-1122.
- De Quincey C. Switched-on Consciousness. Clarifying what it Means // Journal of Consciousness Studies. 13. No. 4. 2006. P. 7-12.
- Godwin D., Barry R.L., Marois, R. Breakdown of the Brain's Functional Network Modularity with Awareness // PNAS. March 24. 2015. Vol. 112. No. 12. P. 3799-3804. — doi: [10.1073/pnas.1414466112](https://doi.org/10.1073/pnas.1414466112).

CONSCIOUSNESS AND AWARENESS: CONCEPTUAL ANALYSIS

The paper provides a comparative analysis of the concepts of 'consciousness' and 'awareness' in view of their various usages, mainly in the English-language literature. Suggested introduction of the 'awareness' concept into philosophical discourse is demonstrated to probably lead to interesting epistemological implications: in particular, the 'sectoral' localisation of knowledge, which allows for different truth- or certainty-domains within one and the same person. The paper also discusses the ontological and epistemological appropriateness of the concept of 'self-awareness' as an alleged phenomenological basis for consciousness. Subjected to a critical examination are also the views adopting a "recursive nature" of consciousness, which, in the author's view, distort the vision of theorists working in the field of ontology of consciousness, as well as in the methodology of humanities. Furthermore, the paper provides additional arguments in favour of the integrated information theory that competes with other approaches in the philosophy of mind and cognitive sciences. We can define consciousness as an ability to self-regulation of behaviour, while awareness is to be defined as a state of one's 'being illuminated' with memory and attention. A state that can change its location and 'coverage', depending on the subject's mental health and other circumstances. Philosophy, in the author's view, is to help researchers with building calculation-friendly ontologies for social sciences and humanities, an a theory of IIS type has every advantage to this end before its competitors.

Keywords: consciousness, awareness, biological approach, higher order thought theory, global workspace theory, integrated information theory.

Igor Felixovich Mikhailov — CSc in Philosophy, Senior Research Fellow.
RAS Institute of Philosophy; e-mail: ifmikhailov@gmail.com

М.А. Сущин

СУБЪЕКТ: ВОПЛОЩЕННЫЙ, ВСТРОЕННЫЙ В СРЕДУ, НО НЕ РАСШИРЕННЫЙ*

В работе предпринимается попытка охарактеризовать субъекта процессов познания с позиций одной из наиболее влиятельных исследовательских программ в когнитивной науке в последние четверть века — программы ситуативного и воплощенного познания. Указывается, что субъект с этой точки зрения прежде всего должен пониматься как обладающий телесностью и встроенный в среду. В дополнение к этим положениям рассматривается часто ассоциируемая с ситуативным познанием сформулированная философами Э. Кларком и Д. Чалмерсом гипотеза расширенного разума и познания. Обсуждаются принципиальные теоретические затруднения этой гипотезы и делается вывод, что она предлагает некорректный подход к изучению отношения человеческого познания и интеллектуальных артефактов. В качестве примера теоретически и методологически корректных подходов к изучению отношения познания и артефактов рассматриваются классическая культурно-историческая теория Л.С. Выготского и более современная идея поддержанного средой познания.

Ключевые слова: субъект, артефакты, память, ситуативное и воплощенное познание, гипотеза расширенного разума, культурно-историческая психология.

Название статьи является аллюзией на название работы философа Джерарда О'Брайена «Разум: воплощенный, встроенный в

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 15–18–10013, «Социо-антропологические измерения конвергентных технологий».

среду, но не расширенный»¹. Это была рецензия на книгу ведущего специалиста в области современной философии когнитивной науки Энди Кларка, его главную работу «Бытие здесь: вновь объединяя мозг, тело и мир»². Дело в том, что данная фраза, «воплощенный, встроенный в среду, но не расширенный», как нельзя лучше характеризует мое собственное понимание и оценку движения ситуативного и воплощенного познания, занимавшего видные позиции в когнитивной науке в последние двадцать-двадцать пять лет.

Нужно понимать, что тезисы о том, что познание является «воплощенным» и «встроенным в среду» были в значительной степени навеяны новыми по отношению 1990-м гг. тенденциями развития искусственного интеллекта и робототехники. Значительное влияние на их формирование оказало возникновение направления моделирования адаптивного поведения и, прежде всего, программы «поведенчески основанной робототехники», сформулированной известным австралийско-американским исследователем Родни Бруксом. Конечно же, здесь нельзя не отметить существенное влияние экологической психологии Дж. Дж. Гибсона и феноменологии М. Мерло-Понти.

Итак, первый развитый в рамках этого направления тезис состоит в том, что познание и его субъект являются воплощенными. Под этим подразумевается, что субъект — это не некий абстрактный вычислительный код, который можно реализовать неограниченное число раз на разном «железе», как постулировалось ранними вычислительными программами исследований в когнитивной науке. Субъект обладает определенной телесностью. Более того, различные типы телесности предполагают различные типы интеллекта и даже, возможно, субъективных миров. Хотя здесь все же нужно соблюдать осторожность в использовании подобного рода терминов и понятий, поскольку многие адепты программы ситуативного и воплощенного познания как раз таки старательно избегали «менталистской терминологии» ранней когнитивной науки.

Чтобы этот тезис не казался тривиальным, я хочу проиллюстрировать его несколькими примерами из замечательной работы

¹ *O'Brien G.* The Mind: Embodied, Embedded, but not Extended [Электронный ресурс]. — URL: http://cogprints.org/1451/3/Commentary_on_Clark_Being_There.pdf (январь, 2017).

² *Clark A.* Being There: Putting Brain, Body and World Together Again. Cambridge, MA, 1998.

биолога Якоба фон Икскюля «Путешествие в миры животных и человека»³. Так, известно, что виды, далеко отстоящие от нас по эволюционной лестнице, не обладают способностью восприятия форм. Отталкиваясь от современных ему исследований, Икскюль утверждал, что впервые мы можем обнаружить способность восприятия форм у пчел. Пчелы, помимо иных видов доступной им в среде информации, способны реагировать на предметы остроугольной формы, которые символизируют для них распустившиеся цветки. В то же время они по понятным причинам игнорируют округлые формы и очертания, т.е. бутоны, которые не представляются для них интереса.

Другой пример. У некоторых видов в отношении, по крайней мере, некоторых типов объектов отсутствует способность восприятия формы без движения — они способны видеть эти объекты только в движении. Например, птица галка охотится только за движущимися кузнечиками. Если кузнечик сидит неподвижно в траве, она на него никак не реагирует. Я ни в коем случае не претендую на глубокие познания в области этологии и взял эти примеры только в качестве иллюстрации тезиса о том, как драматично может изменяться интеллект в зависимости от телесной организации, морфологии агентов.

Второй краеугольный камень программы ситуативного и воплощенного познания — это положение о том, что когнитивные процессы и субъект являются встроенными в среду. Подчеркивается, что субъект не просто оказывается встроен в определенную среду. Биологические агенты как образчик подлинно интеллектуальных систем для тех, кто работает в областях искусственного интеллекта и компьютерных наук, способны ориентироваться во множестве незнакомых сред, ситуаций и обстановок. При том что каждая новая перцептивно-моторная ситуация является абсолютно уникальной для любого агента. Так, пчела прилетит на новое поле, зафиксирует то, что ей нужно, и, как правило, без проблем найдет дорогу домой. Человек способен поехать в любую точку мира и найти в большинстве ситуаций то, что ему требуется, без каких-либо затруднений. Для роботов, которые строились в 1980-х гг.,

³ Von Uexküll J. A Stroll Through the Worlds of Animals and Men: A Picture Book of Invisible Worlds // Instinctive Behavior: The Development of a Modern Concept. N. Y., 1957.

это была совершенно непредставимая задача. Сейчас в этой области есть определенный прогресс, но он медленный.

Эти два тезиса о том, что субъект является воплощенным и встроенным в среду, не кажутся мне особенно проблематичными. Я не вижу большой необходимости на них дальше останавливаться. А вот третий тезис, постулирующий, что субъект не является расширенным, заслуживает особого внимания. Я буду говорить исключительно о гипотезе расширенного познания и разума в том виде, в котором она была представлена в известной работе философов Кларка и Чалмерса «Расширенный разум»⁴. Я не буду касаться никаких других смыслов, в которых познание или разум могут пониматься как расширенные. Еще одно замечание по поводу терминологии. Я говорю о субъекте. Кларк и Чалмерс говорят о разуме. Я не хочу вдаваться в терминологические дебри по поводу отношения понятий субъекта и разума. Но я исхожу из того, что если разум является расширенным, расширенным является и субъект. Мне кажется, это достаточно очевидно.

О чем, вообще говоря, идет речь? С точки зрения Кларка и Чалмерса, самые обычные интеллектуальные артефакты наподобие записных книжек или мобильных компьютеров, хочу особо подчеркнуть, без каких-либо сложных интерфейсов вроде интерфейса «мозг — компьютер», если используются регулярно и доступны субъекту надежно в большинстве ситуаций, могут рассматриваться в качестве внешней когнитивной подсистемы этого субъекта.

С моей точки зрения, гипотеза Кларка и Чалмерса является некорректным подходом к изучению отношения человеческого познания и артефактов, как и в общем и целом внешней среды, эксплуатируемой человеком в когнитивных целях. Почему? Приведу несколько примеров. Первый пример. Для поддержки своего тезиса они предлагают рассмотреть гипотетическую ситуацию с человеком, который страдает от легкой формы болезни Альцгеймера. Чтобы восполнить дефициты своей биологической памяти, он использует записную книжку, в которой хранит важную информацию. В частности, он узнает, что в Музее современного искусства в Нью-Йорке проходит интересная выставка. Он заглядывает в свою книжку и отправляется по адресу, указанному в ней.

⁴ Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7-19.

С их точки зрения, эта запись, которая хранится в его дневнике, в функциональном отношении абсолютно аналогична воспоминаниям, которые хранятся в долговременной памяти у здоровых людей. А следовательно, разум является расширенным. Но у этого аргумента имеется существенный изъян: поскольку без ведома этого субъекта возможно изменение содержания записей в его дневнике, он будет руководствоваться в своих действиях новой информацией точно таким же образом, каким он руководствовался старой информацией, сколько бы правок ни было внесено. Я никоим образом не хочу сказать, что наша биологическая память всегда работает безупречно. Я хочу лишь обратить внимание на то, что, вопреки заявлениям Кларка и Чалмерса, существуют разительные отличия в функциональном отношении между биологически реализованными долговременными воспоминаниями здоровых людей и записями в дневнике такого рода «квазирасширенных субъектов».

Второй пример. Предположим, этот субъект вместо старомодной записной книжки стал использовать смартфон. Однако для него не будет никакой разницы между информацией, которую он внес в память устройства сам, и которая, предположим, была внесена туда другими людьми или же просто загружена автоматически. А значит, фактически любую информацию, хранящуюся на этом устройстве или доступную через него в интернете, можно произвольно рассматривать как внешние долговременные декларативные воспоминания этого субъекта. Например, художественные произведения в полном объеме, энциклопедии, справочники и т.д. Ясно, что для обычных людей объем их знаний и воспоминаний определяется их прошлым опытом. В случае же постулированных Кларком и Чалмерсом расширенных когнитивных субъектов каким-либо образом определить границы их «памяти» представляется крайне проблематичным.

В связи с гипотезой Кларка и Чалмерса возникает множество иных теоретических затруднений, на которых сейчас нет возможности останавливаться. Если вкратце, то я полагаю, что эта гипотеза может способствовать развитию когнитивной науки в основном в плане привлечения внимания к проблеме отношения человеческого познания и артефактов. Я хочу подчеркнуть, я не против возможности расширенного познания в каких-либо других смыслах. Отличным примером подлинно расширенных когнитивных систем, на мой взгляд, могут служить так называемые системы тактильно-

зрительного сенсорного замещения. У истоков их разработки стоял американский нейрофизиолог и инженер Пол Бах-и-Рита. Данные системы, состоящие из видеокамеры и преобразователя, который переводит видеосигналы в тактильные ощущения на поверхности тела, позволяют людям с поражениями периферии зрительной системы воссоздавать определенный зрительный опыт⁵. Полагаю, что возможно немало иных примеров расширенных когнитивных систем, которые подобно системам сенсорного замещения в своем рассмотрении не будут столь же проблематичными, как постулированные Кларком и Чалмерсом расширенные системы.

Предположим, мое видение гипотезы Кларка и Чалмерса является корректным. Но как в таком случае быть с неоспоримым фактом повсеместного использования агентами внешней среды в когнитивных целях? Здесь можно вспомнить множество идей, разработанных в русле того же ситуативного и воплощенного познания: идею мира как внешней памяти в восприятии Дж. Кевина О'Ригана⁶; родственные идеи «зрительных полумиров» П.С. Черчленд, В. Рамачандрана, Т. Сейновски⁷ и «активного зрения» Д. Балларда⁸. Ставший фактически девизом всего ситуативного и воплощенного познания знаменитый афоризм робототехника Родни Брукса о «мире как его собственной лучшей модели»⁹. В этом же ряду находится и выделенная канадским нейропсихологом Мерлином Дональдом стадия «внешних символических хранилищ» в когнитивной эволюции человека¹⁰.

⁵ См., например: *Bach-y-Rita P., Kercel S.W. Sensory Substitution and the Human-machine Interface // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. No. 12. P. 541-546.*

⁶ *O'Regan J. K. Solving the "Real" Mysteries of Visual Perception: the World as an outside Memory // Canadian Journal of Psychology. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 461-488.*

⁷ *Churchland P.S., Ramachandran V.S., Sejnowski T.J. A Critique of Pure Vision // Large-Scale Neuronal Theories of the Brain / Eds. C. Koch, J.L. Davis. Cambridge, MA, 1994. P. 23-60.*

⁸ *Ballard D. Animate Vision // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 48. No. 1. P. 57-86.*

⁹ *Brooks R.A. Intelligence without Representation // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 47. No. 1-3. P. 139-159.*

¹⁰ *Donald M. Précis of Origins of the Modern Mind: three Stages in Evolution of Culture and Cognition // Behavioral and Brain Sciences. 1993. Vol. 16. No. 4. P. 737-748.*

Можно взять пример из книги когнитивного антрополога Эдвина Хатчинса «Познание в естественных условиях»¹¹, где подробнейшим образом обсуждается традиционная культурная практика морской навигации аборигенов микронезийских островов в Тихом океане в ее сравнении с современной западной традицией морской навигации. Их основное различие заключается в том, что в своих путешествиях микронезийцы не используют никаких материальных орудий и артефактов, ориентируясь по звездному компасу и выполняя все нужные им навигационные задачи исключительно в уме. В то время как западная традиция в своем развитии шла в сторону создания все более сложных артефактов и навигационного оборудования, перенимавшего на себя выполнение операций, которые раньше решались только мысленно, в уме. Это к вопросу о том, насколько современный человек оказывается «погружен» в практики использования артефактов и среды в когнитивных целях.

В своей диссертации я ссылался на классическую культурно-историческую теорию Л.С. Выготского как на пример методологически корректного подхода к изучению отношения познания и артефактов. По Выготскому, если моя интерпретация его теории является корректной, артефакты влияют на то, что происходит у нас в голове, они формируют нашу внутреннюю психологическую реальность, но сами не смешиваются с этой реальностью. Конечно, Выготский писал о том, что то, что сейчас является нашими интрапсихическими функциями, некогда было реальными отношениями между людьми. На это можно заметить, что возможность интериоризации, «вращивания» предполагает наличие определенной границы между тем, что находится внутри, и тем, что находится вовне. И в данный момент, очевидно, отношения между людьми все же не есть собственно интрапсихические функции.

Вторая идея, к которой я отсылал тогда — это идея «поддержанного средой познания», идущая от старых представлений Выготского о «зоне ближайшего развития». В переводе с английского языка слово «scaffolding» означает самые обычные строительные леса. Здесь речь идет о социокультурных лесах человеческого познания, которые проявляются как в плане филогенеза, так и в пла-

¹¹ *Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, Massachusetts, London, England, 1995.*

не онтогенеза. Эта идея была популяризована Дж. Брунером, Э. Кларком и другими исследователями. Ее смысл заключается в том, что социокультурные леса, выстроенные предыдущими поколениями в плане филогенеза, помогают мне подняться по лестнице моего индивидуального развития, совершенствуют меня в плане онтогенеза, чтобы я дальше сам выстраивал эти социокультурные леса в филогенетическом отношении. Как мне кажется, эта идея не предполагает размывание границ между самими «социокультурными лесами» — конструкциями, которые помогают субъектам развиваться — и их создателями.

Тем не менее, я являюсь сторонником точки зрения, что для возникновения способности создавать и использовать интеллектуальные артефакты прежде необходимо было возникновение в достаточной степени сложного мозга. Здесь кто-либо может задать вопрос, не существует ли противоречия между наиболее распространенным в науке биологическим подходом к памяти и экстерналистским подходом к памяти, который был развит в рамках программы ситуативного и воплощенного познания?

Я считаю, что одним из наиболее ярких выразителей биологического подхода к памяти в современной литературе стал Джефф Хокинз. В своей книге «Об интеллекте»¹² Хокинз выразил точку зрения, что вершиной эволюции интеллекта явилось возникновение все более сложных и ухищренных кортикальных систем памяти млекопитающих и человека, которые по мере своего развития впитывали в себя все более сложные аспекты окружающей среды в форме внутренних моделей для создания все более совершенных перцептивно-моторных предсказаний о том, с чем эти агенты будут взаимодействовать в следующий момент времени. В своей работе Хокинз эскизно выделил три эпохи в истории развития интеллекта. Первая связана с простейшими организмами, чья память определяется исключительно их ДНК. На второй ступени находятся организмы с достаточно сложной нервной системой, которые оказались способны обучаться в пределах их индивидуального жизненного времени, но не передавать полученный опыт последующим поколениям. Третья эпоха ознаменовала возникновение человеческого интеллекта, языка и культуры, а вместе с ними — способности передавать индивидуальный опыт последующим поколениям. С этой

¹² Hawkins J., Blakeslee S. On Intelligence. N. Y., 2007.

точки зрения, вершиной эволюции интеллекта является развитие того, что находится внутри черепной коробки.

С другой стороны, мы имеем развитую в рамках ситуативного познания экстерналистскую точку зрения, согласно которой вершиной когнитивной эволюции является как раз способность разгружать мозг от избыточной информации, выгружать ее в среду, создавать орудия, артефакты, интеллектуальные среды и т.п. Это то, что отличает нас от животных и что позволило нам возвыситься над всеми другими биологическими видами.

Существует ли противоречие между этими подходами к памяти? Нет, мне кажется, что они вполне совместимы. Просто один из них описывает причину, а второй — следствие. Можно отдать небольшой приоритет биологической точке зрения, поскольку она хорошо описывает то, что происходило на большем участке пути. А когда у человека развился достаточной степени сложности мозг, и появилась способность разгружать его от избыточной информации, тогда в дело вступила схема, которая была подробно исследована в работах экстерналистов и сторонников ситуативного познания.

В заключение я хотел бы кратко затронуть тему того, где действительно между этими подходами может крыться серьезное противоречие. Дело в том, что если прав Джефф Хокинз и другие сторонники той точки зрения, что сенсорные паттерны, которые идут от органов чувств в мозг, есть единственная непосредственная реальность, с которой имеет дело мозг, то не существует такой вещи, как прямое восприятие. А это значит, что мы не можем быть уверены в существовании внешнего мира, ведь в таком случае мозг всегда взаимодействует с миром только посредством импульсов, которые распространяются по нервным волокнам в мозг и обратно к органам чувств. И в таком случае оказывается под сомнением вся экстерналистская установка, установка ситуативного и воплощенного познания, изучение артефактов и т.д. Это метафизический парадокс, он не влияет на развитие реальной науки. Можно его и так сформулировать, что без понятий памяти, моделей, репрезентаций мы в когнитивную науку войти не можем, а вместе с ними мы там и оставаться не можем. Потому что в этом случае, теряет смысл, по крайней мере, в метафизическом отношении изучение артефактов, орудий и влияния внешнего мира на познание в общем.

ЛИТЕРАТУРА

- Bach-y-Rita P., Kercel S.W.* Sensory Substitution and the Human-machine Interface // Trends in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. No. 12. P. 541-546.
- Ballard D.* Animate Vision // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 48. No. 1. P. 57-86.
- Brooks R.A.* Intelligence without Representation // Artificial Intelligence. 1991. Vol. 47. No. 1-3. P. 139-159.
- Churchland P.S., Ramachandran V.S., Sejnowski T.J.* A Critique of Pure Vision // Large-scale Neuronal Theories of the Brain / Eds. C. Koch, J.L. Davis. Cambridge, MA: A Bradford Book / The MIT Press, 1994. P. 23-60.
- Clark A.* Being There: Putting Brain, Body and World Together Again. Cambridge, MA: A Bradford Book / The MIT Press, 1998. 292 p.
- Clark A., Chalmers D.* The Extended Mind // Analysis. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7-19.
- Donald M.* Précis of Origins of the Modern Mind: three Stages in Evolution of Culture and Cognition // Behavioral and Brain Sciences. 1993. Vol. 16. No. 4. P. 737-748.
- Hawkins J., Blakeslee S.* On Intelligence. N. Y.: An Owl Book, 2007.
- Hutchins E.* Cognition in the Wild. Cambridge, MA: a Bradford Book / The MIT Press, 1995.
- O'Brien G.* The Mind: Embodied, Embedded, but not Extended. — URL: http://cogprints.org/1451/3/Commentary_on_Clark_Being_There.pdf (январь, 2017).
- O'Regan J. K.* Solving the "Real" Mysteries of Visual Perception: the World as an outside Memory // Canadian Journal of Psychology. 1992. Vol. 46. No. 3. P. 461-488.
- Von Uexküll J.* A Stroll through the Worlds of Animals and Men: a Picture Book of Invisible Worlds // Instinctive Behavior: the Development of a Modern Concept. N. Y.: International Universities Press, 1957. P. 5-80.

THE SUBJECT: EMBODIED, EMBEDDED, BUT NOT EXTENDED

The article attempts to characterize the subject of cognition from the viewpoint of a quite influential situated and embodied cognition research program in cognitive science. On this approach, the subject

should be described as embodied and embedded in his environment. In addition, this work also deals with the hypothesis of extended mind put forward by philosophers A. Clark and D. Chalmers and oftentimes associated with the situated cognition movement. This hypothesis entails that the subject can be extended into the world with the help of various intellectual artefacts like notebooks and mobile computers. The author discusses main theoretical problems of this hypothesis and concludes that it offers an untenable way of studying the relation between human cognition and intellectual artefacts. The author argues that the classical cultural-historical theory of L.S. Vygotsky and more recent idea of scaffolded cognition could provide a more correct way to understand the mind-artefact relationship. Finally, the work shortly explores the relation between a standard biological approach to memory and an externalist conception of the world as an outside memory. The author points out that these apparently opposite views of memory are not contradictory and thus can be integrated into a coherent perspective on the nature and evolution of intelligence.

Keywords: subject, artefacts, memory, situated and embodied cognition, hypothesis of extended mind, cultural-historical psychology.

Mikhail Alexandrovich Sushchin — CS in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Southwest State University; e-mail: sushchin@bk.ru

Ж.К. Загидуллин

О МЕСТЕ ФИЛОСОФИИ В ПОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Статья посвящена определению места философии науки и эпистемологии в научных исследованиях человеческого сознания и субъективности. Автор исходит из предположения, что функция философии — анализировать специфику организации научных знаний в когнитивных исследованиях сознания и человеческой субъективности, выделяя развитые и отсталые способы организации научной деятельности. Это демонстрируется на примере анализа особенностей знаний в психологии и их влиянии на когнитивные исследования сознания. В частности, проанализирована специфика систематики психических явлений психологии, которая определяет границы объекта изучения для всех когнитивных нейронаук, а также представлен феномен «обратимости» психологических знаний (знания-описания легко трансформируются в знания-предписания и обратно) и его влияние на когнитивные исследования.

Ключевые слова: знание, психология, когнитивная наука, философия науки, эпистемология, сознание, субъективность.

В первой половине XX века первенство в познании и понимании человеческой субъективности безоговорочно сохранялось за психологией. Экспериментальная психология смогла перейти от философских концепций человеческого разума к организации систематических научных исследований и экспериментов. Для этого психологи разработали и описали богатую номенклатуру психической жизни человека, включавшую разнообразные психические процессы, функции, состояния, черты личности и характера, отдельные проявления психики, были сконструированы разнообразные уровневые модели психики и многое другое. Важно, что при этом каждый элемент психологической номенклатуры был приго-

ден для эмпирического анализа и эксперимента¹. Организованные на этой основе психологические исследования и построенные объяснительные теории и концепции вывели психологию в лидеры наук о субъективности. И дело было не только в том, что психологи начали получать экспериментальное знание о психике и сознании, а философы и писатели («знатоки человеческих душ») ограничивались только спекулятивными построениями. Дело в том, что только психология явно объявила своей основной задачей объяснение человеческого сознания и психики, а также начала претендовать на описание и объяснение *всей* палитры проявлений психической жизни человека. До этого никто на такое не отваживался.

Однако последовательная критика философов в отношении обоснованности и научности получаемых психологами знаний, а также превозношение в течение всего XX века физики как главного идеала научности, которому психология никак не могла соответствовать, серьезно пошатнули положение этой дисциплины. Во второй половине XX века психология начинает утрачивать лидерство в понимании сознания и субъективности, чему также способствовала постоянная самокритика ученых-психологов в отношении своей науки, ее предмета и лежащего методологического кризиса оснований психологии. К концу XX века периферийное положение психологии окончательно закрепилось благодаря бурному развитию когнитивных наук и успехам в применении средств нейровизуализации работы коры головного мозга². Признаком такого положения дел является то, что представители других дисциплин, занимающихся исследованием сознания (нейронауки, нейробиология, психофизиология, нейрофилософия, философия сознания и пр.), практически перестали цитировать работы современных и актуальных ученых-психологов, из-за чего может даже сложиться впечатление, что научная психология это исключительно работы З. Фрейда, Л.С. Выготского, Ж. Пиаже и Дж. Гибсона. Естественно, это ошибочное впечатление. Дело дошло даже до того, что сами психологи начали сомневаться в необходимости психологии для изучения человеческого сознания и мышления³.

¹ Загидуллин Ж.К. Психология в оптиках философского анализа // Вопросы философии. 2013. № 4. С. 59-69.

² Sejnowski T.J. Summary: Cognition in 2014 // Cold Spring Harbor Symposium Quantitative Biology. 2014. Vol. 79. P. 237-241.

³ Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 3. —

Между тем, недооценка роли психологии в организации исследований сознания, психики, человеческой субъективности может иметь для изучения сознания серьезные последствия. Дело в том, что, хотя этого или не хотят представители не-психологических наук о сознании, сегодня психология выполняет по отношению к любым исследованиям сознания роль *поставщика методологических образцов и исследовательских программ* изучения сознания и психики. Соответственно от того, насколько развиты и эффективны эти образцы напрямую зависит успех использующих их наук. Иными словами, эффективность организации знаний в психологии стало делом не только самих психологов, но и всех тех, кто использует наработки психологии в своих исследованиях. Более того, вновь становится актуальным вопрос о роли философии науки и эпистемологии при организации когнитивных исследований сознания. Попробуем дать свою версию ответа, проиллюстрировав его на примере анализа специфики организации знаний в психологии и ее влиянии на исследования сознания в других научных дисциплинах (когнитивных нейронауках).

СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

Одна из важнейших функций психологии в деле изучения человеческой субъективности состоит в том, что именно психология задает для всех наук систематику (номенклатуру) психических процессов, функций и состояний — то есть всего того, в отношении чего современные когнитивные ученые проводят свои эксперименты, исследования и строят объяснительные модели. По сути, психология соучаствует в определении *объекта изучения* для этих дисциплин. Это легко увидеть в том, как устроен типичный эксперимент в этой сфере. Его можно описать следующим образом: когнитивный ученый выбирает определенный элемент психологической номенклатуры (например, краткосрочную память), по отношению к которому проводимое исследование предположительно даст новое научное знание. Ученый также выбирает определенные процессы в субстрате головного мозга испытуемых (например, увеличение числа связей нейронов или активизация

определенных зон коры головного мозга), которые соотнесены с упомянутым элементом психологической номенклатуры. Когда ученый, благодаря проводимому эксперименту и применению средств нейровизуализации, обнаруживает определенную закономерность в функционировании мозгового субстрата, тогда он «переносит» (интерпретирует) обнаруженную закономерность на материале изучаемого психологического явления (элемента номенклатуры). И уже поверх этого ученый строит модель или теорию, объясняющие эти закономерности и связь их друг с другом. Так устроен процесс получения большинства научных знаний и теорий современных когнитивных нейронаук.

Понятно, что без важнейшей части объекта изучения когнитивных наук — систематики психических явлений — невозможно никакое научное исследование сознания и психики. И только психология разрабатывает эту систематику. Ни одна другая наука не имеет соразмерной по масштабу и детализированности номенклатуры психической жизни человека, и никто из ученых других наук не проводит соответствующих исследований по разработке систематики психических явлений.

ЧТО НЕ ТАК С НОМЕНКЛАТУРОЙ?

Раз психологическая систематика так важна для исследований в различных дисциплинах, то уместно поставить вопрос о ее происхождении, логичности, развитости. Сама психология не часто обращается к рефлексии разработки и использования этой систематики⁴.

Любая систематика объекта изучения науки это один из самых распространенных способов организации многих знаний в единую систему, в единый организм научной дисциплины⁵. Нередко именно появление развитой систематики задает границы науки и предопределяет будущий скачек в развитии науки, как, например, это произошло с зоологией после введения К. Линнеем

⁴ Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М., 2001. 496 с.; Поляков С.Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб., 2011. 688 с.

⁵ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008. С.173.

систематики растений и животных. После появления систематики всякое научное знание дисциплины получает свою «прописку» в этой системе объектов, а соответственно каждая ячейка систематики позволяет собирать и обеспечивать когерентность (взаимную согласованность и непротиворечивость) знаний о конкретном элементе этой систематики. Соответственно история дисциплины — это, по сути, способ изложить историю наполнения знаниями систематики конкретной науки за счет усилий ученых и научных школ.

Если взглянуть с этой точки зрения на психологию, то видно, что история психологии рассказывается о поэтапном наполнении знаниями систематики психических явлений, но вызывает удивление, что психологи ведут свою историю с Античности, пытаясь обобщить двухтысячелетнюю историю работы с психологической номенклатурой. Понятно, что такая история чревата бессодержательными обобщениями, но именно такая история воспроизводится из учебника в учебник. Рационально предположить, что она выполняет какую-то важную задачу в становлении профессионализма психологов. Выяснить эту задачу можно по тому, что *именно* психология хочет обосновать как повторяющееся, постоянное на протяжении всей истории европейской цивилизации.

Попытка психологов «усмотреть» происхождение дисциплины от древних греков нужна для того, чтобы ввести в оборот и *исторически обосновать представления о психике как совокупности психических процессов* (восприятие, мышление, память, эмоции и т.д.).

В самом деле, чем, строго говоря, обоснован в психологии именно такой состав психических процессов? Может ли психология каким-либо образом, в опоре на объективные параметры, доказать, что психика делится на эти процессы? А сами процессы — мышление, память, эмоции — чем именно они отличаются друг от друга? Очевидно, что такое деление психики на психические процессы не имеет объективных оснований.

В этих обстоятельствах психологи вынужденно пошли на «военную хитрость»: они предложили обосновать фундаментальное предположение о психических процессах — исторически, взяв за точку отсчёта рассуждения Аристотеля. Как известно, самое первое описание состава психических функций было предложено Аристотелем в трактате «О душе», где этот состав был выражением онтологических представлений об иерархии видов живых существ и их «душах» (растительная, животная, человеческая). Ари-

стотель поделил отправления этих душ на ощущения, чувства, мышление и волю⁶.

Взяв эти описания за базовые, историки и теоретики психологии представили дело так, что все остальные философы и психологи, в целом соглашаясь, только уточняли и развивали вышеназванную систематику психических процессов.

Нетрудно заметить, что к сегодняшнему дню *базовая архитектура* этой систематики психических явлений практически *не изменилась*. Современные психологи пользуются систематикой в полном объеме и время от времени даже дополняют ее «новыми элементами» (способности, воображение, мотивация, креативность, когнитивное бессознательное и т.п.). Когда-то выдающийся русский физиолог и основоположник рефлексологии В.М. Бехтерев высказал очень точную оценку состояния дел в психологии, которая актуальна и до сих пор. В разговоре с отечественным психологом и психофизиологом К.К. Платоновым он сказал: «Попробуйте когда-нибудь перенести опыт систематики животных и растений на классификацию психологических явлений и понятий. Ведь там еще долиннеевский хаос»⁷.

История психологии подкрепила эту «хаотичную» систематику исторической преемственностью и ссылками на авторитеты, тем самым укоренив в профессиональном сознании ученого-психолога. Теперь, несмотря на то, что психология не является и не исчерпывается своей историей, следует признать, что знания в ней в значительной степени организованы *наподобие* исторической дисциплины. А это имеет последствия. Как известно, основной корпус знаний в исторических дисциплинах не может быть *фальсифицирован*, т.к. они привязаны только к шкале времени и потому непротиворечивым образом могут сосуществовать в рамках исторических программ систематизации знаний. Поэтому, например, открытия в исследованиях произвольной памяти взрослого человека не приводят к тому, что в психологии других таксономических единиц (больного человека или ребёнка) что-либо начало меняться или отбраковываться. По сути, исторический способ организации знаний в психологической систематике

⁶ Аристотель. О душе // Аристотель. Соч. в 4-х томах. Т. 1. М., 1976. С. 371-448.

⁷ Цит. по: Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972. С. 4.

не позволяет отбраковывать ошибочные знания и тормозит развитие самой систематики психических явлений. Более того, исследования самих психологов последних двух-трех десятков лет показали высокую степень взаимопроникновения элементов этой номенклатуры: в восприятии присутствуют мышление и эмоции, в переживании присутствует значительная когнитивная компонента, а в любом сознательном психическом процессе велика доля неосознаваемых (бессознательных) механизмов работы сознания и т.п. Это говорит о том, что в психологии давно назрела необходимость пересмотреть «историческую» систематику.

Но ведь именно «историческая» систематика психических явлений была перенесена на все другие исследования сознания, т.е. она регулирует выбор объекта изучения когнитивных нейронаук. В итоге когнитивные ученые являются заложниками эпистемологических особенностей организации знаний о психическом в психологии и сильно зависят от темпов развития рефлексии и инструментария ученых-психологов.

ЧТО НЕ ТАК СО ЗНАНИЕМ В ПСИХОЛОГИИ?

Анализ только одного элемента знаниевого организма психологии (систематики психических явлений) показал, что научные знания о психическом обладают рядом эпистемологических особенностей. Есть ли еще что-то, что могло бы быть важным для когнитивных ученых? Вероятно, есть.

У проблемы систематизации и обеспечения когерентности научных знаний о сознании есть еще один аспект, связанный с «обратимостью» научных знаний о сознании. Традиционно логика и эпистемология различают знания-описания и знания-предписания. Первые фиксируют характеристики явления или объекта безотносительно к деятельности, а вторые — дают определенный алгоритм действия. Со времен «гильотины Юма» считается, что между этими двумя типами знания пролегла непреодолимая граница. Но если мы обратимся к материалу научных дисциплин, то картина будет не такой однозначной.

В тех науках, где функционируют онтологизированные знания и где знания «очищаются» от следов процедур по их получению, — там водораздел между описанием и предписанием обозначен резко. Описания состава почв Марса и Венеры в астрономии и

астрофизике не имеют шансов, даже гипотетически, стать предписанием по созданию подобного рода планет.

Имеются научные дисциплины, где преобразования описаний в предписания и обратно — возможны, но они взаимно не симметричны. Например, в химии предписания по получению того или иного соединения не всегда могут быть обратимы.

В этом плане психология — достаточно необычная наука, в особенности в отношении явлений сознания. В ней принципиально все описания могут быть трансформированы в предписания и обратно без какой-либо потери смысла или искажений. Например, из того факта, что незаконченные действия человек запоминает в 1,9 раз лучше, чем законченные (так называемый «эффект Зейгарник»), любой психолог выведет рецепт повышения уровня запоминаемости различных навыков, скажем, у школьников, и также с легкостью переведет полученные результаты в описание самого эффекта Зейгарник. То же самое легко проиллюстрировать на примере упомянутого уже «закона оптимума мотивации Йеркса-Додсона» или на примере «числа Мюллера», характеризующего объем оперативного внимания как 7 ± 2 единиц содержания.

Описанная выше «обратимость» научных знаний о сознании в психологии наводит на мысль о том, что именно эта особенность работы психолога делает затруднительным процесс их систематизации и обеспечения когерентности (то, что необходимо для уточнения и доработки «исторической» систематики психических явлений). В самом деле, как систематизировать, отбраковывать знания в науке, когда изучаемые явления готовы стать чем угодно, практически не оказывают «сопротивления» исследователю? Соответственно, способы и программы аккумуляции психологических знаний должны допускать очень большой люфт в объектных представлениях, они должны быть *не жесткими*. Какой смысл отбраковывать якобы неверные знания, когда достаточно найти подходящий объект.

Следствием этого является то, что сегодня практически любая теория и любой психологический факт о сознании равно возможны в психологии. Точнее у психологов просто нет эпистемологических средств определения истинности и объективности получаемых знаний о сознании, нет средств верификации или фальсификации научных знаний. В этих условиях в когнитивных исследованиях сознания слабым звеном становится психология как

источник методологических образцов для когнитивных наук. При этом такое положение дел в психологии находится вне пределов компетенции когнитивного ученого и, как оказалось, и самого ученого-психолога. Как же быть? По нашему мнению, это поле для активности философа-эпистемолога.

КАКОВА РОЛЬ ФИЛОСОФА-ЭПИСТЕМОЛОГА?

Известный философ сознания, сформулировавший различение легких и трудных проблем сознания, Дэвид Чалмерс в завершении своей публичной лекции, прочитанной им в Москве 14 июня 2016 года на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова и посвященной 300-летней истории решения проблемы сознания, высказал следующую мысль, что построения фундаментальной теории сознания — это проект для совместной работы философов и ученых на ближайшие 300 лет. Факт этого публичного высказывания очень примечателен. Яркий представитель аналитической философии сознания в явной форме отказывается от попыток конкурировать с учеными в вопросах объяснения человеческого сознания (как это было и продолжает быть до настоящего времени⁸) и призывает и философов, и ученых — работать вместе. Но главное, что не сказал Чалмерс, это какова роль философа, какую задачу в этом проекте он должен взять на себя.

Наша позиция состоит в том, что роль философа-эпистемолога⁹ в реализации этого проекта состоит в анализе особенностей организации знаний в научных исследованиях человеческой субъективности¹⁰, в выделении развитых и отсталых способов организации на-

⁸ В этом легко убедиться, прочитав название последней монографии другого известного и авторитетного философа сознания: *Деннет Д.* Сладкие грёзы: Чем философия мешает науке о сознании / Пер. с англ. М., 2017. 304 с.

⁹ Кузнецова Н.И., Загидуллин Ж.К. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // *Философия науки*. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М., 2014. С. 101-124.

¹⁰ Загидуллин Ж.К. Проблема изучения сознания сквозь призму рефлексии над наукой // Загидуллин Ж.К., Иванов Д.В., Труфанова Е.О. *Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия*. М: ИФ РАН, 2016. С. 103-154.

учной деятельности, в опознании эпистемологических проблем этих исследований. Пример этой работы представлен выше. На наш взгляд, такой анализ будет полезен и для развития философии науки и эпистемологии, и для организации когнитивных исследований, так как он позволяет практически начать решать возникающие проблемы и находить перспективные зоны совместного приложения сил ученых и философов в познании человеческой субъективности. Методологический потенциал, которым обладает философия науки и эпистемология, дает основание думать, что порочный круг, не дающий дисциплинарно развиваться наукам о сознании, может быть разорван. В решении этой задачи, возможно, и состоит роль философов в совместном с учеными проекте по решению проблемы сознания и построению фундаментальной теории сознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель*. О душе // *Аристотель*. Соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 371-448.
- Деннет Д.* Сладкие грёзы: Чем философия мешает науке о сознании / Пер. с англ. М.: URSS, 2017. 304 с.
- Загидуллин Ж.К., Иванов Д.В., Труфанова Е.О.* Сознание: объяснение, рефлексия, конструирование. М.: ИФ РАН, 2016. 169 с.
- Загидуллин Ж.К.* Психология в оптиках философского анализа // *Вопросы философии*. 2013. № 4. С. 59-69.
- Кузнецова Н.И., Загидуллин Ж.К.* Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // *Философия науки*. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М., 2014. С. 101-124.
- Петровский А.В., Ярошевский М. Г.* Теоретическая психология. М.: ИНФРА-М, 2001. 496 с.
- Поляков С.Э.* Феноменология психических репрезентаций. СПб.: Питер, 2011. 688 с.
- Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972. 216 с.
- Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.
- Фаликман М.В.* Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // *Психологические исследования*. 2015. Т. 8. № 42. С. 3. URL:

<http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1166-falikman42.html>
(февраль, 2017).

Sejnowski T.J. Summary: Cognition in 2014 // Cold Spring Harbor Symposium Quantitative Biology. 2014. Vol. 79. P. 237-241.

ABOUT THE PLACE OF PHILOSOPHY IN THE COGNITION OF HUMAN SUBJECTIVITY

The paper is devoted to the definition of the philosophy of science and epistemology in research and development of human consciousness and subjectivity. According to the author this function may well be shown in case of the analysis of knowledge in psychology and its impact on the cognitive study of consciousness. It analyzes the specifics of the systematics of psychic phenomena of psychology, as well as the phenomenon of “reversibility” of psychological knowledge.

Keywords: knowledge, psychology, cognitive science, philosophy of science, epistemology, consciousness, subjectivity.

Zhan Karimovich Zagidullin — CSc in Philosophy, Affiliated Research Fellow. RAS Institute of Philosophy; e-mail: autist2000@mail.ru

Г.Д. ЛЕВИН

ДЕКАРТОВО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ СОМНЕНИЕ

В данной статье сделана попытка актуализации дискуссии вокруг декартова методологического сомнения как философской основы в приложении к вопросу о значении современной науки для исследований субъективного мира человека. Предложено несколько трактовок формулы Декарта «Ego cogito, ergo sum», сделан вывод о том, что сегодня внести серьезный вклад в разрешение декартова методологического сомнения может не логический анализ субъективной реальности, а решение этой проблемы посредством практики, где выполняют эту роль когнитивные науки.

Ключевые слова: Декарт, методологическое сомнение, субъективный мир, объективный мир.

Цель нашей конференции — оценить вклад современной науки в исследование субъективного мира. Эта оценка существенно зависит от ответа на «вечный» философский вопрос о существовании объективного мира. Вехой в поисках ответа на него является декартово методологическое сомнение. Декарт пишет, обращаясь к своему оппоненту: «Из этого полнейшего сомнения я решил, словно из незыблемой исходной точки, вывести познание Бога, тебя самого и всех существующих в мире вещей»¹. Речь, как мы видим, идет о доказательстве существования объективного мира, причем, конечно, не из самого «полнейшего сомнения», а из положения, которое это сомнение *выдержало*.

И Декарт находит это положение: существование собственно-го сомнения, т.е. мышления. Следом за мышлением он объявляет

¹ Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 165.

несомненным *для себя* и существование всего остального содержания *собственной* субъективной реальности.

Подчеркну обстоятельство принципиальной важности: существование *собственной* субъективной реальности несомненно для философов всех направлений — от Протагора, Аристотеля, Декарта и Беркли до Гегеля, Фейербаха, Энгельса и современных неореалистов. Декарт не случайно называет веру в ее существование «незыблемой исходной точкой» и сравнивает с архимедовой точкой опоры. Эта вера действительно представляет собой исходную точку всех философских систем. Образно говоря, это та «печка», от которой начинается любой философский «танец». Именно от нее Декарт начинает обоснование своей веры в существование мира за границами *собственной* субъективной реальности. В современной литературе это называют *прорывом в трансцендентное*.

Самым главным и самым трудным на этом пути является первый шаг — переход от существования своей мысли к существованию себя самого. Декарт предлагает для решения этой задачи формулу «Ego cogito, ergo sum». Несмотря на внешнюю простоту, она допускает несколько интерпретаций. Нам важно их рассмотреть.

Самая простая возникает, если принять, что я и моя мысль — это одно и то же, или, в современной терминологии, — *я — это моя субъективная реальность*. В текстах Декарта есть основание для такой ее интерпретации: «Тут меня осеняет, что мышление существует: ведь одно лишь оно не может быть мною отторгнуто. Я есмь, я существую. Это очевидно»². Подчеркиваю: *очевидным* и даже *тавтологичным* утверждение «Ego cogito, ergo sum», будет только если принять, что *я — это моя субъективная реальность*. В этом случае существование меня самого так же не требует для меня доказательства, как и существование моей субъективной реальности.

Именно так, насколько я могу судить, интерпретирует формулу Декарта М. Хайдеггер: «“Ergo” здесь значит все равно что: “и этим само собой уже сказано”»³. Но если так, то правы авторы, считающие первую часть формулы «Ego cogito, ergo ego sum» избыточной: достаточно просто «Ego sum». Именно ее и следует в

² Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 316.

³ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 28.

таком случае истолковать как положение, «первичное и достовернейшее из всех, какие могут представляться кому-либо в ходе философствования»⁴.

Все хорошо, если не считать того, что это положение не осуществляет *прорыва в трансцендентное*. Я по-прежнему остаюсь в границах собственной субъективной реальности.

Но есть контексты, в которых Декарт отчетливо трактует свое Я как находящееся *за границами сомнения, мышления и субъективной реальности в целом*. Это, на мой взгляд, явствует из следующей его фразы: «немыслимо, чтобы то, что мыслит, не существовало»⁵. Если принять, что Декарт *не отождествляет* здесь «то, что мыслит», с самим мышлением, то его можно понять так: если есть мысль, то мыслящего, *находящегося за границами мысли и порождающего ее*, не может не быть: если есть следствие, то должна быть и причина. Прорыв в трансцендентное осуществлен. Я оказывается за границами своей мысли и своей субъективной реальности в целом. Вопрос лишь в том, осуществляет ли этот прорыв сама формула Декарта.

При достаточно въедливом анализе можно показать, что ее *первая часть* («Ego cogito»), неявно уже содержит утверждение о существовании не только мысли, но и мыслящего. А это значит, что вся формула в целом просто делает это неявное утверждение явным. По терминологии Канта предложение «Ego cogito, ergo sum» — *аналитическое*. Оно не дает нового знания, а лишь проясняет уже имеющееся и именно потому *доказательством* существования Я *за границами мысли* не является.

Вполне возможно, что именно с целью исключить подозрение в аналитичности формула «Ego cogito, ergo sum» была сокращена в современных справочниках и учебниках до всем известной формулы «Cogito, ergo sum». Но и здесь не все просто. Односоставное предложение «Cogito», входящее в эту формулу, можно трактовать и как *определенно-личное* и, как *безличное*. В первом случае субъект действия (ego) неявно мыслится. И тогда «Cogito, ergo sum» — такое же аналитическое предложение, как и «Ego cogito, ergo sum». Если же «Cogito» трактовать как безличное предложение, как «*думается*», то субъект действия в нем не указан ни прямо, ни кос-

⁴ Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 316.

⁵ Там же. С. 317.

венно. И тогда формулу «Мыслю, следовательно, существую» можно переписать так: имеет место (существует) процесс мышления, следовательно, имеет место (существует) мыслящий. Подозрение в аналитичности снимается.

Но М. Хайдеггер обнаруживает в нем новую трудность. Допустим, что в самом «Я мыслю» утверждения о существовании Я не содержится. Утверждается лишь существование мысли. Тогда существование Я вводится особым постулатом: «Тот, кто мыслит, существует». В итоге формуле Декарта придается смысл категорического силлогизма: «Тот, кто мыслит, существует, но я мыслю; следовательно, я существую (есмы)»⁶. Сам Хайдеггер считает такую интерпретацию «Ego cogito, ergo sum» неверной и принимает приведенную выше: «“Ergo” здесь значит все равно что: “и этим само собой уже сказано”». Но я все-таки проанализирую ее как логически возможную.

Начну с того, что постулат «*мышление невозможно без мыслящего*» не очевиден. Круглый квадрат представить себе нельзя, но мысль, существующую и развивающуюся безо всякого носителя, подобно ничем не поддерживаемой галактической туманности, Гегель представляет себе с легкостью. Возражают, что носителем абсолютной идеи у Гегеля является абсолютный дух. Это недоразумение: абсолютный дух по Гегелю — это этап в развитии абсолютной идеи. А это значит, что тезис о *существовании* носителя *существующей* мысли нужно доказывать, но формула «Cogito, ergo sum» таким доказательством не является. Она основана на неявном предварительном принятии этого недоказанного тезиса.

Для полноты картины упомяну еще одно возможное понимание формулы Декарта: ее можно истолковать по аналогии с онтологическим доказательством бытия Божия: мысля, я не могу не мыслить себя существующим. Следовательно, я существую. Опровержение совпадает с опровержением онтологического доказательства: из того, что я мыслю себя существующим, не следует, что я существую.

Доказав, как он считает, существование за пределами собственной мысли существование себя самого, Декарт затем с легкостью доказывает и существование всего остального объективного

⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 26.

мира. Существование Бога он объявляет таким же очевидным, как и существование собственного Я, а поскольку Бог не обманщик, то и вера Декарта в существование собственного тела и других вещей также не должна вызывать сомнения.

Декарт — великий мыслитель. И неудача его попытки *логически* вывести из существования собственной субъективной реальности существование реальности объективной объясняется не недостатком его способностей, а принципиальной неразрешимостью самой задачи. Человека, признающего существование своей субъективной реальности, но отрицающего существование объективной реальности, чисто логическими средствами опровергнуть невозможно. Кант называет этот факт «скандалом для философии»: «...нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на веру существование вещей вне нас... и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению»⁷. Естественно предположить, что этот текст — результат размышлений Канта над «Cogito» Декарта.

Но важно видеть и другую сторону дела: чисто логическими средствами невозможно доказать не только существование, но и несуществование объективной реальности за границами субъективной. Д. Беркли, правда, попытался это сделать: «Для меня достаточное основание не верить в существование чего-нибудь, если я не вижу оснований верить в это»⁸. Обращаю внимание: «не верить в существование» здесь явно понимается как «отрицать существование». Мудрый Юм мягко поправляет коллегу: *недоказанность тезиса о существовании объективной реальности не является доказательством тезиса о ее несуществовании*. Существование собственной субъективной реальности несомненно для любого человека. Существование *только* собственной субъективной реальности — такая же гипотеза, как и существование объективной реальности.

Оценим драматизм ситуации. Декарт своим методологическим сомнением поставил простой и ясный, почти детский вопрос,

⁷ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 101. Сноска.

⁸ Беркли Д. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 309.

в котором речь идет даже не о первичности объективной реальности по отношению к субъективной, а просто о том, существует ли она. Сформулированы два простых и ясных ответа на этот простой и ясный вопрос: «да» и «нет». И существует «скандал для философии», состоящий в том, что ни один из этих ответов нельзя обосновать демонстративно.

Но драматизм ситуации не только в этом. Каждый человек обязан принять один из этих альтернативных ответов до того, как даст ответ на любой другой, в том числе и житейский вопрос. И если я уступаю дорогу идущему мне навстречу поезду, значит, на вопрос о существовании объективной реальности я ответил утвердительно.

Но после Канта прошло два века. Значит ли это, что «скандал для философии» продолжается? Я разделяю ответ на этот вопрос, из-за которого многие мои коллеги смотрят на меня с жалостью и сочувствием: прорыв в трансцендентное осуществлен давно, в полном соответствии с требованием декартова методологического сомнения, только осуществлен он не логическим анализом субъективной реальности, а посредством практики. Эту великую мысль, сравнимую по значению с декартовским методологическим сомнением высказал, как известно, Ф. Энгельс: «Если мы можем доказать правильность нашего понимания данного явления природы тем, что сами его производим, вызываем его из его условий, заставляем его к тому же служить нашим целям, то кантовской неуловимой “вещи в себе” приходит конец»⁹. Но эту идею, как и многие другие, Энгельс сформулировал лишь в форме тезиса. Я убежден, что раскрыв ее эвристический потенциал, можно внести серьезный вклад в разрешение декартова методологического сомнения. Тем самым будет создана философская основа для приведения наших представлений о субъективном мире в соответствие с данными современной науки.

⁹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 21. М.: Гос. издат. политич. литер., 1961. С. 284.

ЛИТЕРАТУРА

- Декарт Р.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1989. 654 с.; 633 с.
- Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
- Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- Беркли Д.* Сочинения. М.: Мысль, 1978. 556 с.
- Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. Т. 21. М.: Гос. издат. политич. литер., 1961. С. 269-317.

CARTESIAN METHODOLOGICAL DOUBT

The article presents an attempt to actualize discussions of the Cartesian methodological doubt as a philosophical foundation in its application to the question of the significance of contemporary science to the research of the human subjective world. Several different interpretations of the Decartes' formula "Ego cogito, ergo sum" are provided and the conclusion is drawn that today the solution of the Cartesian methodological doubt can be found not in the logical analysis of the subjective reality but in practice provided by cognitive science.

Keywords: Decartes, methodological doubt, subjective world, objective world.

Georgij Dmitrievich Levin — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow.
RAS Institute of Philosophy; e-mail: g.d.levin@mail.ru

И. О. ЩЕДРИНА

САМОСОЗНАНИЕ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ*

В докладе исследуется соотношение самосознания и автобиографического нарратива. Рассмотрены существующие определения нарратива представителями нарратологии — Дж. Принсом и Ж. Женнетом. В докладе также демонстрируется ценность автобиографического нарратива как материала для философского, исторического и психологического исследования. На материале работ П. Рикера и Ж. Женнета выделены две проблемы, возникающие при исследовании соотношения самосознания и автобиографического нарратива: герменевтическая и когнитивная. У Рикера герменевтический подход переплетается с пониманием темпоральной обусловленности человеческого самосознания и человеческого опыта. Для Женнета ключевым становится нарративный акт. Когнитивная проблема в данном случае связана с автобиографическим нарративом, поскольку важен в первую очередь акт осознания себя в собственном прошлом и когнитивная направленность на себя и другого. Автор предлагает два пути решения этих проблем. Первый — с помощью феноменологии на примере анализа нарративной интенциональности, и второй — через обращение к культурно-исторической психологии, поскольку на самосознание человека оказывают воздействие культурные, социальные и исторические факторы. Нарративный подход открывает широкое поле для анализа соотношения самосознания и автобиографического нарратива, позволяя подходить к этому вопросу с точки зрения герменевтики, когнитологии или же феноменологии.

Ключевые слова: Самосознание, нарратив, автобиографический нарратив, нарратология, герменевтика, П. Рикер, Ж. Женнет.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (Project No. 16–18–10229).

Феномен самосознания вызывает интерес со стороны множества научных направлений исследования человека. С разных точек зрения самосознание рассматривают в психологии и медицине, в биологии и социологии, в физиологии высшей нервной деятельности, в рамках когнитологии и исследований искусственного интеллекта (ИИ). Особым образом подходит к исследованию самосознания философия. Для нее это — одна из стержневых тем, трактовка которой фактически определяет ее динамику. При этом философия опирается на результаты исследовательской работы положительных наук. Ракурс «само-осознания» *Я* человеком придает специфический смысл существующим трактовкам самосознания, где на передний план выходят когнитивные аспекты этой тематики.

При рассмотрении этих вопросов заметным становится смещение вектора исследовательских интересов: философы второй половины XX и начала XXI вв. акцентируют внимание не на материи и не на духовности самих по себе, но на их отношении, зафиксировать которое (сделать его вещным, предметным) можно только через высказанное слово. Вот почему на острие современных философских и научных дискуссий оказывается нарратив (от лат. *narrare* — рассказ), через который исследователи пытаются проникнуть в тайны самосознания, памяти, истории, экзистенции. Один из представителей нарратологии, Дж. Принс определяет нарратив как описание (в качестве результата и процесса, объекта и акта, структуры и структуризации) одного или нескольких реальных или вымышленных событий, сообщаемых одним, двумя или несколькими рассказчиками одному, двум или нескольким слушателям¹.

В той мере, в какой исследование сознания и самосознания разворачивается в рамках определенных границ, задаваемых сферой языковой артикуляции, важно отметить конкретный аспект исследования самосознания в заданном выше ракурсе — это индивидуальный нарратив конкретного субъекта, в котором обнаруживается эпистемологическая специфика процессов его самопознания. Индивидуальное самосознание, с одной стороны, выступает в роли некоторого «плацдарма» для индивидуальной истории субъекта (будь то индивид или коллективный субъект), т.е. для нарратива, а с другой — как особая возможность выражения в языке субъектом

¹ *Prince G. A Dictionary of Narratology. Lincoln, L., 1987. P. 58.*

своего знания о себе. В частности, это очень ярко обнаруживается в конкретной форме автобиографического нарратива.

Соотношение самосознания и автобиографического нарратива вызывает интерес и у современных исследователей: работы Д. Германа, Дж. Фелана, П.Дж. Рабиновича, Ф. Лежена, С. Хартера доказывают актуальность и даже злободневность этой тематики. Автобиографический нарратив занимает сегодня особое место и в историко-научных исследованиях, ориентированных на анализ роли социокультурных факторов в научно-познавательной деятельности.

Ценность автобиографических материалов для гуманитарных исследований в области истории, филологии, психологии ни у кого не вызывает сомнений. В философии же благодаря исследованию такого рода текстов, можно увидеть «объективированное субъективное», человека, рассказывающего свою судьбу, вплетающего свою нить в ткань истории. Как материал для исследования, любой автобиографический нарратив многослоен: в нем можно отыскать описание и объективных исторических событий, и результатов самонаблюдений, и субъективных оценок, а можно увидеть между строк и то, о чем автор порой красноречиво умалчивает.

Автобиографический нарратив позволяет субъекту в первую очередь проанализировать, систематизировать и упорядочить собственный опыт; в то же время, это — своеобразный плацдарм для самопроектирования, а также представления себя, собственного образа перед другими. «...Истории о себе рассказываются не столько для фиксации себя в пространстве и времени, хотя и это верно, сколько для отыскания своей подлинности, самообъективации»².

Здесь важно показать, какие проблемы возникают при исследовании самосознания через автобиографический нарратив, и как возможно их решение.

Главная проблема в данном случае — герменевтическая. Исследователь сталкивается с проблемой существования множества интерпретаций. Многозначностью наделяется и субъект, и исторический контекст, и сам нарратив. Одна из бесспорно важных фигур в герменевтике XX столетия, П. Рикер, также посвящает свои исследования этому вопросу. В статье «Нарративность, феноменоло-

² Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 68.

гия и герменевтика»³ он говорит о возникающем противоречии, с которым сталкивается исследователь при попытке очертить герменевтические и феноменологические границы нарратива (в том числе автобиографического, однако в данном случае возникает ряд трудностей). Чтобы объединить многочисленные формы и жанры нарративов, Рикер обращается к когнитивным вопросам, в частности — к специфическому характеру человеческого самосознания и человеческого опыта. И то и другое проявляется (выражается) в нарративном акте, а все формы этого выражения и проявления носят темпоральный характер. Все, что дается в автобиографическом нарративе, все, о чем человек рассказывает — рассказывается во времени, захватывает время — и все, что уже происходило во времени, оказывается рассказанным. Эта обоюдность нарратива и временности в условиях человеческого сознания представлена подробнее в работе Рикера «Время и рассказ»⁴.

Таким образом, герменевтическая проблема исследования самосознания через автобиографический нарратив оказывается связана напрямую и с проблемой когнитивной.

Субъект не просто познает себя, он сталкивается с интерпретацией опыта, своего и чужого, более того — опыта непосредственного или исторического. К примеру, в другой работе Рикера «Память, история, забвение» подчеркивается необходимость понятия: «...до какой степени нарративистская интерпретация отражает эпистемологический разрыв, возникающий между историями, которые рассказывают (stories), и историей, которую выстраивают по следам документов (history)»⁵. Об этом же рассуждал и С. Чэтмен, отделяя историю (story) как то, *что* изображается в нарративе от дискурса — того, *как* изображается⁶. С подоб-

³ См. подробнее: *Ricoeur P. Narrativité, phenomenologie et herméneutique* // Encyclopédie philosophique universelle. L'univers philosophique / Publié sous la direction d'André Jacob. V. I. Secrétaire de rédaction T. Brachet. Révision générale R. Sorel. Préface de P.Ricoeur. Imprimerie des Presses Universitaires de France. Janv. 2000. P. 63-71.

⁴ См.: *Рикер П. Время и рассказ*. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М. – СПб.: Университетская книга, 1998.

⁵ *Рикер П. Память, история, забвение*. — URL: <http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Philos/Rik/> (июнь, 2017).

⁶ *Chatman S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film*. Itaca – London: Cornell University Press, 1978. P. 146.

ным определением связано и понимание Женнетом нарратива⁷; он указывает три основных значения этого термина. Первое – наиболее часто употребляемое: нарратив как устное или письменное повествование об одном или нескольких реальных событиях, собственно, объединяющее понятия нарратива и дискурса. Второе значение, менее распространенное, но циркулирующее в среде аналитиков и теоретиков: нарратив как отсылка к последовательности событий, реальных или вымышленных. И, наконец, третье, подводящее исследователя к когнитивным вопросам — нарратив как то, что не просто дает отсылку к произошедшему событию, но также включает в себя и нарративный акт как таковой. Нарративный дискурс создается в акте говорения, в акте изложения чего бы то ни было⁸ — и в случае с автобиографическим нарративом это в первую очередь акт осознания себя в собственном прошлом и когнитивная направленность на себя и *другого*.

Вместе с тем, надо отметить, что сложность изучения автобиографического нарратива связана, еще и с тем, что субъект динамичен, как и его самохарактеристики. С течением времени может изменяться отношение человека к себе, к собственной жизни, а значит — и описываемые события могут приобрести совершенно иной герменевтический вектор. Огромную роль здесь играет исторический и социокультурный контексты события.

На мой взгляд, можно выделить два варианта решения вышеизложенных проблем. *Первый способ* замечен в идеях Ж. Женнета — это то, что можно было бы назвать феноменологическим уязвливанием.

С момента возникновения «теории повествования» все большую популярность приобретала идея интенциональности высказывания в связи с его двойственной событийностью. Нарратацию Ж. Женнет определял как особую «интенцию говорящего или пишущего субъекта», непосредственного автора автобиографического нарратива. Специфика этой нарративной интенциональности

⁷ Здесь важный переводческий момент: в оригинальном тексте Женнет использует термин *Récit*, повествование. Однако, поскольку повествование у Женнета выступает как нарратив, то и переводится оно на английский соответственно — *Narrative*.

⁸ *Genette G. Narrative Discourse / Trans. by J.E. Lewin. Foreword by J. Culler. Oxford: Basil Blackwell, 1980. P. 25-27.*

состоит в связывании двух событий (референтного, свидетельствуемого — то, *что* повествуется, о чем рассказывается) и коммуникативного (самосвидетельствование как некоторое событие, фактически — социокультурный контекст рассказывания истории). Для Бахтина, к примеру, в таком связывании состояла событийная полнота текста, невозможная без нарративного акта. Существуют также исследования, целиком посвященные феноменологической специфике автобиографического нарратива — к примеру, работы Дж.-П. Каррона⁹.

Однако, при анализе соотношения самосознания и автобиографического нарратива, важно учитывать также и исторический контекст, а также темпорально детерминированный характер человеческого мышления. Поэтому *второй способ* решения — это выход к исторической памяти и ее психологическим исследованиям, то есть к контекстуальному увязыванию нарратива с исследованиями памяти в культурно-исторической психологии.

В этом случае мы сталкиваемся с еще одним когнитивным аспектом автобиографического нарратива — повествование о себе неразрывно связано с памятью, индивидуальной и коллективной. Взятое с точки зрения нарратива самосознание есть фактически форма индивидуальной истории, а стало быть — и индивидуальной памяти. И в этом качестве индивидуальное сознание как один из видов исторической памяти влияет на становление коллективного сознания (общества, народа, нации и т.д.), но, в то же время, испытывает и обратное влияние. Очевидно, что на самопознание человека оказывают воздействие культурные, социальные и исторические факторы. Именно культурный контекст, межсубъектная деятельность и взаимодействие стимулируют развитие психических процессов. Так, определяя нарратив, Брокмейер и Харре ставят акцент на том, что он «...обозначает различные формы, внутренне присущие процессам нашего познавания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта»¹⁰. Что и проявляется в особенностях автобиографического нарратива.

Таким образом, автобиографический нарратив как объект анализа создает определенные трудности за счет своей многофункцио-

⁹ См., например: Carron J.-P. Écriture et identité. Pour une poétique de l'autobiographie. Bruxelles, 2002.

¹⁰ Там же. С. 39.

нальности для человека: он затрагивает одновременно экзистенциальные, когнитивные, герменевтические моменты человеческого бытия. Произошедшее событие невозможно изменить, но с помощью анализа и различных интерпретаций субъект вполне может придать прошедшему желаемый герменевтический ракурс. Однако в этом состоит и плюс нарративного подхода: благодаря гибкости и открытости нарративных структур открываются дополнительные возможности для дальнейших исследований самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-43.
- Рикер П. Интрига и исторический рассказ // Рикер П. Время и рассказ: в 2 т. Т. 1. М. – СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
- Рикер П. Память, история, забвение. — URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Rik/ (декабрь, 2016).
- Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63-74.
- Carron J.-P. Écriture et identité. Pour une poétique de l'autobiographie. Bruxelles: Éditions OUSIA, 2002. 202 p.
- Chatman S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film. Itaca, London: Cornell University Press, 1978. 277 p.
- Fludernick M. From Structuralism to the Present // Narrative Theory (Blackwell Companions to Literature and Culture) / Eds. J. Phelan, P.J Rabinowitz. 2005. — URL: <http://www.slideshare.net/CRSohaib/narrative-theory-blackwell-companions-to-literature-and-culture-james-phelan-peter-j-rabinowitz-eds-41244612> (сентябрь, 2016).
- Genette G. Narrative Discourse / Trans. by J.E. Lewin. Foreword by J. Culler. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 285 p.
- Prince G. A Dictionary of Narratology. L., Lincoln: University of Nebraska Press, 1987. 118 p.
- Ricoeur P. Narrativité, phénoménologie et herméneutique // Encyclopédie philosophique universelle. L'univers philosophique / Publié sous la direction d'André Jacob. V. I. Secrétaire de rédaction T. Brachet. Révision générale R. Sorel. Préface de P. Ricoeur. Imprimerie des Presses Universitaires de France. Janv. 2000. P. 181-191.

SELF-CONSCIOUSNESS AND AUTO-BIOGRAPHICAL NARRATIVE

The report investigates the relation between self-consciousness and auto-biographical narrative. The author follows and comments the development of philosophical interest to linguistic, cognitive and hermeneutical aspects of this problematics in the XXth century. The existing definitions of narrative given by representatives of narratology G. Prince and G. Genette were considered. The report also demonstrates the value of auto-biographical narrative as a material to philosophical, historical and psychological investigation. Based on works of P. Ricoeur and G. Genette two problems that emerge in the investigation between self-consciousness and auto-biographical narrative are highlighted: hermeneutical and cognitive. In Ricoeur's works hermeneutical approach interlaces with the understanding of temporal conditionality of human self-consciousness and human experience. For Genette the narrative act is most essential. Cognitive problem in this case relates to auto-biographical narrative, because the act of self-awareness in person's own past and cognitive intentionality on self and the other is the most important. The author suggests two ways of solving these problems. The first one — with the help of phenomenology on the example of narrative intentionality, and the second one — through an appeal to cultural-historical psychology, because human self-consciousness is affected by cultural, social and historical factors. And cultural context, inter-subject activity and interaction stimulate the development of psychological processes, that appears in auto-biographical narrative. The narrative approach opens a broad field for the analysis of relationship between self-consciousness and auto-biographical narrative, allowing to approach this question from the points of view of hermeneutics, cognitology and phenomenology.

Keywords: Consciousness, narrative, autobiographical narrative, narratology, hermeneutics, P. Ricoeur, G. Genette.

Irina Olegovna Shchedrina — postgraduate student in philosophy. State Academic University for Humanities. e-mail: semargel@mail.ru

А.В. КАТУНИН

ИМПЛИЦИТНОЕ НАУЧЕНИЕ И ИМПЛИЦИТНАЯ ПАМЯТЬ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ «КОГНИТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»^{*}

В статье рассматривается одна из самых актуальных и обсуждаемых тем в современной когнитивной науке — проблема Когнитивного бессознательного и имплицитного научения — как одной из форм проявления этого феномена. Автор исследует взгляды таких учёных, как Д. Канеман, Ж. Пиаже, А. Ребер. Также в статье анализируется соотношение осознанного познания и познания, проходящего на неосознаваемом уровне, исследованы примеры последнего (эксперимент А. Ребера по научению искусственным грамматикам и анализ познавательных структур Ж. Пиаже). Также в статье иллюстрируется активность имплицитной памяти, научения на разных уровнях человеческой деятельности — от теоретических построений до модификации поведения.

Ключевые слова: познание, сознание, когнитивное бессознательное, имплицитное научение, имплицитная память.

Известно, что процесс познания пронизывает все аспекты человеческой жизни, это процесс, сопровождающий деятельность человека от самого рождения и до смерти. Познание, являясь неотъемлемым и даже главным процессом как первичной, так и вторичной социализации становится системообразующим фактором

^{*} Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

субъективной реальности каждого человека. Когда речь заходит о такой философской категории, как познание, мы должны понимать, что его единой универсальной трактовки не существует. Наиболее известны такие научные концепции познания, как психологическая, нейрофизиологическая, лингвистическая, социологическая, логическая, информационная, синергетическая и др.¹. Все они в большей степени имеют дело со сферой осознанного познания. Однако человеку совсем не обязательно ставить перед собой цель что-то познать, чтобы познавать.

Известный американский психолог и экономист Даниэль Канеман (Daniel Kahneman) в своей нобелевской лекции «Карты ограниченной рациональности: взгляд на интуитивное суждение и выбор» в самом начале делает акцент на двух способах познания, в одном из которых суждения и решения принимаются автоматически и мгновенно — такой способ он называет интуитивным; в другом же способе познания — контролируемом — решения принимаются медленно и в результате планомерного обдумывания². Профессор В.М. Аллахвердов в акцентировании внимания именно на этих двух способах познания видит связь с актуальной темой взаимодействия в когнитивной науке сознания и когнитивного бессознательного. Он же, на мой взгляд, даёт наиболее ёмкое и актуальное определение понятия «Когнитивного бессознательного»: «...под общим понятием когнитивного бессознательного объединяются практически все психологические феномены, которые так или иначе могут свидетельствовать о возможности неосознаваемой переработки информации. Среди явлений, относимых к сфере когнитивного бессознательного, можно назвать имплицитное научение, имплицитную память, подпороговое восприятие, прайминг-эффекты, автоматичность, экспертное знание, установку, интуитивные компоненты мыслительной деятельности»³.

¹ Касавин И.Т. Познание // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae474519c306489cb55?p.s=TextQuery> (январь, 2017).

² См.: Kahneman D. Maps of bounded rationality: a perspective on intuitive judgment and choice. URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahneman-lecture.html (январь, 2017).

³ Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 2. С. 10.

Действительно, огромная часть получаемой информации человеком не осознаётся. Но при этом процесс познания продолжается, а знания, полученные подобным образом, хранятся и при возникающей необходимости используются. Процесс неосознаваемого получения, обработки, хранения знаний в современной когнитивной науке называется имплицитным научением, а его сохранение и дальнейшее применение — имплицитной памятью.

Исторически изучение проблемы познания началось ещё в античности. Проблематику неосознаваемого процесса познания можно найти у многих философов не только современности, но и древнего мира. Таково, например, учение Платона об анамнесисе — припоминании душой тех идей, что были ей известны до того, как она обрела смертное тело. В античной традиции процессы внутреннего мира человека рассматриваются через учение о душе, которая хранит знания человека, но деятельность которой, по Платону, находится в сфере неосознаваемого. Познание, согласно Платону, — это переход неосознаваемого знания, хранимого душой, в сферу осознаваемого⁴.

Однако подробное изучение соотношения неосознаваемых познавательных процессов (когнитивного бессознательного) и сознания началось во второй половине XX века. Первым употреблением термина когнитивное бессознательное считается доклад Ж. Пиаже 1970 года «Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное», который был первоначально опубликован в журнале «Raison Présente» и с которым он позже выступил на пленарной сессии Американской психоаналитической ассоциации⁵. Изучение именно имплицитного знания и имплицитного научения началось примерно в то же время и связано с именем американского когнитивного психолога Артура Ребера и публикации его работы «Научение искусственной грамматике» в 1967 году. На исследованиях, проделанных этими учёными остановимся подробнее.

Ребер понимает имплицитное научение как «процесс, посредством которого человек приобретает знание непреднамеренно и при этом оказывается неспособен его эксплицировать, т.е. ясно

⁴ Катунин А.В. Истоки концепции когнитивного бессознательного в философии Платона // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2. С. 44–52.

⁵ Piaget J. Inconscient Affectif et Inconscient Cognitif // Raison Présente. 1970. N 19. P. 11–20.

выразить это знание вербально»⁶ или же: «получение знания, которое по большей степени происходит независимо от сознательных попыток что-то выучить и в значительной степени при отсутствии эксплицитного знания о том, что заучено, усвоено»⁷. Феномен имплицитного научения фиксируется при выполнении многих задач, однако самым известным примером являются опыты А. Ребера по научению искусственным грамматикам. В ходе эксперимента задачей испытуемых было заучить некоторое количество последовательностей согласных звуков, которые были сформированы согласно сложному алгоритму и обозначались как грамматически верные (например, PVPXVPS или PTTTVPS), но о самом алгоритме испытуемые не знали, и цели этот алгоритм вычислить тоже не ставилось. Затем испытуемым предъявлялись иные буквенные последовательности, часть из которых была сформулирована согласно алгоритму, другая же часть нет. Задача испытуемых заключалась в том, чтобы указать на верные построения. В результате проделанного опыта Реберу удалось продемонстрировать, что испытуемые имплицитно усваивают алгоритм построения подобных грамматических рядов и с очень большим процентом верных ответов указывают на верные буквенные последовательности, но при этом не способны внятно объяснить, почему тот или иной пример является верным или не верным. С помощью эксперимента было показано, что человек способен усваивать некоторые абстрактные правила, закономерности функционирования тех или иных процессов неосознанно и в ходе самого научения. Более того, будучи запомненными, но не осознанными, такого рода стимулы влияют и модифицируют поведение людей. Закономерно ставится вопрос, какую роль играет в такого рода познавательных процессах сознание⁸.

⁶ Цит. по: *Морошкина Н.В., Иванчей И.И.* Имплицитное научение: исследование соотношения осознаваемых и неосознаваемых процессов в когнитивной психологии // *Методология и история психологии*. 2012. Том 6. Вып. 4. С. 111-112.

⁷ *Reber A.* Implicit Learning and Tacit Knowledge: an Essay on the Cognitive Unconscious. Oxford University Press. 1993. P. 5. «Implicit learning is the acquisition of knowledge that takes place largely independently of conscious attempts to learn and largely in the absence of explicit knowledge about what was acquired».

⁸ См.: *Морошкина Н.В., Иванчей И.И.* Имплицитное научение: исследование соотношения осознаваемых и неосознаваемых процессов в

Пиаже тоже приходит к рассмотрению процессов познания, которые проходят за порогом осознанности. Он пишет, что всякая активность, целью которой является познание, в большей степени происходит осознанно. Однако познающий субъект не осознаёт внутренние механизмы и структуры, благодаря которым это познание происходит, которые задают вектор его мышления: «Структуры определяют, что он может или не может делать и что он должен делать, в том смысле, что мышление с необходимостью следует определенным логическим отношениям. Познавательные структуры не являются осознаваемым содержанием мышления, однако именно они навязывают мышлению одну форму, а не другую. Эти формы зависят от уровня развития субъекта, начало которого лежит в ранних органических координациях. А. Бине, остроумно заметив, что “мышление — это бессознательная деятельность ума”, был абсолютно прав, так как когнитивное бессознательное состоит из набора структур и функций; субъект осознает лишь их результаты. А. Бине имел в виду, что даже тогда, когда субъект осознает содержание своего мышления, он игнорирует функциональные и структурные причины, детерминирующие ход его мыслей. Другими словами, он не имеет доступа к внутренним механизмам, направляющим его мышление»⁹. Пиаже показывает, что подобный феномен свойственен всем людям на разных этапах их деятельности — от детского мышления в процессе обучения, до развития научного мышления. В виде примера он приводит эксперимент с ребёнком, который до определённого момента не умеет применять свойство транзитивности и способен анализировать объекты только в совокупности, представленной его взглядом. Однако со временем ребёнок выучивается применять правило транзитивности и логически вычислять, что первая, предъявляемая ему палочка короче третьей через соотношение со второй палочкой. Но изучив принцип транзитивности имплицитно, ребёнок начинает думать, что это умение врождённое и он именно таким образом рассуждал всегда. Пиаже показывает, что ребёнок «ничего не знает

когнитивной психологии. // Методология и история психологии. 2012. Том 6. Вып. 4. С. 112.

⁹ Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 126.

об основаниях этого свойства, т.е. о «группировке» отношений; не знает, как и почему транзитивность стала необходимой в его мышлении; не знает, что его мышление было преобразовано внутренними механизмами, и не осознает структуру своего мышления»¹⁰. Этот же феномен распространён и в научном мышлении. Пиаже приводит несколько примеров: первый — подчинение математического мышления ряду законов, которые активно использовались ещё Евклидом, но в явной форме сформулированы были только Галуа в XIX веке (законы теории групп); второй — формулирование Аристотелем простейших структур классов и силлогизмов, но не структур логики, которые он использовал, но которые явно сформулированы были только в XIX веке Морганом.

Имплицитное научение действует не только на теоретические умозаключения, но и является модификатором поведения. Так, человек имплицитно научается многим действиям — от базовых способностей, формируемых ещё в детском возрасте: ходить, правильно работать столовыми приборами, кидать мяч в корзину, ездить на велосипеде, до более сложных — управление автомобилем, способность печатать тексты на клавиатуре со скоростью 300-500 символов в минуту, овладение боевыми искусствами. В случае с базовыми способностями, от научения им до понимания того, как они действуют, может пройти время. Такие действия понимаются ребёнком (человеком) «в действии, а не в мысли», используются сенсомоторные, а не репрезентативные схемы¹¹. В случае научения более сложным процедурам — начало их изучения может положить осознанный импульс, но оттачивание мастерства и определённых навыков происходит уже неосознаваемо — ярким примером может служить изучение «слепого десятипальцевого набора» на клавиатуре.

Таким образом, мы видим, что субъективная реальность человека может формироваться не только через осознанные акты познания, но и путём приобретения и использования информации на неосознаваемом уровне. Когнитивное бессознательное осуществляет сложную переработку информации, наряду с сознанием может проводить сложную семантическую обработку информации,

¹⁰ Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 127.

¹¹ Там же. С. 128.

хранить её, модифицировать поведение человека в зависимости от накопленных имплицитно знаний, осуществлять качественное улучшение навыков, которыми владеет субъект, без осмысленного осознания такого рода деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллахвердов В.М., Воскресенская Е.Ю., Науменко О.В. Сознание и когнитивное бессознательное. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 2. С. 10-19.
- Касавин И.Т. Познание // Новая философская энциклопедия. — URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0155bae474519c306489cb55?p.s=TextQuery> (январь, 2017).
- Катунин А.В. Истоки концепции когнитивного бессознательного в философии Платона // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2. № 2. С. 44-52.
- Морошкина Н.В., Иванчей И.И. Имплицитное научение: исследование соотношения осознаваемых и неосознаваемых процессов в когнитивной психологии. // Методология и история психологии. 2012. Том 6. Вып. 4. С. 109-131.
- Пиаже Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 125-131.
- Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: a Perspective on Intuitive Judgment and Choice. — URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2002/kahneman-lecture.html (январь, 2017).
- Reber A. Implicit Learning and Tacit Knowledge: an Essay on the Cognitive Unconscious. Oxford University Press. 1993. 188 p.

IMPLICIT LEARNING AND IMPLICIT MEMORY AS ONE OF THE FORMS OF “COGNITIVE UNCONSCIOUS” MANIFESTATION

The article deals with some facts about one of the most urgent and debated topics in modern cognitive science — the problem of the cognitive unconscious and implicit learning and memory — as one of the forms of this phenomenon expression. The author gives views of such scientists as D. Kahneman, J. Piaget, A. Reber. The article also

considers relation between conscious cognition and unconscious cognition, examples of the last one are also given (A. Reber's experiment of artificial grammar learning and J. Piaget's analysis of cognitive structure). Implicit memory and learning activity at the different levels of human activity (from theoretical constructs to behaviour modification) are also illustrated in the article.

Keywords: cognition, consciousness, cognitive unconscious, implicit learning and memory.

Alexandr Viktorovich Katunin — Junior Research Fellow. RAS Institute of Philosophy; e-mail: alexandrkatunin@gmail.com

Р.Ю. САБАНЧЕЕВ

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ*

Статья посвящена изучению проблемы соотношения коллективной и индивидуальной памяти. В рамках исследования были проанализированы несколько концепций, в их числе теории М. Хальбвакса, Я. Ассмана, И. Елама, Н. Геди. Кроме того, выявлена линия философской полемики о целесообразности использования понятия «коллективная память» как инструмента научного исследования. Автор статьи приходит к выводу, что феномен коллективной памяти можно рассматривать с точки зрения двух подходов — социологического и психологического. В этом случае удастся выявить разные характеристики и свойства субъекта. В социологическом подходе коллективная память рассматривается как совокупность представлений о прошлом, которую разделяют члены социальной группы. Индивидуальный субъект выступает как часть сообщества. Его память находится в зависимости от других, чьи воспоминания также служат подпорками его памяти. Социологический подход применяется на сегодняшний день для анализа коллективной памяти социальных групп в российских и зарубежных исследованиях. В рамках психологического подхода, коллективная память определяется как память индивида, что придает ее исследованиям особую сложность. Ученому приходится анализировать сознательные и бессознательные процессы и феномены. В их число входит ментальность, коллективные представления, архетипы и стереотипы. Социологический и психологический подходы дополняют друг друга и создают полную картину коллективной памяти.

Ключевые слова: коллективная память, индивидуальная память, субъект, стереотип, архетип, коллективные представления.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16–18–10229). The study was performed by a grant of Russian scientific Foundation (project No. 16–18–10229).

Исследование феномена коллективной памяти продолжается уже почти век. За это время были выдвинуты самые разные гипотезы и теории. Коллективная память находится на острие дискуссий в гуманитарной мысли: с одной стороны она понимается как отдельный пласт нашего знания о прошлом и противопоставляется истории; с другой, — коллективная память рассматривается как опора для личных воспоминаний. Это понятие так и не получило четких дефиниций. Размытое, полное противоречивости оно стало предметом философской полемики.

Дискуссии продолжаются по сей день. Вот пример одной из них. В 2003 году, незадолго до смерти, американская писательница и литературный критик Сьюзан Сонтаг опубликовала работу «Воспринимая боль других». Это большое эссе, в котором автор анализирует то, как реальная память замещается фотографиями или изображениями. В ходе размышлений, Сонтаг замечает, что коллективная память — не более, чем выдумка или «иллюзорное понятие»: «То, что мы называем коллективной памятью, — на самом деле не память, не воспоминание, а обусловленность, соглашение»¹. Любая память, по её словам, индивидуальна и невоспроизводима, а архивы репрезентативных образов создаются при помощи идеологии: «фотографии, вполне пригодные для того, чтобы тут же поместить их на плакат или постер — грибовидное облако, вызванное испытанием атомной бомбы, Мартин Лютер Кинг, произносящий речь у Мемориала Линкольна в Вашингтоне, астронавты, разгуливающие по Луне, — представляют собой визуальные аналоги звуковых информационных байтов. Они отсылают нас — не менее топорным, чем почтовые марки, способом — к Великим Историческим Событиям...»².

Уже в 2010 году эта теория подверглась критике со стороны немецкого культуролога Алейды Ассман. В статье «Рефреймируя память. Между индивидуальными и коллективными формами конструирования прошлого» Ассман подчеркивает неполноту суждений Сонтаг. Она пишет: «Как только воспоминания человека становятся вербализованными, они сливаются с интерсубъективной символической системой языка. Грубо говоря, они больше не являются чей-то исключительной и неотчуждаемой собственно-

¹ Sontag S. Regarding the Pain of Others. N. Y.: Picador, 2003. P. 86.

² Там же.

стью»³. То есть, память не закрыта и не зациклена на самом индивиду. Ею можно делиться с другим. Воспоминание можно не только вербализовать но и записать, увековечить.

Тем не менее, обращаясь к проблеме коллективной памяти, следует рассматривать её с нескольких точек зрения. Сегодня необходимо понять: какова её роль в системе знаний о прошлом? И что такое коллективная память для отдельной личности, для индивида? Эти проблемы мы попытаемся решить, проанализировав разные теории. Но прежде, нам нужно абстрагироваться от концепций и гипотез и обратиться к повседневному опыту.

Мы живем в мире, построенном на воспоминаниях. Начиная со школьной скамьи, мы изучаем историю нашей страны. Каждая улица в городе или населённом пункте, где мы проживаем, носит определённое название, зачастую связанное с исторической персоналией или событием. Монументы и стелы, архивы и музеи — всё это тоже память. Если говорить словами философов-экзистенциалистов, то оказывается, что человек «заброшен» в мир, где царят воспоминания, где прошлое оживает вновь и вновь. Так история общества формирует идентичность человека, который впоследствии отождествляет себя с другими и осознает себя как *Я*.

Но это далеко не всё. Обратимся к памяти, как высшей психической функции. Исключая случаи амнезии, человек склонен помнить образы, мысли и чувства. Он способен узнавать по своим воспоминаниям воспринимаемые объекты, идентифицировать их. И всё это благодаря сохранённому опыту. То есть, память индивида имеет сразу множество ресурсов — это и личные переживания и сопереживания другим, и история, передаваемая при помощи рассказов или текстов. При этом не стоит понимать память человека как нечто статичное. Она постоянно меняется, преобразуется. Она связана, в том числе, с изменениями, которые происходят извне.

Выбираясь за рамки солипсизма индивидуальной памяти, мы осознаем, что на нас оказывают влияние постоянные коммуникативные акты. Мы входим в различные социальные группы, будь то семья, дружеская компания или коллектив на работе.

³ Assmann A. Re-framing Memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* / Ed. by K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter. Amsterdam University Press, 2010. P. 36.

Все рассуждения о повседневном опыте приводят к одному выводу: когда мы говорим о феномене коллективной памяти, то мы сталкиваемся с классической проблемой соотношения индивидуального и социального.

В начале XX века некоторые исследователи буквально заявляли, что наша память имеет социальную природу, а её субъектом являются социальные группы. Французский феноменолог Поль Рикёр замечал: «для социологии начала XX века коллективное сознание было одной из реальностей, онтологический статус которых не вызывал сомнения»⁴. На страницах работ Эмиля Дюркгейма мы можем встретить критику индивидуализма в социологии. Он считает, что «индивидуалистическая социология лишь применяет к социальной жизни принцип старой материалистической метафизики: в действительности она стремится объяснить сложное простым, высшее низшим, целое частью, что противоречиво в самых исходных понятиях»⁵. Одним из ключевых понятий в работах Дюркгейма были коллективные представления. Они, по мнению социолога, находятся вне индивидуального сознания. К коллективным представлениям можно отнести религиозные верования и обряды, правила морали, правовые предписания — все то, что регулирует коллективную жизнь общества.

Идеи Дюркгейма нашли отражение в работах его ученика — социолога и философа Мориса Хальбвакса. Он первым из ученых начал активно использовать понятие «коллективная память», а также разработал свою оригинальную концепцию.

По замыслу исследователя, индивидуальная память не может существовать автономно: «индивидуальная память может опереться на память коллективную, чтобы подтвердить или уточнить то или иное воспоминание или даже чтобы восполнить кое-какие пробелы, вновь погрузиться в нее, на короткое время слиться с ней»⁶. Более

⁴ Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). С. 135.

⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Гофмана. М.: Канон, 1995. Цифровая библиотека по философии. — URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000689/st008.shtml> (январь, 2017).

⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // «Неприкосно-

того, индивидуальная память ненадёжна: «наше сознание словно не может обращать внимание на прошлое, не деформируя его; поднимаясь на поверхность, наше воспоминание словно преобразуется, меняет облик, портится под действием интеллектуального света»⁷.

Индивидуальная и коллективная формы памяти в теории Хальбвакса опираются на рамки. Одна из них и самая простая — это язык. По мнению социолога, некоторые воспоминания не возникают вновь не потому, что они стары и постепенно забылись, — просто раньше они были «обрамлены такой системой понятий, которой у них уже нет сегодня»⁸.

Концепция коллективной памяти, описанная Хальбваксом, сегодня служит основанием для целого ряда зарубежных и российских исследований. Так, обращаются к теории французского социолога Т.П. Емельянова и А.В. Кузнецова. Взяв её на вооружение, они исследовали представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных возрастных когорт⁹. С.А. Векилова на основе теории Хальбвакса исследовал социальные рамки памяти многопоколенной семьи¹⁰. Ф. Мюллер и У. Херст также в своем исследовании о формировании коллективной памяти в разговорной речи обращались к Морису Хальбваксу.

Но эта теория, тем не менее, не осталась в стороне и от критики. Сомнению подверглась идея французского ученого о том, что субъектом коллективной памяти являются социальные группы. «Субъектом памяти и воспоминания всегда остается отдельный человек, но он зависим от рамок, организующих его память»¹¹, — поправляет Хальбвакса немецкий исследователь Ян Ассман. Более того, по его мнению, индивидуальная память создается в каждой отдельной личности благодаря ее участию в процессах коммуника-

венный запас». 2005. № 2–3. Журнальный зал. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2/html> (январь, 2017).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Емельянова Т.П., Кузнецова А.В.: Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. 2013. №2. С. 123-129.

¹⁰ Векилова С.А. Социальные рамки памяти многопоколенной семьи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2013. № 3. С. 46-53.

¹¹ Ассман Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. Сокольской. М., 2004. С. 38.

ции и «является функцией вовлеченности личности в разнообразные социальные группы, начиная с семьи и кончая религиозной и национальной общности»¹².

Некоторые философы и вовсе пишут о коллективной памяти, как о феномене, который вводит в заблуждение. Исследователи из Тель-Авивского университета Ноа Геди и Игаль Элам в статье «Коллективная память — что это?» настаивают: «...единственное законное использование термина «коллективная память» является метафорическим, а именно как свойство, привязанное к некоему обобщенному объекту, такому как «общество»¹³. По мнению исследователей, коллективная память — сфабрикованное понятие, так как общество или социальная группа не могут быть субъектом: «механизм коллективной памяти и механизм личной памяти являются одним и тем же и находятся в одном и том же индивидуальном сознании»¹⁴; «толкование Хальбвакса игнорирует возможность любой реальной личной памяти и, бесспорно, постулирует «коллективную» форму как единственный вид памяти. Абсурдность этой позиции вполне может быть проиллюстрирована той реакцией людей, которые столкнулись с каким-то ужасным личным испытанием. Они обычно стремятся подавить память об этом ужасном событии или, скорее, сохранить эту память для себя, не разделяя ее даже со своими ближайшими родственниками. Известно, что пережившие Холокост молчали о своем опыте в течение многих лет, избавляя тем более своих детей от грязной истории»¹⁵.

Н. Геди и И. Элам уверены, что понятие «коллективная память» в чем-то синонимично понятию «стереотип». По их мнению, социальные стереотипы применяются человеком в обществе как некие шаблоны: «Психологически социальные стереотипы или «коллективная память» могут жить бок о бок с противоположными личными убеждениями или воспоминаниями, не вызывая ни малейшего неудобства»¹⁶.

В самом деле, концепция социальных стереотипов практически не противоречит концепции коллективной памяти Хальбвакса.

¹² Там же.

¹³ Gedi N., Elam Y. Collective Memory — What is it? // History and Memory. 1996 (Spring – Summer). Vol 8. № 1. P. 47.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 46.

¹⁶ Там же.

Обе теории строятся на основоположении о конструкциях, которые поддерживают связь между индивидами в обществе. Но говоря о стереотипах, мы уже пересекаем грань в соотношении индивидуального и социального. Стереотипы, скорее, ведут нас в дискурс о коллективных понятиях «изнутри», с позиции психологии личности. Один из авторов понятия «социальные стереотипы», У. Липпман, утверждал, что «самые тонкие и самые распространенные механизмы воздействия — это те, что создают и поддерживают репертуар стереотипов. Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представления о большинстве вещей до того, как непосредственно сталкиваемся с ними»¹⁷.

В связи с этим следует отметить и то, что некоторые исследователи склонны сравнивать феномен коллективной памяти не только с понятием «социальных стереотипов», но и с архетипами. Это понятие использовал в своей теории швейцарский психиатр Карл Густав Юнг. Он писал, что коллективные образы обнаруживаются повсюду. У разных биологических видов они проявляются как инстинкты: «...не следует также полагать, что и каждый человек при рождении творит свой специфический человеческий путь. Так же как и инстинкты, паттерны коллективной мысли человеческого разума являются врожденными и унаследованными. При необходимости они начинают действовать во всех нас более или менее одинаковым образом»¹⁸. Однако, слова Юнга не стоит наделять платоническим смыслом и сравнивать с врожденными идеями. Он разделяет понятия «психики» и «сознания»: «психическое представляет из себя нечто большее, чем сознание. Животные обладают меньшим сознанием, но существует множество импульсов и реакций, указывающих на существование психического, и первобытные люди делают массу вещей, смысл которых им не известен»¹⁹.

Архетипы могут встретиться человеку в сновидениях. Они выражаются как мотивы или образы и являются врожденными структурами нашей психики. Но Юнг всё-таки, в отличие от Хальбвакса, не склонен завышать в своей теории роль коллектив-

¹⁷ Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. Барчуновой. М., 2004. С. 104.

¹⁸ Юнг К.Г. Архетип и символ / Пер. с нем. А. Руткевича. М., 1991. Цит. по: Электронная библиотека. — URL: <http://e-libra.ru/read/178510-arxetip-i-simvol.html> (январь, 2017).

¹⁹ Там же.

ного. Напротив, он пишет, что личностные комплексы характеризуют конкретного человека, а вот «архетипы создают мифы, религии и философии, оказывающие воздействия на целые народы и исторические эпохи, характеризующие их»²⁰.

Таким образом, в истолковании феномена коллективной памяти можно выделить два подхода. В социологическом подходе коллективная память рассматривается как совокупность представлений о прошлом, которую разделяют члены социальной группы. В данном случае индивидуальный субъект выступает как часть сообщества, его память находится в зависимости от других, чьи воспоминания также служат подпорками его памяти. В психологическом подходе коллективная память определяется как память индивида, что придает ее исследованиям особую сложность, поскольку ученому приходится иметь дело с целым рядом сознательных и бессознательных процессов и феноменов, таких как ментальность, архетипы и стереотипы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ассман Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 386 с.
- Векилова С.А. Социальные рамки памяти многопоколенной семьи // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2013. № 3. С. 46-53.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Гофмана. М.: Канон, 1995. Цифровая библиотека по философии. — URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000689/st008.shtml> (январь, 2017).
- Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. №2. С. 123-129.
- Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. И.И. Блауберг, И.С. Вдовина, О.И. Мачульская, Г.М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004 (Французская философия XX века). 728 с.
- Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // «Неприкосновенный запас». 2005. № 2–3. Журнальный зал. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2/html> (январь, 2017).

²⁰ Там же.

- Юнг К.Г. Архетип и символ / Пер. с нем. А. Руткевича. М.: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-СиД», 1991. Цит. по: Электронная библиотечка. — URL: <http://e-libra.ru/read/178510-arxetip-i-simvol.html> (январь, 2017).
- Assmann A. Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past // *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe* / Ed. by K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter. Amsterdam University Press, 2010. P. 35-50.
- Gedi N., Elam Y. Collective Memory — What is it? // *History and Memory*. 1996 (Spring – Summer). Vol. 8. № 1. P. 30-50.
- Sontag S. Regarding the Pain of Others. N. Y.: Picador, 2003. 131 p.

COLLECTIVE MEMORY AS A PROBLEM OF SUBJECTIVITY

The article is devoted to the study of correlation problem between collective and individual memory. Within the framework of the research, several concepts were analyzed, including the theories of M. Halbwachs, J. Assmann, I. Elam, N. Gedi. In addition to it, a series of philosophical controversy about the expediency of using the concept of “collective memory” as an instrument of scientific research is revealed here. The author of this article made a conclusion that the phenomenon of collective memory can be observed from the point of view of two approaches: sociological and psychological. In this case, it is possible to identify different characteristics and properties of the subject. In the sociological approach, collective memory is viewed as a complex of ideas about the past, shared by members of a social group. In this case, the individual subject acts as part of the community. His memory is dependent upon others, whose memories also serve as a support of his memory. The sociological approach is applied nowadays to analyze the collective memory of social groups in Russian and foreign investigations. Within the framework of the psychological approach, collective memory is defined as the memory of the individual, which makes its investigation particularly difficult. The scientist has to analyze conscious and unconscious processes and phenomena. They include mentality, collective representations, archetypes and stereotypes. Sociological and psychological approaches complement each other and create a complete picture of collective memory.

Keywords: collective memory, individual memory, subject, stereotype, archetype, collective representations.

Rustam Yunusovich Sabancheev — postgraduate student in philosophy. State Academic University for the Humanities; e-mail: silvermarker@yandex.ru

К.Н. БОХВАЛОВА

ДИСКУССИЯ О «ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ»: ВОСПРИЯТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ НАУКЕ

В статье рассмотрены новые взгляды на проблему восприятия и когнитивные способности человека в свете идей известного современного учёного Альва Ноэ, работы которого проанализированы с точки зрения критики нового скептицизма, с целью проанализировать перцептивное сознание, феномен «слепоты по невниманию», а также разрешить парадокс проблемы перцептивного присутствия и головоломку о «Великой иллюзии». В статье показано, что А. Ноэ определяет восприятие и сознание через энактивацию среды, где восприятие зависит не только от способности мыслить, но и от способности действовать, и указывает, что главенствующую позицию в восприятии занимает внимание. Таким образом, центральным в концепции Ноэ является то, что он представляет восприятие не как процесс, происходящий в мозге, а как вид активности тела в среде, и сам окружающий мир — как «внешнюю память» человека.

Ключевые слова: восприятие, иллюзия, «великая иллюзия», Альва Ноэ, скептицизм, энактивизм, когнитивистика, перцептивный опыт, «слепота по невниманию».

Исследуя перцептивный опыт, т.е. то, как мы воспринимаем действительность, люди рано или поздно начинают задаваться вопросами: «Действительно ли нам доступно знание о том, каковы вещи на самом деле? Действительно ли они таковы, каковыми мы их воспринимаем?»

Наверное, об этом задумывался каждый философ. Поэтому закономерно возникновение такого явления, как «скептицизм». Но

на рубеже XXI в. формируется новая позиция скептицизма, т.н. «новый скептицизм», согласно которому ставится под сомнение сама возможность обладания человеком перцептивным опытом.

Конечно, все мы полагаем, надеемся, что обладаем им. Но обладаем ли на самом деле? А если всё же обладаем, то таков ли этот опыт, как мы его себе представляем? Сторонники этого нового скептицизма считают, что те сведения, которые у нас есть о нашем перцептивном опыте, радикально ложны. Значит, все мы находимся в глубоком заблуждении, и весь наш видимый мир — это великая иллюзия. Но также есть немало современных философов, опровергающих данные идеи. В числе них профессор факультета философии Калифорнийского университета в Беркли — Алва Ноз, который доказывает, что концепция нового скептицизма о «Великой иллюзии» — ошибочна, хотя и очень полезна для современной науки.

Многие психологи и философы старых школ, сформировавшие свои идеи задолго до нового скептицизма и рассуждений Ноз, считают, что как только мы открываем глаза, то сразу получаем богатое деталями изображение, похожее на картинку или фотографию. При этом фотографию высокого качества, точной фокусировки, точной детализации. Это есть традиционный подход, доминировавший до настоящего времени.

Ноз называет этот подход — «концепция опыта как снимка». С таким подходом Ноз не согласен. Психологи и философы, разделяющие этот подход, пытаются понять, как же мы всё-таки получаем столь чёткую и богатую информацию, при том, что возможности нашего органа зрительного восприятия, а точнее сетчатки глаза, ограничены. Р. Грегори дает подробное описание этого¹. Он замечает, что на сетчатке наших глаз имеется не одно изображение, а два — ведь самих глаз два. К тому же эти изображения искажены, крайне малы и перевернуты.

Ноз к этому добавляет, что способность нашего глаза ограничена ещё и тем, что сетчатка очень чувствительна к свету, плюс её способность различать предметы очень мала². Да и наш глаз постоянно находится в движении, перемещаясь с одной точки зри-

¹ Грегори Р.Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М., 1970.

² Эти исследования проходили в Калифорнийском университете.

тельного поля на другую три-четыре раза в секунду. Выходит, мы получаем прерывистую, фрагментарную информацию, и не один чёткий снимок, а последовательность чередующихся снимков. Психологи, комментируя этот подход, утверждают, что наш мозг соединяет эту прерывистую информацию в целое. Но остается вопрос: «Почему это происходит?», «Почему нам кажется, что мы видим так много, хотя физически видим так мало?».

Один из представителей нового скептицизма — Д.С. Деннет вспоминает о феномене «слепого пятна». В глазу есть участок сетчатки, где нет фоторецепторов. Мы не замечаем того, что информация, которая попадает в это слепое пятно, в следующий момент туда же не попадает, но мы всё же не переживаем пробелов в поле зрения, потому что мозг заполняет этот пробел сам. Если рассуждать, как Деннет, в нашем переживании видимого мира должен быть пробел, которого мы не замечаем, а значит, все мы жертвы иллюзий³.

Для Ноэ интересен этот новый подход, расправляющийся с концепцией «опыта как снимка». Но он не согласен с Деннетом в том, что люди являются заложниками иллюзий их восприятия.

Ноэ утверждает, что мы переживаем предметы, как присутствующие, а себя переживаем, как имеющие доступ, к этим предметам, благодаря направлению внимания на ту или иную точку. Это он описывает в своей статье «Является ли видимый мир великой иллюзией?»⁴. Ноэ говорит, что восприятие — это телесная активность. Оно зависит не только от способности мыслить, но и от способности действовать. Это не процесс, происходящий в мозгу, а некий вид активности тела. Восприятие предстает как телесное действие. Единственное, что важно — это информация, идущая от реального мира и, конечно, её получатель. Ноэ пишет, что представители «нового скептицизма» правы в том, что опыт не соответствует «концепции снимка». Но новый скептицизм основывается на ложном описании того, каким нам представляется наш перцептивный опыт.

Нам вовсе не кажется, говорит Ноэ, что мы удерживаем в сознании все детали окружающего мира. Скорее, мы находимся в

³ Феномен исследовался там же.

⁴ Noë A. Is the Visual World a Grand Illusion? // Journal of Consciousness. 2002. Vol. 9. № 5-6. P. 1-12.

среде и получаем доступ к этим деталям по мере необходимости, благодаря движению глаз, тела, головы и т.д.

Для Ноэ сознание — это процесс совместной работы мозга, тела и мира. Сознание не внутри нас, а вне нас, — считает он. Это хорошо видно на примере младенца и матери, на примере их взаимосвязи, когда мать качает, трясёт ребенка, а ребенок ждет этого потрясывания.

Для Ноэ видение — это телесная активность, сопровождаемая движениями тела. Восприятие — это моторика тела, вид активности тела в среде, которую оно осваивает.

Никакой «Великой иллюзии» нет. Есть некий феномен, который называется «слепота по невниманию» (*inattention blindness*), — термин, который был введен и изучен двумя учеными А. Мэком и И. Роком в 1998 году.

В статье под названием «*Is the Visual World a Grand Ilusion?*» («Является ли видимый мир огромной иллюзией?»), Ноэ приводит один шуточный пример так называемой «слепоты по невниманию»: если во время ланча специально отвлечь человека, направив его внимание на что-то постороннее, и, пока он не видит, взяты один ломтик картошки-фри с его тарелки, то, когда отвлекшийся человек повернется, он не заметит пропажи. Он ведь не помнит точное количество или расположение ломтиков картошки на тарелке. Раз его внимание в этот момент было отвлечено и направлено на что-то другое, он не заметил факта пропажи. Так выявляется важная черта нашего зрительного опыта — неспособность заметить некоторые изменения. Ноэ пишет о том, что человеческое зрение обычно схватывает то изменение, которое привлекает внимание. Когда мы не видим это изменение по ряду причин (например, отвлечение внимания на что-то иное), это изменение ускользает от нас. Это и есть явление «слепоты по невниманию».

Но иногда мы не замечаем даже того, что происходит непосредственно перед нами.

Вот пример, который в связи с этим приводит Ноэ. Испытуемым зрителям дали задание во время просмотра баскетбольной игры подсчитать, сколько раз белая команда обладала мячом. Между тем, на некоторых кадрах видеоролика появлялся человек в костюме гориллы, который медленно шел к центру поля, затем поворачивался лицом к зрителям и даже плясал, после чего так же медленно уходил с поля. Интересно, что наблюдатели, занятые

подсчетом количества передач мяча, так и не заметили эту гориллу. Даже сам Ноэ признается, что, просматривая данное видео, он тоже не увидел человека, наряженного в гориллу!

Таким образом, наше восприятие зависит от внимания и определяется контекстом. То, что мы хотим заметить, мы замечаем с наибольшей вероятностью. В то же время, наш мозг не схватывает ситуацию до мелких деталей, возможность доступа к этой информации крайне мала. Чтобы увидеть детали в окружающей среде, мы должны направить на них внимание. Мозг не создает модель мира, эта модель уже существует в мире. Мир сам служит внешней памятью, своей собственной моделью.

Мы действуем внутри окружающей среды, мы энактивируем эту среду. В нас заложено ощущение непосредственного присутствия окружающей среды. У нас есть это чувство контакта, даже если в нашей голове нет подробных внутренних моделей ситуации. В нашей голове не содержится всех деталей воспринимаемой ситуации. Все эти детали находятся в самом мире. Перцептивное сознание состоит из использования нашего внимания и осознания нашего непосредственного контакта с окружающей средой, нашего в ней участия.

ЛИТЕРАТУРА

- Грегори Р.Л.* Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. М., 1970. 270 с.
- Noë A.* Is the Visual World a Grand Illusion? // *Journal of Consciousness*. 2002. Vol.9. № 5-6. P. 1-12.
- Noë A.* Finding out about Filling in: a Guide to Perceptual Completion for Visual Science and the Philosophy of Perception // *Behavioral and Brain Sciences*. 1998. Vol. 21. No.6. P. 723-802.
- O'Regan J.K.* Solving the «Real» Mysteries of Visual Perception: the World as an Outside Memory // *Canadian Journal of Psychology*. 1992. Vol. 46. P. 484.

DISCUSSION ABOUT THE “GREAT ILLUSION”:
PERCEPTION IN MODERN COGNITIVE SCIENCE

The purpose of this paper is to examine new views on the perceptions and cognitive abilities of a person. Here attention will be drawn to the ideas of the famous modern scientist Alva Noe. He is interesting due to the fact that he analyzes very recent works in the psychology of perception and philosophy, those that have not been properly examined and studied before. We will review his articles, starting with the criticism of the current direction of the new skepticism. The most important task is to understand how we can generally see, that is, how our perceptions are realized, to analyze perceptual consciousness and the phenomenon of “blindness through neglect”. And also, to resolve the paradox of the problem of perceptual presence and the puzzle about the “Great Illusion”. The report shows how A. Noe copes with the idea of illusory peace that has overwhelmed modern philosophers. Noe gives his definition of perception and consciousness. He speaks of them as an inactivation of the environment and indicates that the dominant position in perception is attention. Where perception depends not only on the ability to think, but also on the ability to act. Noe represents it not as a process occurring in the brain, but as a kind of activity of the body in the environment. And the surrounding world itself is like an “external memory” of a person. Our knowledge depends on access to the elements of our environment, because all information about objects is already available to us in the world.

Keywords: perception, illusion, “great illusion”, Alva Noe, skepticism, enactivism, cognitivism, perceptual experience, “blindness inattention”.

Ksenia Nikolaevna Bokhvalova — student. State Academic University for Humanities; e-mail: kenny_world@bk.ru

ОБ АВТОРАХ

БОХВАЛОВА Ксения Николаевна — студентка 4-го курса бакалавриата философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; e-mail: kenny_world@bk.ru

ВАСИЛЬЕВ Вадим Валерьевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

ВЕЛИЧКОВСКИЙ Борис Митрофанович — доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, Директор Института когнитивных исследований НИЦ «Курчатовский институт»; профессор Технического университета Дрездена.

ДУБРОВСКИЙ Давид Израилевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: ddi29@mail.ru

ЗАГИДУЛЛИН Жан Каримович — кандидат философских наук, внештатный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: autist2000@mail.ru

КАТУНИН Александр Викторович — младший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: alexandrkatunin@gmail.com

ЛЕВИН Георгий Дмитриевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: g.d.levin@mail.ru

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

ЛЫСЕНКО Виктория Георгиевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора восточных философий Института философии РАН; e-mail: vglyssenko@yandex.ru

МИХАЙЛОВ Игорь Феликсович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН; e-mail: ifmikhailov@gmail.com

НИКИТИНА Елена Александровна — доктор философских наук, доцент, профессор Московского технологического университета (МИРЭА); e-mail: nikitina@mirea.ru

ПЕТРЕНКО Виктор Федорович — доктор психологических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий лабораторией «Психология общения и психосемантика» факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова; заведующий лабораторией «Когнитивные исследования» Федерального Исследовательского Центра «Информатика и управление РАН Институт системного анализа»; e-mail: victor-petrenko@mail.ru

САБАНЧЕЕВ Рустам Юнусович — аспирант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; e-mail: silvermarker@yandex.ru

СМИРНОВА Наталья Михайловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии творчества, Институт философии РАН; e-mail: nsmirnova17@gmail.com

СУЩИН Михаил Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН; старший научный сотрудник Юго-Западного государственного университета; e-mail: sushchin@bk.ru

ТРУФАНОВА Елена Олеговна — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: eltrufanova@gmail.com

ЧЕРТКОВА Елена Леонидовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН; e-mail: chertkova.elena00@mail.ru

ЩЕДРИНА Ирина Олеговна — аспирант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; e-mail: semargel@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Александра Федоровна — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. e-mail: afyakovleva@gmail.com

CONTENTS

<i>V.A. LEKTORSKY. INTRODUCTION.....</i>	5
--	---

SUBJECTIVE WORLD AND CONTEMPORARY COGNITIVE SCIENCES

<i>V.A. LEKTORSKY</i>	
Is the Idea of the Subjective World an Illusion?.....	7
<i>D.I. DUBROVSKY</i>	
Is it Possible to Read Other One's Thoughts According to the Brain Research?.....	22
<i>B.M. VELICHKOVSKY</i>	
From Studying Consciousness to Developing Cognitive Technologies.....	37
<i>N.M. SMIRNOVA</i>	
Heuristic Power of Phenomenology for Contemporary Cognitive Sciences.....	58
<i>V.F. PETRENKO</i>	
Consciousness and Unconsciousness in Psychosemantics Context...	71
<i>E.A. NIKITINA</i>	
Subject — the Sum of Technology or the Project of Itself.....	89
<i>E.O. TRUFANOVA</i>	
On the Question of the Disappearance of the Self.....	99
<i>E.L. CHERTKOVA</i>	
Paradoxical Subjectivity or Subjectivity without a Subject.....	113
<i>A.F. YAKOVLEVA</i>	
Scientific Activity: the Crisis of the Subject in the World of Knowledge.....	125
<i>V.V. VASILIEV</i>	
How to Demonstrate that Free Will is not an Illusion.....	138

V.G. LYSENKO

Subject and Subjectivity in the Perspective of the Buddhist Abhidharma Philosophy.....	145
---	-----

I.F. MIKHAILOV

Consciousness and Awareness: Conceptual Analysis.....	157
---	-----

M.A. SUSHCHIN

The Subject: Embodied, Embedded, but not Extended.....	170
---	-----

Z.K. ZAGIDULLIN

About the Place of Philosophy in the Cognition of Human Subjectivity.....	181
--	-----

G.D. LEVIN

Cartesian Methodological Doubt.....	192
-------------------------------------	-----

STUDIES OF YOUNG SCIENTISTS

I.O. SHCHEDRINA

Self-Consciousness and Auto-Biographical Narrative.....	199
---	-----

A.V.KATUNIN

Implicit Learning and Implicit Memory as One of the Forms of “Cognitive Unconscious” Manifestation.....	207
---	-----

R.Y. SABANCHEEV

Collective Memory as a Problem of Subjectivity.....	215
--	-----

K.N. BOKHVALOVA

Discussion about the “Great Illusion”: Perception in Modern Cognitive Science.....	224
---	-----

AUTHORS.....	230
--------------	-----

CONTENTS.....	232
---------------	-----

СУБЪЕКТИВНЫЙ МИР

В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ НАУК

•

Общая редакция и составление
В.А. Лекторского, Е.О. Труфановой, А.Ф. Яковлевой

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института философии РАН

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано к печати 24. 08. 2017
Формат 60х90/16

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 25. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978–5–906578–22–8

9 785906 578228